

МИСТИЧЕСКИЙ
ТРИЛЛЕР

ИГОРЬ РЕЗУН

БИТВА
ТРЕХ
ЦАРЕВЕН

свидание
на
Аламуте

сокровище
**КНИГА
ТРЕТЬЯ**

Укок, или Битва Трех Царевен

Игорь Резун

Свидание на Аламуте

Издательство «Союз писателей»

2015

УДК 82-344

ББК 84(2 Рос=Рус)

Резун И.

Свидание на Аламуте / И. Резун — Издательство «Союз писателей», 2015 — (Укок, или Битва Трех Царевен)

Книга основана на исторических источниках и глубоком изучении истории секты так называемых ассасинов – исламских фанатиков, возникшей около X в. н. э. В самом начале XXI века ассасины, чьими руководителями теперь являются респектабельные миллионеры Запада, снова делают бросок к власти над всем миром: используя древнюю магию, парапсихологию, обман и террористические методы. Им противостоит малоизвестное Специальное управление ФСБ России: управление «Й», занимающееся магами, экстрасенсами, колдунами и паранормальными явлениями. Однако в борьбу за мировое господство под знаком Эры Водолея – Эры Женщины, втянуты и другие силы: алтайские шаманы, мечтающие провести реинкарнацию священной мумии с алтайского плато Укок и наследники загадочной «цыганской принцессы», рассеянные по всему миру. Битва трёх мистических сил, трёх «Царевен» идет по всему миру, на нескольких континентах, в нескольких мировых столицах. А тем временем в глубине Сибири молодые люди с удовольствием постигают веселое и красочное психологическое учение СИМОРОН, дающие средства для самореализации, избавления от комплексов и повышения самооценки... Автор использует источники из Сети Интернет, реальные архивные документы и иные материалы ограниченного доступа.

УДК 82-344

ББК 84(2 Рос=Рус)

© Резун И., 2015
© Издательство «Союз
писателей», 2015

Содержание

Игорь Резун	6
Пролог	6
Точка Сборки-1	8
Тексты	12
Точка Сборки-2	17
Тексты	22
Тексты	31
Точка Сборки-3	38
Тексты	48
Точка Сборки-4	57
Лабораторная работа-1	64
Тексты	67
Точка Сборки-5	76
Тексты	85
Конец ознакомительного фрагмента.	94

Игорь Резун

Укок, или Битва Трёх Царевен.

Часть 3. Свидание на Аламуте

Пролог

...Здесь бывает так тихо, что слышно, как шепчутся высокие, тонколистые травы и голубенькие эдельвейсы. Но чаще всего дует, завывая, какой-то потусторонний, мрачный ветер. Когда эти пространства скованы снегами, тут минус пятьдесят. Летним днем земля морщится от жара, а ночью падает град. Здесь все нереально и странно; это чулан мира, куда Бог свалил все ненужное, но почему-то до сих пор хранимое в забвенье.

Здесь ходил, прихрамывая, кривоногий человек с длинной веревкой бороденки – Чингисхан, прошедший тут со своим войском одну зиму; здесь брели, преодолевая кручи, караваны Великого Шелкового Пути. Здесь сходились границы трех великих империй – китайской, монгольской и российской, и бесконечных тюркских владений. Здесь сталкивались, не побеждая друг друга, четыре мировых религии: смиренное конфуцианство, задумчивый буддизм, дремотное православие и воинственный ислам. А жители прилегающих мест до сих пор поклоняются духам, верят, что из деревьев ночами, по повелению Эрлик-хана, выходят мэнквы – бывшие боги, нескладные и глупые, годные лишь для того, чтобы вселиться в мертвое тело, да выполнять грубую работу, или веками молчать в древесном обличье. Здесь над ручьями трепещут на ветру обвязанные ленточками ветви деревьев – Бурханов, у которых каждый останавливается и постоит в благоговейном молчании. Здесь несколько тысяч лет назад нашла свое последнее прибежище загадочная принцесса-шаманка, пришедшая из страны пустынь, женщина с лицом нубийки, не похожим на плоские овалы здешних жителей, и с несоразмерно большими ступнями ног, что тоже считалось признаком ее царственного, мистического происхождения – эти ноги не боялись ни холода, ни углей, ни стального клинка. Рерих считал, что отсюда начинается вход в Шамбалу. В этом затерянном мире неуютно ощущают себя люди, но зато прекрасно сосуществуют кони, растения и птицы.

Плато Укок раскинулось на двух с половиной тысячах метров над уровнем моря, на семьдесят километров с запада на восток и на полсотни – севера на юг. Почти что ровный квадрат. А в центре этого квадрата – Табын-Богдо-Ола, гора, название которой переводится, как «Пять священных вершин». На нем сильные ветры сдувают выпавший снег – и поэтому древние монголы, тюрки, скифы и казахи издавна пасли тут свой скот. Здесь же они приносили жертвы: в перевязях сочной травы до сих пор выбеленные солнцем и ветром кости животных. Альпинисты тревожат Пять священных вершин только с монгольской стороны, и то перед восхождением получают благословление ламы, иначе гора безжалостно бросает их вниз, на камни, на ледяные плоскости и убивает без промедления.

А у тех, кому удастся подняться на самую вершину, и оттуда, со снежной шапки, взглянуть вниз, на плато, начинаются галлюцинации. Они видят бредущую по снежному савану или по травяному ковру женщину; чаще всего она бредет по снегу – она почти нага, ветер раздувает на ней балахон, и ноги ее босы, они равнодушно перемальвают снег, как песок пляжа. Невозможно сказать, молодая она или старая, брюнетка или шатенка, голова ее скрыта накидкой, да и странно – видят ее очень хорошо, очень точно, будто бы в бинокль с чудовищным увеличением. Куда идет она, к кому? Она идет тяжело, придерживая рукой живот – но идет, как только что разрешившаяся от бремени, как сотни тысяч российских рожениц, бредущих

по коридорам роддомов. Одни говорят, что увидеть ее – счастье, другие утверждают, что это к близкой смерти. Наверно, и то, и другое справедливо – только боги знают, кому что суждено, однако видение этой женщины, хозяйки плато всегда означает какие-то перемены в человеческой судьбе.

Здесь есть два перевала Канас и Бесу-Канас. «Кан» – по-казахски кровь, «Ас» – перевал. Картографы нанесли их на карты только в пятидесятом, но названия старше. В тридцать шестом несколько казахских родов хотели уйти в Китай. Сотни людей, воины – на лошадях, женщины с грудными младенцами, цепляющимися за их шеи, с оравами ребятишек, пешком по сухой, истомленной солнцем траве. Ржали лошади, блеяли немногочисленные овцы. Захлебываясь лаем, бежали впереди собаки... Видели ли они эту женщину? Неизвестно. Ее могли видеть те, кто для разведки поднялся чуть выше, на Табын-Богдо-Ола, в царство начинающегося льда – чтобы разведать путь, чтобы предсказать погоду; чтобы вымолить у Пяти Священных Вершин право уйти...

Наверно, они посмотрели вниз и увидели ее.

А застава НКВД на границе с Китаем получила жестокий приказ и выполнила его, как и подобает сталинским соколам. Из каменных распадков застрочили пулеметы. Пули косили замерших людей, словно сено, грохот выстрелом катился по распадкам, падая в их чаши и умирая там. Бойня была короткой – всего лишь полчаса. На огромном пространстве остались лежать тела, спокойные, умиротворенные смертью, покрытые ее яркой патиной – алым. Мертвые всадники на мертвых лошадях, прошитые пулями младенцы на остывающих телах мертвых матерей. Несколько тысяч человек. Кровь журчала между трав и кустарника, питая их корни ненавистью и горем – и вода в речке Чиндагатуй была от нее три дня красной.

Это была жертва, угодная Абракасу.

Точка Сборки-1 Нью-Йорк. Консультант и другие

В самом начале Бродвея, где псевдоготическая колокольня церкви Святой Троицы тонет в окружении ступенчатых фасадов, вроде здания «Стандарт Ойл» двадцать второго года постройки, с декоративным «масляным светильником» на верхушке, находится – чуть выше по течению этой прямой и изменчивой улицы – Вулворт Билдинг. Архитектор Касс Гилберт построил его в тысяча девятьсот тринадцатом, на звонкую монету короля «продаж за пять центов» Вулворта, и по желанию заказчика придал зданию черты европейского собора, где центральный холл имеет вид храмового свода с нефами, украшенного мозаичными аллегориями Труда и Процветания, до боли похожими на пышные, но несравненно более простодушные лепные фигуры на фасаде какого-нибудь коломенского ДК имени Последнего Интернационала. А среди этого обильного готического декора архитектор, словно в насмешку, впаял фигуру того самого заказчика, скрючившегося за подсчетом пяти- и десятицентовых монет...

Эта насмешка витала над вулвортовским строением со времен первой мировой, когда в его кабинетах сошел с ума охваченный манией преследования немецкий военный атташе, готовивший нападение на Нью-Йорк. А потом печально известный генерал Форрестол едва не заколол вилкой официанта, узрев в нем советского шпиона. Одним словом, на всех этажах небоскреба так или иначе витал дух трагикомедии. Поэтому синяя табличка, слева от лифта, украшавшая один из кабинетов-залов, была выполнена в том же иезуитском духе. Сверху шел текст на русском – дерзко, кириллицей, которую понимал только негр-уборщик, когда-то ходивший в Союз на кораблях «Совфрахта». Надпись гласила:

Б. О. Г.
Прием по личным вопросам:
с 12:00.
Тапочки снимать!

А ниже шла уже англоязычная надпись, вгонявшая в полный ступор добропорядочных христиан:

The god
The satan
All inclusive
Prepare a triviality¹

Сейчас за этой коричневой дверью жужжала тишина. Жужжала тремя десятками ручек Parker, скользящих по мелованной бумаге подарочных блокнотов. На каждом листе просматривалось изображение чьей-то объемистой задницы нежно-розового оттенка и надпись водяными знаками: «Менструация – это щель между мирами. В. Пелевин».

Около тридцати менеджеров, студентов Манхэттенской Биржевой школы, усердно водили ручками по листкам. А на некотором возвышении сидел в кресле румяный круглолицый человек в замшевом костюме от Brioni. По американской привычке он водрузил на стол свои ноги без носков, выставляя на обозрение студентам свои розовые, румяно-сытые ступни. А сам он – бритоголовый, чернобровый и большеротый – спрятался за своими задумчиво шевелящимися пальцами. Полулежа в кресле и изредка отпивая из бутылки охлажденный зеленый чай, он вещал с такой интонацией, с какой декламируют Шекспира на школьных вечерах.

¹ БогСатанаВсе включеноГотовьте мелочь! (англ.).

– ...По сути дела, все мы получаем только пять процентов от того объема оплаты за нашу работу, который могли бы получать. Это очень легко отследить. Сколько стоит, например, внедорожник Ford Expedition с четырехлитровым двигателем? Семьдесят тысяч долларов в автосалоне на углу Пятьдесят седьмой улицы и Пятой авеню. Сколько получает рабочий фордовского завода в Детройте за один день? Всего триста пятьдесят баксов. В месяц – около восьми с половиной тысяч – это без вычетов на страхование и кредиты. Получается, если он соберет за день один внедорожник, то получит ровно пять процентов от его цены. Ну да, один рабочий крутит одну гайку, прочие же крутят другие гайки... В итоге, если посчитать суммарную долю этого рабочего от стоимости изготовленного им продукта, получаются все те же пять процентов! Вопрос: а куда же деваются остальные девятью пятью процентами? Ведь они не могут исчезнуть, парни? Ну, мыслите, мыслите... ворочайте верхнеягодичной мышцей! Ага! Дошли?! Итак, куда-то уходят все девятью пятью процентами. Ну, а если бы рабочий получал за те же восемь часов работы не пять, а десять процентов? Он бы мог работать меньше времени, чтобы обеспечить себе тот же уровень жизни. А если бы получал пятьдесят процентов? Он бы работал четыре часа и ни о чем бы не думал. А если бы он получал сто процентов? Да он бы тогда вообще не работал, дурни вы ореховые, поняли или как?

Олег Макарович Лиходеев, произнеся все это на английском и добавив в речь несколько хлестких оборотов из лексикона портовых грузчиков, залился счастливым смехом. Его смех в этой строгой аудитории, тщательно декорированной кремовыми стенами и упрятанными в элегантные ниши лампами, был так же неуместен, как, положим, разбросанные по ней картофельные очистки.

– ...Итак, куда же деваются проклятые девятью пятью? А вот туда, милые вы мои засранцы. Они поступают в карман мировой элиты. Что такое само по себе деньги? Это ерунда. Бумажки. Это шелуха. Мусор. Деньги – это эквивалент того самого отнятого труда, который порождает результат и, в конечном счете, наслаждение жизнью. Получается, девятью пятью процентами жизни просто вынимают у нас из карманов и суют в свою задницу, а мы остаемся тоже с задницей, но с голой. Это понятно? Отлично. Теперь мы перейдем ко второй части лекции. Как сделать так, чтобы мы получали не пять, а те самые девятью пятью процентами...

Впереди сидящий студент, мордатый латиноамериканец, приподнялся на своем месте, покраснел и без того бурным лицом и громко пукнул. Аудитория политкорректно промолчала. Лиходеев зевнул, отпил еще зеленого чая (мельхиоровый чайничек-вытяжка, блистающий полированным бочком, и тонкостенная фарфоровая чашечка стояли на столе сбоку) и убрал ноги со столешницы. Как раз вовремя: зазвонил небольшой телефончик, а точнее – завибрировал. Лектор завозился в кармане своего роскошного пиджака от Brioni.

Олег Макарович поднес трубку к уху. Послушал. А потом неожиданно встал за столом, выпрямил кряжистое тело, размял его в паре ленивых асан и рявкнул:

– ...А это просто! Надо посмотреть, на чем вы сидите!!!

– На заднице! – неуверенно ответил латиноамериканец, коверкая чуждое ему слово.

И ошибся.

– На деньгах!

Студенты завозились. Консультант смеющимися глазами наблюдал за аудиторией, пока наконец самый сметливый не догадался выдернуть из-под себя стул и пошарить рукой по его нижней части. Пальцы студента нащупали десятидолларовую бумажку.

– О, вау!

Лиходеев ухмыльнулся.

– Это вам бонус за то, что вы, олухи, все-таки проснулись и пришли на лекцию. Вы сэкономили ровно одну двадцатую часть из внесенной вами платы. Пять процентов! Вы их заработали! Вау! Радуйтесь! И думайте, куда делись остальные девятью пятью. На следующей лекции я спрошу ваше мнение. Все свободны.

Менеджеры одинаково неразборчиво вскрикивали и вертели стулья. Их руки находились в противоречии с эмоциями – хотелось размахивать ими, но, очевидно, дресс-код требовал сдержанности, и это стадо черно-белых пингвинов, толкаясь, выплывало из аудитории.

Консультант потер бритый круглый череп, словно лампу Алладина, дождался, пока зальчик опустеет, вышел из-за своего стола и сделал несколько легких, пружинистых шагов по ковровому покрытию. Его босые ноги, коротковатые и широкие, с рыжими волосками даже на фалангах пальцев, ступали по-тигриному бесшумно. Лиходеев посмотрел в окно, на панораму парка Нулевой Зоны, где находилась скульптура «Слезы». Здесь, на тридцать пятом этаже, хорошо просматривалось это напоминание о трагедии одиннадцатого сентября, намекая на то, что все брэнно в этом мире. И провести здесь курс «Финансовые Волшебники» было неплохой задумкой.

Солнце, садящееся над Гудзоном, заливало сверкающую стелу монумента багровым, тревожным светом. Очередной самолет заходил на посадку, чертя в небе след, а темную воду реки так же бритвенно тонко прорезали буруны катеров. Консультант постоял, раскачиваясь своим крепким, немного обезьяньим телом из стороны в сторону, сделал шаг назад и, почти не глядя, запрыгнул в замшевые штиблеты на резиновой подошве, которые уже стояли сзади. Их принес крохотный японец со сморщенным, словно печеным, лицом, одетый в нечто зеленое, напоминавшее своим покроем френч.

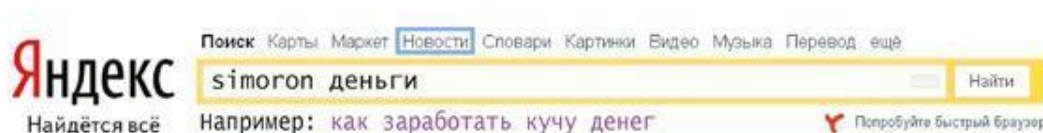
– Саке-сан, – негромко проговорил Консультант, по-прежнему не оборачиваясь. – Два билета в Париж. Через два часа вылетаем.

А когда обернулся, пропустив короткий, но полный преданности поклон японца, то уже улыбался так широко, как только мог. Круглое лицо его блистало, как те самые вулвортовские пятицентовики.

– По полной программе, Саке-сан! – уточнил он радостно. – Все для барбекю и хакири... япона-мать!

Саке-сан снова склонил коротко стриженную черную голову и исчез из зала.

Новости

«...Как будто в попытке объяснить появление своих безумных состояний, швыряемых на ветер в Европе и США, русские вторглись в святая святых Уолл-стрит – на Нью-Йоркскую Товарную биржу. Но они продают не воздух, как это было принято на первых биржевых торгах в Москве, они продают ощущения... Терри Уильямсон, обрушивший на прошлой неделе курс евро на четыре пункта, признался, что главным итогом этой операции стали не сотни тысяч долларов, положенные им в карман в результате этой спекуляции, а ощущение радости от того, что русские друзья научили его, как это сделать, и – сработало. В данном случае применялась загадочная технология simoron, которая до сих пор остается сенсацией прошлого биржевого года. При этом ряд экспертов связывает агрессивную деятельность некоторых брокеров с использованием ими новой поисковой системы abracadabra.go, как известно, официально запрещенной в США...»

*Джо Харрел. «Как они это делают»
The Independent, Лондон, Великобритания*

Тексты

Голландия. Алесь Радзивилл и граф Голицын

Вода рвалась в залив Шельда с чавканьем и рычанием оголодавшего циклопа, обгладывающего серые каменистые берега, как кости. Над Северным морем мутнел полдень, питаюсь плесенью его мертвой пены; неясный полдень, чреватый вечерним морозящим дождем, как часто бывает в этих местах. Ветер дул с моря зло, пронзительно, вырывал из-под трости графа Голицына темно-коричневые комочки песка. А трость чертила по этой прессованной глади странные узоры, и граф шел по жесткой полоске, метрах в пяти от прибоя, осторожно ставя на сыроватый песок свои безукоризненные штиблеты.

Иван Петрович Голицын, аристократ третьей волны, в первые дни войны, в Бресте, угодил в плен вместе со своей семьей в десятилетнем возрасте. Он прошел сначала голод и скитания, потом уже – концлагерь (тогда еще, в начале блицкрига, не сажали). Затем он бежал, воевал в Норвегии, в составе антифашистского отряда.

Этому сухонькому, но элегантному, словно резной шахматный столик из черного дерева, старичку было сейчас около семидесяти пяти. Он шел, держа спину прямо. Ветер развевал полы его легкого черного плащика, одетого поверх безукоризненного костюма кофейного цвета, с крахмальным воротничком и бабочкой.

Рядом с ним шагал Алесь Радзивилл, закованный в плотный шерстяной костюм от Nevaro. Он шел, в глубине души немного робея. И не от того, что старик принадлежал более древнему аристократическому роду, – нет. А от уважения к человеку, хлебнувшему в этой жизни много горестей.

Поляк сейчас был озабочен одним вопросом. Может, поэтому он и завернул в этот полукурортный Флиссинген, где за его спинами меланхолично махали крыльями деревянные, сетчатые, какие-то призрачные ветряки, до сих пор усеивающие всю Голландию.

– ... Но, Иван Петрович, я не могу... Я чувствую это! Может, оттого, что моя душа отравлена ядом русского пессимизма?!

– Нуте-с, батенька, – кашляюще сказал граф, черкнув концом трости очередную загогулину на песке. – Уж вам-то, чьих предков безумно любила матушка Елизавета, об этом думать? История тут немало поработала, шляхта польская стала и шляхтой рассейской... А пессимизм, дорогой вы мой, он органически присущ русской культуре. В России мы, кабы вы знали, имеем отменно горькую интеллектуальную среду. Пессимизм, который вас объял, – плод этой горечи. Русская интеллигенция всегда выбирала самый пессимистический сценарий любых событий. Это плод нестабильности всей российской жизни, отсутствие ценностей, недоверие, подозрительность – все то, что нашего человека сделало загнанным зверем. Поэтому он, естественным манером, откликается на всякую катастрофичность, на страх, на ужас. Хотя, с другой стороны, когда русский человек отвлекается от всего этого в пьянке-гулянке, то он, наоборот, становится самым беззаботным. Эх-ма, пойду в кабак, залью горюшко... Такая полярность: с одной стороны, подозрительность и забитость, а с другой стороны, безответственность и отвязность, – побуждает большинство душ к выбору наиболее пессимистического сценария. Человек даже не обязательно в него верит, но всегда озвучивает вслух. Поэтому, вы знаете, я не доверяю русскому человеку, когда он постоянно кричит, что все будет плохо и даже хуже. Ему просто легче так думать.

– Вот как... Иван Петрович, дорогой, но я ведь никогда не наблюдал этих страхов даже среди тех русских, с которыми общаюсь в Европе. В Париже, например. Отчего эта странная закваска пребывает во мне?

Граф остановился. Задумчиво скovyрнул клочок бурой водоросли, ненароком прилипший к ранту ботинка.

– Пожалуй, батенька, российские страхи весьма отличаются тем, что они имеют непроанализированный характер. Француз, к примеру, боится того, что он готов проанализировать. Например, утрату трудоспособности, старость, безработицу, крушение каких-то социальных структур, ну, то, что, в общем, видится умозрительно в ближайшей перспективе... А русский человек, поверьте мне, он глобализирует страх, ему кажется, что страх воткнут прямо в сердце творения, в сердце мира, и ничего другого нету. Это страх, который можно найти и в народных сказках. Это архаическое понятие. То есть Запад к страху относится как к чему-то такому, что надо проанализировать и как можно дальше отодвинуть. Заметьте, русский человек, не очень склонный к анализу вообще, воспринимает страх в сказочном измерении. Если сказать проще, то русский народ – это народ-фаталист. «Раз это должно случиться, значит, так и будет». И воленс-ноленс, как говорится...

– Граф, я вижу, как все гибнет! Понимаете?! После одиннадцатого сентября все сочувствовали Америке... А в Париже, на рынке, открыли семиэтажный «Мак-Дональдс». Апофеоз фаст-фуда. Я уже не говорю, что сыр ратототан уже невозможно попробовать нигде, а луковый суп, даже в «Максима», – это бог знает что... Все глобализуется. Даже гемоглобин, м-да. И они, и мы. Я согласен оставаться поляком-парижанином, черт возьми! Но я не хочу быть частью глобальной культуры! Это – апокалипсис. Я вижу, он близок.

– Да нет, я считаю как раз наоборот, батенька... Изоляционизм нынешней Европы – это тупик. Тем более – России, так любившей ваш род. Да, если мы будем говорить одно, думать другое, а делать третье, то ничего хорошего не произойдет. Конечно, можно сказать: «Ох, глобализм – это для тех, кто против самобытной культуры», или: «Ах, глобализм – это только радость для американцев». В конце концов мир идет к глобализации уже целых две тысячи лет, просто каждый раз это по-разному выглядит. Чем была квашеная капуста, распространенная римлянами вплоть до самых окраин Империи? Разве не глобализацией? А византийская культура и нравы?! А та самая мода, которая шла из Парижа начиная с восемнадцатого века, – это тоже была глобализация. Или книги, которые читали все, те же французские романы или английские – это глобализация мысли. Помните: «С ужасной книжкой Гизота... с последней песней Беранжера» граф Нулин едет-с в Петербург. Поэтому ничего я не вижу страшного в глобализации, и никаких ядов, поверьте мне, она не источает. Если она, конечно, не превращается в банальный идиотизм. А изоляция всегда бывает тогда, когда нация считает себя лучше других. Это самообман. У нас вообще всегда нависает такая фальшивая обстановка. И при моем папеньке это было, после эйфории девятьсот пятого года... Выступают: «У нас и свобода есть! И Дума! И все прекрасно вообще! И лучше всех в отношении прав человека!» Но это уже очень сильно напоминает какие-то пропагандистские барабаны, не к ночи будет помянуто. На самом деле ничего этого нет. Поэтому изоляционизм – это просто грехопадение для нас.

– Но... я же вижу ИХ на каждом углу. В Париже не стало французов. Арабы, сплошные арабы... Я не против ислама, но это – это немислимо, Иван Петрович.

– Я думаю, батенька мой... – Тут граф Голицын остановился и долго, выпрямив худые плечи, смотрел на беззвучно вертящиеся крылья Флиссингена. – Я вот что думаю: исламской цивилизации не удастся завоевать будущее. Потому что все, на чем основан мир в техническом и интеллектуальном плане, – это, в общем-то, победа западной цивилизации. Это вторично. А исламская цивилизация, как она сейчас есть, просто паразитирует на западных успехах. И основанную на этом победу ислама просто невозможно себе представить. Вообще, такой спор архаической культуры и современной очень естествен. А мы, наша Россия – где-то между молотом и наковальней.

– Как странно вы говорите... – заметил поляк. – «Мы»! Вы уже десять лет не были в России. Там все другое. Неужели вы ощущаете себя... нет, не русским – россиянином?

– Я всегда себя таковым ощущал. Даже когда шарфюрер Гюнтер Пробст пытался убедить меня в том, что я принадлежу к арийскому роду. Нравилась ему мои белокурые волосы,

батенька, такой вот оксюморон! Кстати, халифат от Каспия до Янцзы – во многом русская идея. Мы сами – халифат до сих пор. Поэтому мне кажется, если будут соблюдены все достижения, все нормы западной цивилизации, конечно, победит современное, западное общество. Но если будут делаться такие грубые ошибки, какие совершают американцы, то вполне можно предвидеть и отступление от этих планов. Я не считаю, что модернизация общества ведет к какому-то всемирному благу. Очень многое теряется. Теряется представление о метафизике, принятое в архаических обществах, где больше думают о Боге и больше молятся ему. И это важный момент. Но мы знаем, что физики все чаще склоняются к мысли о том, что у мира был Создатель, а значит, будет возникать новая метафизика. То есть в этом смысле Запад не замыкается на своей технологичности. Я считаю, что если будут умные политики на Западе, то он победит. Мы, эмигранты, тоже до сих пор стоим на каком-то берегу духовном и наблюдаем, как Ной строит свой ковчег. И сесть – боязно, и не сесть – жаль. Вот и ищем третий путь, прости, Господи! Кому-то надо решиться оставить свои кости на этом берегу, ну а кому-то – войти в чрево ковчегово... Каждой твари по паре, как сказано в писании... Ну да Бог с ним. Так вы говорите, вы всерьез подумывали о переезде в Австралию?

– Увы, – кратко ответил Алесь, хмуро наблюдая веселое кувырканье облачков на небе. Старик покачал головой, улыбнулся.

– Зря, зря, батенька! Ужасное там вино, поверьте мне. И все поголовно пьют виски. Я был там в пятидесятые, когда пришлось вербоваться матросом на суда в Ганноверском порту.

– А в России и моей Польше пьют водку! – отчего-то вздохнул аристократ.

Граф усмехнулся. Они дошли почти до самого конца косы, где за грязно-желтым гребнем возвышался небольшой и, видимо, давно потерявший особое значение невысокий бело-красный маячок, торчавший, словно палочка колбасы. Затем повернули обратно. Теперь ноги графа часто зарывались в менее плотный, рыхлый песок.

– Эге, друг мой! А водку-то изобрели в Кремле, кабы вы известились... Вернее, этот состав для промывания ран пользовали еще монахи Чудова монастыря и производили его по кремлевскому заказу задолго до Иоанна Грозного. Как вы помните, татар изгнали в тысяча четыреста восьмидесятом, а уже в тысяча пятьсот пятом шведские дипломаты писали, что «русские изобрели горячую воду, кою пьют повсеместно».

– Разве? – изумился Радзивилл. – Я все время считал, что водку изобрели наши польские жида...

Граф засмеялся – снова с легким кашлем, кудахтая.

– Это вы, батенька, хватили! О том, что Русь спивается, впервые заговорил Александр Третий, тоже, кстати, сам не брезговавший чарку пропустить. И поручил он графу Витте создать стандарт русской водки, чтобы народ меньше травился. А потом уж Менделеев определил стандарт, а Сеченов популярно объяснил, сколько водки нужно потреблять в день, чтобы это здоровью не вредило. Стало быть, по пятьдесят граммов в день-с. Полезно для кровообращения и пищеварения. Словом, с подачи государя нашего Александра Третьего процесс едва-едва начал упорядочиваться, когда грянула первая мировая война, и в тысяча девятьсот четырнадцатом году бедняга Николай Второй объявил в России сухой закон. Муки народные не знали предела, люди терпели-терпели и – все. Дальше – октябрь семнадцатого года, как известно, и большевики.

– Забавно. Я тоже всегда полагал, что причиной варварского переворота послужило что-то совсем банальное и понятное... как, собственно, и причиной установления красного ига.

– Вы знаете, батенька, есть в России Вильям Похлебкин, автор единственной сколь-нибудь серьезной книги об истории водки. Довелось мне ее прочитать, а вот побеседовать с автором – увы! Он высказал смелое предположение, будто красные смогли победить белую гвардию из-за того, что ЧК лучше охраняла винные и водочные склады, чем наши золотопогонники. Мне, грешным делом, так и показалось, когда я тут уже, в Германии, беседовал с некото-

рыми выходцами той эмигрантской волны... Ни слова об идее, все об одном: тут «Яр», тут мы погуляли на две телеги шампанского, там мы в городишко ворвались, красных перевешали да напились на радостях... Господа офицеры попросту пропили Россию, отдали ее красноармейцам. И уж если с этим тезисом Похлебкина можно поспорить, то кабацкий бунт, вспыхнувший на Руси в семнадцатом веке, – исторический факт. Целовальники, хозяева и служащие кабаков, на кресте клявшиеся, что будут честно торговать «казенкой», не разбавляя ее водой, отказались наливать водку в долг. К этому моменту большинство пахотных земель в стране в течение нескольких лет не засеивалось, крестьяне беспробудно пьянствовали, и треть населения была должна кабакам. Протрезвев, люд пошел громить всех и вся. Собственно, аналогии просматриваются... Я к чему говорю? Давно уже гуляет расхожий тезис, что русский народ спаивают, но при этом как-то не возникает вопроса, почему устояли перед искушением французы или итальянцы, которые тоже знают толк в алкоголе. Убежден: водка открыла параллельную историю в России, а в фантазмах русского пьянства гораздо больше исконно народного, чем в событиях, зафиксированных официальными летописцами. Сие есть неисследованное поле.

Поляк помотал головой, словно бы страшивая наваждение.

– Моя нынешняя знакомая, прелестная венгерская графиня, несколько раз была в России. Она мне рассказывала о тамошних кутежах. Представляете, эта безумно утонченная и страстная женщина тоже умеет пить водку! Она рассказывала, как какие-то военные после обильного водочного фуршета обучали ее в таком состоянии кататься на танке! По ее словам, это случилось где-то в Сибири. Правда, сам процесс она плохо помнит.

Граф Голицын добро усмехнулся.

– Иностранцы всегда поражались и приходили в трепет не из-за количества спиртного, выпитого русскими, а из-за того, что именно пьяная удаль вызывала наибольший восторг толпы. Вы не задумывались над тем, что у нас водочная нирвана порой пересиливает страх смерти? В пьяном угаре человек доходит до последней черты и перешагивает ее: дескать, на миру и смерть красна. Дело, батенька, даже не в этом. Мы – народ, который очень боится заниматься самопознанием. Вещи в России принимаются такими, какие они есть. Их не пробуют изучать, расщеплять. Вот гречневая крупа, а вот сваренная каша, но сопоставлять одно с другим не в наших правилах. Анализ – западная выдумка, которая не годится для русского человека. Умом Россию не понять по одной причине: она не хочет, чтобы ее так понимали. Она сама запретила себя понимать. Посему и отношение к водке идеально вписывается в эту концепцию. Например, вы в курсе, что до начала двадцатого века официально не разрешалось называть водку водкой? Это приравнивалось к ругани, считалось бранным словом.

– Ну, вам я верю... Забавно!

С моря доносился запах йода, который навевал дух лазарета и одновременно отдавал свежестью. Запах этот щекотал ноздри, а в уши тек равномерный звук прибоя, пережевывавшего песчаную косу, и раздавались всыпанные в него, как изюм в булку, редкие крики драчливых чаек, на камнях за маяком.

– Именно! Хлеб насущный... Для скрытого упоминания водки существовала масса эвфемизмов, их количество сравнимо разве что с числом заменителей слова, обозначающего мужской половой орган. Как только водку ни нарекали: и казенка, и монополька, и четвертинка-доченька. Почему избегали называть вещи своими именами? С одной стороны, пить водку считалось занятием мужицким, постыдным, недостойным людей высшего сословия, с другой – не пить было нельзя. Так что, мой друг, если вы хотите избавиться от снедающего вас беспокойства по западному образцу, то вспомните первую часть нашего разговора да прочтите пару умных книжек. А если угодно по-нашему, то давайте нынче сходим в русский ресторан. Это, правда, не во Флиссингене. Ближайший – в Страсбурге.

Они уже сошли с песка и теперь поднимались по дорожке, выложенной плоскими розовыми камнями, неровные окружности которых матово блестели, словно ногти на пальцах сле-

дящего за собой исполина. За чугунной решеткой и шелковистым, мягким валом подстриженного кустарника стоял в ожидании белоснежный RR Silver Shadow, арендованный поляком для передвижения по Европе. Алесь мягко улыбнулся.

– К сожалению, не могу, любезный мой Иван Петрович! Через пару часов отбываю в Париж.

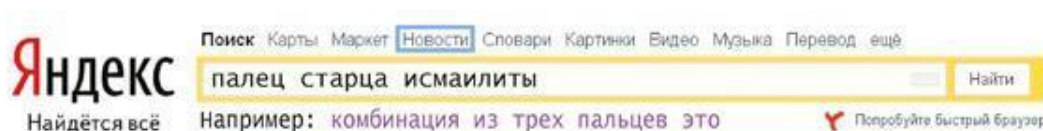
– Самолетом?

– Избави Бог! После одиннадцатого сентября... Нет, я не готов к этому. Поездом до Парижа. А там меня ждет чудесная женщина. Графиня Элизабет Дьендеш. Она обещала мне показать место, где подают сыр ратототан.

– О! У вас впереди эпоха великих гастрономических открытий! – засмеялся граф и подал ему для прощания сухую, но крепкую аристократическую руку – вполне простецки, как исконно русский человек.

Спустя несколько минут автомобиль уже удалялся по аллее, обсаженной вековыми дубами, в сторону машущих крыльями мельниц. А Голицын, чья вилла находилась недалеко, в десяти минутах ходьбы, проводив своего друга, теперь смотрел на море, на пестрый стручок маяка старческими, слезящимися глазами. Стоя, опершись на трость.

Новости

«...Как сообщает агентство Reuters, один из крупнейших Интернет-аукционов E-Bay расторг соглашение, заключенное с новой поисковой системой abracadabra.go, о прямом участии ее абонентов в онлайн-аукционных торгах. Поводом послужили махинации с лотом № 8768, иначе именуемым как „Палец Старца“. По вине операторов abracadabra.go этот лот был продан за 6 миллионов долларов анонимному покупателю из Пакистана, в то время как за него предлагали гораздо более высокую сумму европейские покупатели. Впрочем, руководство E-Bay пытается делать хорошую мину при плохой игре. Как заявил президент Оценочного комитета аукционов Сильвер Раковски, лот представлял собой всего лишь ювелирное изделие из недорогих рубинов, ценность которого была во многом завышена в результате спекулятивных пиар-акций в среде коллекционеров восточных древностей. По мнению мистера Раковски, версия о том, что данное изделие когда-то принадлежало прочно забытому мистическому ордену исмаилитов, не выдерживает никакой критики...»

*Хана Рич. «Лабиринты Интернета»
Newsday, Нью-Йорк, США*

Точка Сборки-2

Париж. Майбах, Полковник и Лунь Ву

В Париже – раннее утро. Солнце стреляет лучами через кружевную сталь башни, лениво выползая из квартала Дефанс. На ступенях церкви Мадлен лежат светлые квадраты цвета банановой кожуры. Парижский воздух утром чист, хоть уже слегка и приправлен автомобильными газами. Красная капля Renault Megane Coupe одиноко стоит поперек на линиях желтой парковочной разметки и словно ждет пассажиров. Таковые появляются...

Через всю площадь, не обращая внимания на светофоры и не опасаясь машин, которые еще не заполнили круг, идет человек. Он в синем шерстяном костюме от Lanzago, в льняной белой сорочке, но почему-то бос, и его белые ступни отчетливо прорисовываются почти черно-белым снимком на мокром асфальте. Через десяток секунд он, бесцеремонно рванув дверцу автомобиля, усаживается на переднее сиденье. За рулем – молодая женщина с плоским лицом китайки, одетая в черные джинсы с бахромой по краям и черный пиджак. Судя по тому, как этот пиджак обтягивает ее фигуру, открывая спереди смуглую кожу с татуировкой повыше левой груди, он надет на голое тело.

Человек чешет себя где-то под рубашкой, зевает и хриплым голосом ругается:

– Merde!²

Затем он вытаскивает из красной пачки палочку «Галуаз» и говорит по-французски:

– Судя по всему, вы и есть Лунь Ву. Вы ведете эти дела о женщинах с отрезанными головами, я читал в «Фигаро»... Меня зовут Майбах. Дмитрий. Похоже, у вас есть ко мне много вопросов, а я могу дать вам много ответов... Но сначала, умоляю вас, давайте съездим куда-нибудь и хорошенько перекусим! Похмелье, родная...

Китайка поворачивает ключ зажигания и, коверкая слово, осведомляется:

– Pochmeliet? C'est tres interessant!..³

...Вот уже полдня как Майбах запер кабинет и покинул здание издательства «Ad Libitum». Элизабет уже давно ушла, кутая шалью худые плечи. А он прокрался по второму этажу, где только в одном кабинете горел свет и из-за двери доносилось характерное позвякивание: русский корректор издательства, Лев Николаевич, отмечал сдачу очередных гранок с французским корректором Шарлем д'Обуа. Майбах прислушался, усмехнулся и проследовал дальше.

Он вышел на улицу через пожарный выход. В отличие от российских выходов такого же рода, тот всегда содержался в идеальном порядке. Под навесом, между загородкой с мусорными мешками и блестящим пожарным гидрантом, стоял крохотный «ситроен», напичканный электроникой. Майбах сел за руль, с ужасом коснувшись пупырчатой оплетки руля, и пробормотал: «Черт! Неужели Варвара не могла достать что-то попроще? Чтобы... как „Запорожец“». Но, пересилив себя, издатель включил мотор. Автомобили он любил, но испытывал ужас при мысли о самостоятельном управлении ими.

Через полчаса мучений, торопливого проскакивания светофоров на пустынных перекрестках Майбах оказался у изрядно загаженного дома на улице Леонар. Света тут, в этом квартале, вместившем в себя всю «отрыжку Большого Парижа», было мало. На тротуаре жгли костры. Несколько компаний проводили взглядом крохотный автомобиль и тут же потеряли к нему всякий интерес. Издатель получил возможность почти невидимым пробраться по внешней железной лестнице, купаясь в густых запахах лука и картошки, турецкой аджики и корейской капусты, гниющих бананов и индийского карри... Он поднялся на третий этаж и открыл дверь крохотной комнатки.

Минута – на то, чтобы наполнить водой из пластиковых бутылей медный таз, ожидавший его в углу. Вода – с частицами серебра. Подвинул стул. Снял штилеты и носки, закатал брючины, сорвал мешающий галстук. Подошел к стулу, постоял, вздохнув, в полумраке. И внезапно услышал жесткий, ударивший в затылок, как дуло пистолета, голос.

– Не двигайтесь, Дмитрий Дмитриевич, не надо. И не касайтесь таза! Этот канал давно перехвачен. Самое лучшее, что вы можете сейчас сделать, – это покинуть комнату. Идите назад. И я вас умоляю, не отрывайте ноги от пола! Идите, дружок, как полотер... вот так...

Голос полковника Заратустрова, который Майбах давно уже не слышал, заставил его вздрогнуть. Онемев, издатель стал пятиться назад. Ступни его скользили по полу, покрытому грязью полугодовой давности. И только когда под пятками оказалось холодное железо стальной уличной галереи, по которой жители этого «социального» дома добирались в свои захлапанные квартиры, Майбах услышал:

– А теперь, можете или нет, но бегите за мной, вниз!

Они бегом рванули по скрипящей лестнице, цепляясь за шершавые прутья. Когда были уже у самой земли, над ними вспыхнуло тихое сияние. Голубоватое свечение залило их, спустившись сверху, и высинило ноги Майбаха в нелепо подвернутых штанинах да узкую спину полковника.

² Дерьмо! (фр.).

³ Похмелье? Это очень интересно! (фр.).

Издатель поднял голову. Это было жуткое зрелище! Голубой огонь беззвучно рвался из дверного проема комнатки, которую они только что оставили...

– Зажигательная бомба, хрен ли смотреть! – рявкнул над его ухом Заратустров. – Давай, двигай ногами!

Полковник буквально сдернул его с лестницы. Они прошли мимо оставленного «ситроена», около которого уже расхаживали, подозрительно косясь, двое негров, к приземистой машине, явно немецкой. Заратустров впихнул издателя внутрь, как мешок, а сам моментально оказался за рулем. И когда автомобиль резко стартовал, сшибив пару мусорных баков, а негры заорали ругательства, только тогда на третьем этаже рвануло. Теперь уже не голубое, а оранжевое пламя ожесточенно выметнулось из оконного проема, обрушило с грохотом один пролет лестницы и сорвало железные переплетения площадок. В разгорающемся пожаре заметались, закричали люди, тотчас же рядом завопили полицейские сирены. Двор вмиг заполнился народом, осветились все окна дома напротив...

Мощный «БМВ», виляя, мчался прочь из этого района.

Через полчаса в небольшом бистро в тихом районе Валь-де-Марн издатель мрачно опрокинул первую стопку кальвадоса, а полковник отпил перно, смакуя его терпкий вкус.

– Ну что ж, Дмитрий Дмитрич, – сказал Заратустров, расстегивая свой плащ, как у типичного французского ажана, прорезиненный, темно-синий, и показывая безыскусный черный костюм и дешевенький галстук, – вот вы и родились во второй раз... Ваше здоровье!

– Спасибо. Черт подери, я до сих пор не могу забыть взрыв машины Марики... Черт знает что! Вы как меня вытащили? Вы тут вообще как оказались?

– Я в частной поездке, – усмехнулся Заратустров. – Так, решил проветриться... инкогнито. Мы все ваши сообщения получили. Только, Дмитрий Дмитриевич, их перехватывали. Нашлись мастера и на древний способ передачи информации через воду на расстоянии! А теперь вот видите: хитроумная «зажигалка». Бомбочка такая. Они знали, что вы рано или поздно придете именно туда. Вы бы сначала были отрезаны от выхода пламенем сверхвысокой температуры, а потом вторая бомба разорвала бы вас на кусочки. Срабатывало по шагам: топ-топ-топ-топ... подошли к тазу. И все. Таймер включился. Еще шаг, ногу от пола оторвали – взрыв.

– Фу, язви его...

– Ладно, что тут теперь? Наливайте еще кальвадоса. Хороша водочка, только слабовата. Все-таки яблочная – не чета нашей. А я вам кратко расскажу, что в наших пенатах творится.

– Догадываюсь, что все неладно.

– Более чем. Ассасины все-таки захватили нашу Невесту. Все, она под колпаком – кукла. Вывезли они ее сюда, в Париж. Скорее всего, она где-то рядом. Не лучше и с остальными. Вторая Невеста, воплощение царевны Укок, тоже исчезла. Про пробуждение Ктулху слышали?

– Да уж. Целый год все местные интеллектуалы про это говорят. Нам тут предлагают рукопись Уэльбека на эту тему.

– Ну, Уэльбек – Уэльбеком, а у нас попроще. Разыскал я тут товарища одного, который в тридцатые годы приказ отдал о расстреле группы реакционных шорских шаманов. Он лично Абычегай-оола кончал из ТТ. Хороший человек, Бабушкин его фамилия. Генерал-майор КГБ в отставке. Ну, это ладно, не о нем речь. И вот товарищ Абычегай воскрес. Возродился. Где он ее прячет, Невесту эту, ума не приложу. Но тоже думаю, что она уже не в России. Так что все то, что предрекала Марика Мерди, все – у порога. Битва трех Царевен, родной вы мой... Началось!

Заратустров вздохнул. Оглядел помещение бистро, пустую барную стойку в оцинкованном панцире, дремлющего бармена-поляка и шуршащий музыкальными клипами телевизор.

– В общем, уже приехала одна группа наших людей. Вы их не знаете, молодые люди, веселые! Вы с ними скоро познакомитесь. Задача одна – показать Парижу, что такое Симорон.

– И все?!

– А вы что хотели? Перестрелки и погони? Они вас сами найдут, бретер вы наш... Покамест простым волшебством займемся. Лихо разбудить мы всегда успеем. Ладно. Помните, вы говорили мне о том, что историю с убитыми Невестами Старца тут, во Франции, копает какая-то негритянка-полицейская?

– Китайка, – поправил Майбах, выливая в глотку еще одну порцию кальвадоса. – Линь Ву... или Лунь Ву. Мне об этом рассказал наш всеведущий Лев Николаич. Он постоянно в отделе криминального чтива пропадает, а те днюют и ночуют в уголовной полиции.

– Вот и хорошо. Вы с ней пообщайтесь. Думаю, она поможет... кое в чем.

– А...

– Сама позвонит. Я все устроил.

– И все?!

– Ага. Слишком хорошо – тоже не хорошо... Вы еще возьмите кальвадоса. Все оплачено.

– Да ладно вам...

Полковник усмехнулся. Еще раз оглядел быстро, как-то бочком слез со стула, критически глянул на босые ноги издателя (в чем приехали с улицы Леонар, в том и сидели) и посоветовал:

– Вы хоть штанины опустите. Французы оценят – стильно. Ладно, Дмитрий Дмитриевич, бывайте здоровы! До встречи.

После ухода Заратустрова издатель сидел еще несколько минут, бессмысленно глядя на донце бокала розоватого оттенка – от остатков кальвадоса. Потом поморщился, почесал пятку о твердую ножку стула и громко крикнул в сторону бармена, усатого пожилого флегматика, методично протиравшего хрусталь бокалов:

– Hallo, garçon! Les deux vodka russe, sans glace!⁴

Документы

Подтверждено источником: https://wikileaks.org/wiki/Assasin_090123-433400-p255_confidential_reports

ФСБ РФ. Спецуправление «Й». Внешний отдел

Строго секретно. Оперативные материалы № 0-988Р-39856241

ФСБ РФ. Главк ОУ. Управление «Й»

Отдел дешифрования

Шифротелеграмма: Центр – СТО

«Аналитической службой СУ установлено, что секретная информация, касающаяся деятельности резидентуры СУ во Франции и операции „Невесты“, периодически передается по неустановленным каналам неустановленными лицами непосредственному противнику. Есть вероятность глубокого внедрения агентуры противника в структуры Сибирского Территориального Отделения СУ. Предлагаем силами Отдела собственной безопасности начать комплексную проверку сотрудников СТО СУ...»

Ст. гр. Аналитического наблюдения, п-к Азнавуров И. М.

⁴ Эй, официант! Две порции русской водки, безо льда! (фр.).

Тексты

Лунь Ву, Майбах и другие

...Лунь Ву вела автомобиль осторожно, даже медленно. Майбах переместился на заднее сиденье, сбросил пиджак и теперь смаковал бутылку виски, купленную Лунь Ву в какой-то контрабандной лавчонке. Отпив из бутылочки примерно треть, Майбах провозгласил по-французски:

– Вам, милейшая, это трудно понять. Похмелье – это чудесное состояние Безвременья, между Вчера и Завтра. В России примерно половина людей живет именно в этом состоянии. Поэтому мы охотно думаем о том, что будет завтра, сожалеем о том, что было вчера, но в состоянии «сегодня» предпочитаем созерцать. Как и ваши далекие соотечественники, мадам... Вы ведь родились в Китае?

– Нет, – Лунь Ву, нацепившая на крохотный нос тонкие черные очки, перерезавшие ее лицо пополам, говорила суховато, отрывисто. – Я родилась на пароме, следовавшем из Манчестера в Кале, на верхней его палубе. Мою мать выслали за нарушение иммиграционного законодательства, но она отдалась портовому чиновнику, и мы получили возможность уплыть во Францию.

– О! А вы давно, э... обрили голову?

Череп правильной формы с крошечной татуировочкой под левым ухом – змейка, пожирающая свой хвост, – маячил перед глазами Майбаха, как авангардный светильник.

– Мне никогда не нравились волосы, – снова коротко бросила китайка и властно сменила тему. – Давайте будем говорить о деле, мсье. Вы уже сделали финиш своему *rochmelie*?

– Я его уничтожил! Ладно, идет. Куда вы меня везете?

– Приглашаю посмотреть на один дом. Вы им заинтересуетесь...

Автомобиль проследовал до начала авеню Рузвельта, крест-накрест наложенного на зеленый трепещущий нерв Елисейский полей, потом миновали Сену по мосту и по такой же, прямой, как стрела, трассе пронеслись по бульвару Тур-Мобур. Громады Дворца Инвалидов, пурпурные в восходящем солнце, выросли слева, а справа – сахарный обломок Дворца ЮНЕСКО. Майбах удивился, когда они выехали на площадь Турвиль.

– Вы хотите выпить чашечку кофе в моем издательстве, мадам Лунь Ву? Боюсь, там сейчас мучается от похмелья только наш старый пьяница Лев Николаевич...

Женщина не ответила. С площади Турвиль, нарушая правило кругового движения, машина с визгом тормозов вынеслась на авеню де Турвиль.

Только на площади Генриха Завоевателя Майбах понял: они направляются в район Малакофф – самый аристократический и до сих пор огражденный от социальных потрясений многочисленными заборами, усиленными патрулями и бешеной ценой за каждый клочок земли. После того как машина, нырнув под Окружным бульваром, несколько замедлила бег, это стало окончательно ясно.

...Здесь узенькие улицы Поля Берта, Эмиля Доре и авеню Мориса Тореза образовывали треугольник, огражденный высоким забором «под старину», но его прутья блестели легированной сталью, на железобетонных свечках столбов чернели комочки миниатюрных телекамер. Внутри треугольника, за густой зеленью располагалось старое здание с полукруглыми фасадами и колоннами, выстроенное наверняка во времена Второй Империи. Метрах в ста по высокому откосу проходила линия метро и блистала на солнце коробка станции «Малакофф – Этьен Доре». Но «рено» проскочил под железнодорожной линией RER, и только на той стороне, за насыпью, китайка остановила машину. Обернулась к Майбаху. Критически обзрев издателя, она указала на пакет, лежащий на заднем сидении.

– Переодевайтесь, ваш друг Зарро меня предупредил.

– Теперь он уже Зарро? – хмыкнул Майбах, поняв, о ком идет речь.

В пакете оказалась черно-серая пятнистая форма, кожаные армейские ботинки спецназа и маска на голову – с прорезьями для глаз. Точно такую же она натянула на свой бритый череп и вышла из машины.

– Вот только банков я не грабил, – пыхтел издатель, натягивая на себя эту амуницию взамен мятого и облитого кальвадосом костюма. – Эх, чем только не приходится заниматься!

Спустя минуту женщина вернулась, обвешанная какой-то аппаратурой. Указав на густой кустарник, окружающий насыпь, она проговорила:

– Сразу туда, в кусты. За мной.

Над ними грохотал очередной поезд парижского метро, выныривавшего тут на поверхность. Кустарник больно хлестал по лицу, ноги скользили на сыром дерне. Не дойдя метров пяти до оранжевого забора с рекламой эвианской минеральной воды, Лунь Ву остановилась и, натянув перчатки на худые гибкие руки, начала осторожно снимать дерн, орудуя коротким, но безумно острым десантным ножом. Через полминуты обнаружился люк, из открывшегося отверстия пахло сырой землей и дождевыми червями.

– Сами вырыли?

– Нет. Технический проход под линией. Он давно не используется.

С этими словами она, легко удерживаясь руками за мокрые от росы края металлического короба, нырнула вниз. Майбах с ойканьем последовал за ней и ощутил, как непривычно сильные женские руки подхватили его под мышки и помогли без приключений опуститься на земляной пол. Темный коридор с кирпичными стенами, узкий – на одного человека, осветил луч фонарика. Коридор был короток, всего метров шесть, и фонарик высвечивал глухой тупик. Но женщина спокойно прошла к тупику, зажужжала электрическая отвертка, и после этого узкая полоска света прорвалась в помещение.

Видимо, в люке были вырезаны узкие, как танковые щели, отверстия, да заботливо очищены от покрывающего их снаружи дерна. Женщина передала издателю устройство, похожее на непривычной формы бинокль.

– А это...

– Периферический бинокль. Подходите к щели и смотрите.

Теперь издатель сообразил: четырехметровая насыпь, на которой они находились, позволяла наблюдать за всем, что происходило в треугольнике улиц, почти с высоты птичьего полета. Несомненно, и время наблюдения было выбрано грамотно – солнце, находившееся пока за ними, не могло выдать наблюдательный пункт случайным бликом от линзы бинокля.

Майбах молча смотрел вниз.

– Это вилла Кометто. До тысяча девятьсот семьдесят восьмого года она принадлежала семейству Ротшильдов, потом долгое время ею владели банкиры Кальви... Видите там, за авеню Мориса Тореза?

– Минареты?

– Шиитская мечеть Аль-бу-Даккир. В этой мечети захоронены останки Вазилия ас-Салах Бартуха, умершего в тысяча восемьсот тридцать пятом, потомка последнего главы сирийских низаритов Рашида ад-Дин ас-Синана.

– Ага! А кто на вилле?

Лунь Ву не ответила. Она настраивала свой бинокль. Майбах рассматривал треугольную виллу. В центре стоит полукруглое здание с двумя флигелями, центральной клумбой и фонтаном. В сторону улицы Поля Берта выходит массивный неф почти без окон – суровый, как крепостной бастион. Впрочем, эти постройки и напоминали собой грамотно спланированную крепость: за решетчатым забором тянулась густая полоса платанов, потом – примерно двухметровой ширины канал, и следующий ряд деревьев скрывал нижние окна виллы от посто-

ронних глаз. А на крыше, в выступах козырьков, издатель заметил людей в черной одежде. Потрогав кнопку увеличения, он прямо перед собой увидел молодого араба: черный костюм спецназовца, микрофон рации у губ, гладкая шапочка и угловатый «узи» на поясе.

– Эту виллу недавно сняли люди Робера Буаве. Три дня назад сюда под охраной прибыл некто Шараф аль-Сяйни Салех. Его называют в кругах шиитов Хранителем Чаши. А еще полмесяца назад, как раз когда, по словам вашего друга Зарро, у вас пропала эта девушка, туда привезли...

Она не договорила. На пустынной вилле обозначилось шевеление – это одновременно пришли в движение руки охранников. Они обшаривали местность в бинокли, наверняка не менее мощные, чем у Лунь Ву. Но все обошлось. Губы охранников зашевелились беззвучно – докладывали. Тогда двери задней части здания, за полукруглым фасадом, открылись, и на мокрые плиты сначала вышли трое людей в черном, причем двое из них были вооружены; потом появился грузный старый араб в чалме и белом одеянии, а затем – худое существо в одежде бедуинки и хиджабе, скрывающем лицо до самых глаз. Это существо и повели вокруг здания к фонтану. Ступала она робко, нетвердо. Пару раз край бедуинского одеяния приподнялся, и Майбах увидел, что она боса.

Благодаря плотному одеялу зелени, укрывшему виллу, все это было бы совершенно незаметно для любого наблюдателя, притаившегося на соседних улицах. Заметить передвижения во дворе можно было лишь с высотного здания, ни одного из которых не было поблизости, либо с вертолета. Но, вероятно, люди на крыше имели на сей счет четкие инструкции.

Женщину вели к фонтану, чьи струи, казавшиеся хрустальной паутиной, мерно падали на гранит. Вот она уже подошла к краю шумящей воды... Араб в белом расстелил коврик на плитках и опустился на колени, вышагнув из тужель без задников.

– Намаз, – прохрипела рядом Лунь Ву, – но по часовому поясу Мекки. Это как-то связано...

А черные охранники отвернулись, став к фонтану спинами. Майбах понял отчего. Женщина одним движением сбросила одежду и хиджаб. И тут издатель тихонько вскрикнул, за что получил тычок от китайки: тихо!

На лесенке, спускавшейся в фонтан, стояла голая девушка, фотографии которой не раз показывал издателю Заратустров. Худая до выпирающих бедер, с белой кожей... Волосы на ее острой голове только недавно начали отрастать и сейчас покрывали череп ровным, плотным слоем. А в нижней части ее тела, наоборот, все было выбрито, и в окулярах четко виднелась багровеющая, словно рубец, татуировка – треугольник и...

Что-то попало в глаз: над ними как раз загрохотал поезд, осыпая с потолка кирпичную крошку и гниль. Майбах закашлялся в кулак. Когда он снова прильнул к окулярам, девушка уже совершила омовение в фонтане. Капли воды блестели на ее костлявых плечах и тощих ягодицах. Она уже стояла к издателю спиной и надевала свой хиджаб, скрывая тело бесформенной одеждой.

– Я только одного не понимаю, – прошептала в темноте Лунь Ву, – зачем они выбрили ей голову, как у меня? Сейчас волосы отрастают. И отрастают быстро.

Мисс Валисджанс встретила Лис и Шкипера в аэропорту Ле-Бурже, который втянул ребят в свою гофрированную трубу прямо из салона самолета. Не узнать мисс было невозможно – в редкой группке встречающих стояло такое же продолговатое, как и его фамилия, существо и держало ярко-желтый плакат, на котором маркером было написано: «ЛЫС & СКИПЕР». Шкипер от этого зрелища покатился со смеху, а Лис спокойно резюмировала:

– Скипер, ты лыс! Круто!

Мисс Валисджанс оказалась типичной американкой из тех, что проживают в Париже. Этот город был ей тесен, как слишком узкое коктейльное платье, и все ей в нем мешало, словно ненужный, длинный шлейф. Своим баскетбольным ростом она чем-то напоминала Лис, но при этом мисс была тощей до изнеможения, и это было заметно по рукам, державшим плакат, – с них на запястья сваливались толстые бутоны закатанных рукавов свитера, спускавшегося в свою очередь на элегантно продырявленные в разных местах джинсы. И когда Шкипер бросил взгляд на ее ноги, а точнее, ступни в простецких сланцах – темно-коричневые, загорелые, покрытые дорожной пылью, похожие на стальные болты, – то понял: наш человек.

Челюсть у мисс Валисджанс была лошадиной, длинной; зубы выпирали, как у кролика, и несли на себе брекет с голубоватыми искорками кристаллов от Swarovski; а большие, слегка выпуклые серые глаза прикрывали круглые очки а ля Джон Леннон. На голове же американки неведомые птицы свили прекрасное, небрежное рыжее гнездо, откуда к ушам спускалась пара кудрявых локонов.

Шкипер только ухмылялся, глядя на все это. Но, когда американка, увидев приближающихся к ней молодых людей, с треском сломала в длинных руках ненужный больше плакатик и заговорила, Шкипер едва не споткнулся на ходу. У этого гибрида железнодорожного семафора и грузинской арбы оказался волнующий, нежный, выдержанный в изящной тональности голос, по высоте – меццо-сопрано. Говорила мисс Валисджанс по-английски, но эти звуки плыли в зале ожидания аэропорта, как французское щебетанье, совершенно смешиваясь с такой же речью вокруг.

– Привет! Меня зовут Мари, будем без церемоний. У вас есть багаж?

Оторопевший от звуков ее голоса Шкипер молчал, а Лис энергично пожала руку мисс Валисджанс, представившись коротко «Лис», за что получила бодрый комплимент:

– Lisse?⁵ Ты мне нравишься, сестричка... Ну, если при вас только эти дерьмовые сумки, поехали в гостиницу.

При выходе на автостоянку Шкипера ожидал еще один шок...

Париж встречал их сыровой погодой. Было тепло, но небо затянуло серым; деревья в небольшом парке чахли то ли в дымке, то ли в тумане, и сквозь этот туман нетвердо просту-

⁵ Гладкий, ровный, лохотеный. (фр.).

пали очертания осветительных башен, и приглушенно пробивался гул аэробусов, заходящих на посадку. Забавно шлепая сланцами – они не поспедали за шагом ее сильных, вытянутых ступней и со смешным звуком запоздало приклеивались к круглым коричневатым пяткам, – их новая знакомая шла вдоль припаркованных автомобилей и вдруг небрежным жестом бросила спортивную сумку Лис внутрь открытого красного «фerrари». Такой роскошный автомобиль, распластавшийся на асфальте, как алый скат, Шкипер увидел впервые и задохнулся от восторга.

Садилась Валисджанс в машину тоже элегантно, просто перекинув длинную ногу через дверь. Лис, усмехнувшись, сделала то же самое. Шкиперу досталось место сзади, и, несмотря на то что часть узкого заднего сидения заняла сумка, там тоже оказалось комфортно. Под затылок лег изумительно мягкий подголовник спортивного сиденья Reкаго.

Мари что-то проворковала.

– Надо пристегнуться, – перевела Лис, одинаково хорошо знавшая как французский, так и английский.

Шкипер попытался было найти концы ремней безопасности, но в ту же минуту его просто вдавило в кресло: красная машина, за пару секунд отшлифовав колесами тротуар, рванулась со стоянки стремительным болидом.

Отель «Фамиллиа» расположен в самом сердце Латинского квартала, но, как сообщают справочники, это место – перекресток улицы Эколь и улицы Бернардинцев – достаточно тихое. И это правда. Из окон их третьего этажа Шкипер увидел только курчавые головы каштанов в сквере Пьера Ланжевена, через улицу, и бесконечные крыши маленьких смешных французских автомобильчиков, приткнувшихся по обеим ее сторонам. В холле поражали воображение полукруглые арки у каждой двери и колонны в арабском стиле; на лестнице, начинавшейся сразу же за круглым залом со стойкой портье, расстился ковер необыкновенной густоты, и Шкипер не удивился, когда их новая знакомая скинула сланцы и пошла по нему босиком, а Лис, хихикнув, тоже избавилась от своих кроссовок и отправилась мять ковер безупречно белыми носками. Шкипер, тащивший поклажу Лис, пыхтел сзади, поскольку от помощи портье отказался.

В номере их встретили стены, расписанные фресками в тоне сепии, – те же томные восточные пейзажи, барханы, пальмы и верблюды. На карточке-ключе был начертан энергичный призыв:

**«СПРАШИВАЙТЕ! ХОЗЯИН ОТЕЛЯ ВСЕГДА ГОТОВ ДАТЬ ВАМ
ХОРОШИЙ СОВЕТ БЕСПЛАТНО!»**

В этом отеле везде: на лестничных площадках, в тихих коридорах с коричневым деревом дверей, в самих номерах – пахло свежесваренным кофе, слегка припахивало натуральной кожей и сушеными фруктами.

Номер из трех комнат – две двухместных спальни и гостиная – был оборудован двумя туалетными комнатами. Но тут судьба Шкипера не побаловала: из двух только одна была оборудована джакузи, и, грустно чмокнув губами, Шкипер уступил эту комнату Лис и Мари.

Из многословных объяснений Мари Валисджанс Шкипер понял только несколько вещей. Первое: отец у Мари Валисджанс – валлиец, а мать – француженка арабского происхождения, поэтому мисс говорит по-французски с ужасным акцентом, который, впрочем, Шкиперу таковым не показался. Второе: мистер Лукас задерживается в Малайзии, поэтому они в Париже отретепируют саму форму проведения семинара в Египте и окончательно утрясут дела с визами и приглашениями, которыми будет заниматься некая турфирма, хорошо известная Валисджанс. Третье: мисс заявила, что ее совершенно не следует стесняться, потому что все здесь – ребята без комплексов. Наверно, поэтому Мари сейчас сидела на кровати с ногами, в своих безупречно дырявых джинсах и одном черном лифчике, туго натянутом на небольшой,

но выпуклой груди, а Лис расположилась в кресле в голубом шелковом халате отеля, одетом на голое тело. Шкипер выбрал для себя вполне приличные шорты и уселся на пол, устланный бесподобным ковром. Вокруг него были разбросаны французские газеты, карта Парижа от издательства «Printemps», сразу несколько пепельниц, чашки с кофе и пачки сигарет.

Раскрытые окна впускали ветерок Латинского квартала, обвевавший их разгоряченные головы ласковой вечерней прохладой. Она оказалась наполнена непривычным ароматом – сладко-ореховым. Мари пояснила, что это запах жареных каштанов.

Метать словесный бисер на французском оказалось куда труднее, чем в Новосибирске, на простом русском, – Точка Сборки никак не складывалась. В придачу сидевшая на кровати Мари азартно двигала челюстями, жуя резинку, и виртуозно вертела в пальцах босой ноги фломастер, что совершенно гипнотизировало Шкипера.

– Слушай, а если танцевать от Сены? – спросил он у Лис, задумчиво глядя на край голубого халатика. – Как это по-французски? La Seine?

Девушка перевела. Мари энергично замахала руками.

– Допустим, ловля ништяков в Сене... а?

– Мари говорит, что в Сене можно поймать только дохлую крысу, кусок автопокрышки и много всякого другого дерьма, – перевела Лис. – Сейчас реку постоянно патрулирует полиция. И еще она спрашивает, что такое *nichtyak*?

– Это такая фигня... ну, сама объясни ей, что такая, мол, фигня.

Лис перевела. Француженка запрокинула голову, растрепав рыжее гнездо, и захохотала.

– Она говорит, что мы очень веселые русские. Она видит таких в первый раз.

Шкипер попытался растолковать суть этих понятий Валисджанс по-английски, но еще больше запутался. Та продолжала хохотать, зажав своими выпирающими зубами новую сигарету. Бриллианты в ее брекете – наверняка настоящие – хищно блистали.

– Тогда, – растерянно сказал Шкипер, – давай еще кофе закажем, а?

Лис лениво потянулась к трубке, лежащей на столике. В этом отеле ее движения, всегда немного расслабленные, и жесты приобрели царственность, которой позавидовала бы сама Клеопатра.

Пока она заказывала кофе, взгляд Шкипера упал на раскрытую полосу «Пари-Матч». На весь газетный лист растянулся заголовок:

«LA MORT À LA MONTAGNE DES EXCREMENTS. SAUVEZ MADELEINE!»⁶

– А эта «Ма-де-лен» – это кто такая? – рассеянно поинтересовался он.

Тем временем в дверь постучали. Лис встала и пошла открывать; Шкипер сообразил, что ей просто хочется встретить портье в таком почти полуголом виде. Маленький, обезьяноподобный негритенок вкатил столик, накрытый белой салфеткой. Лис с усмешкой потрепала его по плечу бело-коричневой ливреи и небрежным жестом засунула в нагрудный карман мелкую купюру. И где она уже этому научилась, бестия? Мальчишка удалился.

– «...лиловый негр вам подает манто», – пробормотал Шкипер и попытался вернуться к прежней мысли. – Так, черт... так вот, Мари. Мадлен, эта, как ее...

Американка начала объяснять, даже не глядя в газету. Вернувшись с кофе Лис остановилась перед большим зеркалом в простенке и, прибирая золотистые волосы, перевела:

– Мари говорит, что профсоюз уборщиков музейного комплекса церкви Мадлен, заложенной Людовиком Четырнадцатым в тысяча семьсот шестьдесят четвертом году, объявил забастовку. А так как эти уборщики обслуживают расположенный поблизости платный общественный туалет, построенный тоже давно, в тысяча девятьсот пятом, то ситуация становится

⁶ Смерть в горах нечистот. Спасите Мадлен! (фр.).

критической. Мадлен тонет в мусоре и плавает в запахе нечистот. В общем, наш русский пипец. По-нашему – бардак, по-французски – забастовка.

С полминуты Шкипер сидел, отпивая маленькими глотками жгучий, крепкий, густой кофе. Потом подскочил, опрокинув чашку прямо на газетные страницы, и заорал:

– О! Спасите Мадлен! Спасите рядового Райана! Даешь Мадлен!!!

Мари выпучила на него глаза, и совершенно развратные, зеленые ее кругляшки запрыгали в белках. Лис поперхнулась.

– Ты че?

А Шкипер, вспомнив мельком виденный Торсионный Танец Капитоныча, закружил по ковру в некоем подобии лезгинки.

– Оба-на! Есть! – воскликнул Шкипер и по-английски приказал американке: – Ну-ка, Мари, закрой глаза и поставь точку на карте. Точку, черт, фломастером своим.

Так как фломастер как раз был зажат между большим и указательным пальцами голой ступни Валисджанс, она просто спустила ногу с кровати и, хихикнув, ткнула в карту. Черная точка появилась как раз рядом с площадью Звезды. Шкипер приник к карте и, выхватив из пальцев Мари фломастер, победно взмахнул им.

– Все! Есть Точка Сборки! Давайте бисер метать, быстренько, бисерок... Как ты сказала? «Совэ» – это спасти? Совэ, совэ... Сова!!!

Лис перевела. Снова засмеявшись, Мари захлопала в ладоши и выдала пулеметную очередь французских слов.

– Она говорит, что сова по-французски – звучит как «ибу».

– Как?!

– Ибу, – с невинным лицом проговорила девушка. – Почти по-русски... Ладно, это обсудим. Значит: *sauver – sauter – sonner*... Спасать – прыгать – звонить. Что еще?

– С Мадлен с этой, давай, давай, Лисонька! Мадлен – это же имя! Магдалина! Ага, помнишь? Чтобы не маяться по жизни, надо выпить в мае с девушкой Майей майского чаю на площади Победы...

– *Qu'est-ce que c'est?*⁷ – захлебываясь смехом, осведомилась Валисджанс.

– Непереводимая игра слов! Значит, нужно найти девушку по имени Мадлен и вылизать эту Мадлен... дочиста.

– Церковь или девушку? – деловито поинтересовалась Лис.

– Э-э...

Шкипер замялся, но тут Мари, немного успокоившись, безмятежно выдала по-английски:

– О'кей, я вас обожаю! *Madel-EINE – sEIN*. Грудь. Надо сначала испачкать грудь, а потом ее очистить. *Wow!*

Американка повалилась на кровать, задыхаясь от хохота и задрав к лепному потолку свои бесподобные коричневые пятки. Шкипер сидел с глупым видом, пока до него не дошло, и ледяной взгляд Лис пал на его голову, как кара небесная. Она, сидя в кресле, изловчившись, босой ногой ловко пихнула его в плечо, и он повалился на пол. В ту же секунду ее ступни стиснули голову Шкипера, прохладная кожа подошв обвила не очень бритые щеки и, склонившись над пойманным в плен другом, девушка проговорила с угрозой:

– Родной, даже и не думай! У тебя там будет только один вариант, КОГО ОБЛИЗЫВАТЬ!

Через час, после заказанной в номер бутылочки виски, которое Мари безбожно разбавила содовой, общая концепция вырисовалась. Флэш-моб, приглашающий всех девушек по имени Мадлен на соответствующую станцию метро, должен был собрать народ в сквере на бульваре

⁷ Что это такое? (фр.).

Мадлен. Место это как раз находилось между Министерством юстиции на Вандомской площади и Министерством внутренних дел на рю де Соссэ, и это вселяло надежду на то, что акция будет достаточно громкой. Дальнейшие детали «движняка» прорисовывались легкими штрихами: строится небольшой помост из пластика и дюралья, арендуется повар из ресторана «Люка Картон», что на площади Мадлен, с запасом взбитых сливок, крема и цукатов, организаторы звонят в колокольчики и прыгают. Затем повар обрабатывает участниц конкурса, а желающие из публики поглощают все это великолепие прямо с тел участниц за... за скромную сумму в размере ста евро.

– А участницы будут? – опасливо спросил Шкипер.

– Будут, – заверила его Мари. – Более того, все пройдет корректно и организовано.

Шкипер вздохнул: «У нас бы просто всех передавили!»

Таким образом, Мадлен «вылизывается», полученная торсионная энергия уничтожает мусор в церкви и вокруг, энергетический танец закрепляет успех, и все полученные средства перечисляются на счет профсоюза уборщиков. В перерывах специально подготовленная группа из отдельных участников читает симороновские произведения собственного сочинения... В общем, получается маленький, типично парижский веселый бордельеро на грани хулиганства. За поэтами решено было ехать прямо сейчас в один из ночных клубов Латинского квартала.

Вечер уже набух темно-синим и светился многочисленными огнями в окна номера.

Уже стоя в дверях, Шкипер спросил:

– Лис, а наша Мари участвовать будет? Ну, эта...

Лис посмотрела на него странно, потом обернулась к американке и что-то сказала ей. Та рассмеялась. В следующую минуту девушки вышли на середину комнаты, обнялись и... почти одновременно совершили маленький стриптиз: одна расстегнула сзади лифчик, а вторая сбросила халатик.

Шкипер от вида двух сочных, тронутых хорошим загаром обнаженных бюстов ойкнул, покраснел и юркнул к себе в комнатку. Его провожал залиvistый хохот.

Тексты

Майя, Махаб аль-Талир и другие

Примерно в то время, когда от отеля «Фамиллиа» на рю дез Эколь, одиннадцать, отъехал алый «феррари» с хохочущей Мари Валисджанс за рулем и ее спутниками, недалеко от них, на площади Конкорд, в известном отеле «Крийон», памятнике восемнадцатого века, в ресторане «Обелиск» обедали Майя и Махаб аль-Талир. Араб был в светло-салатовом костюме с белым галстуком и в своем неизменном тюрбане, девушка – в только что приобретенном, из коллекционного бутика, брючном костюме от Carago – изумрудном комплекте с яшмовыми пуговицами. Короткие волосы Майи были обработаны одним из лучших парикмахеров отеля, и теперь девушка все время старалась украдкой заглянуть в любое попавшееся на пути зеркало. Она не могла поверить, что простая стрижка смогла волшебным образом сделать ее волосы в сотню раз пышнее, чем они были до пересечения всех государственных границ.

Майя разговаривала с арабом по-английски.

– ...и я напомню, что происхожу из рода суфиев, поэтому могу относиться к исламским ценностям более объективно, чем мои соотечественники, – говорил Махаб аль-Талир, намазывая серебряным ножом на половинку булочки крем из мидий с шафраном. – И надо сказать, что собственно персов, если отслеживать их генеалогию от ариев и их пророка Заратустры, в нынешнем Иране почти не осталось. В Иране они называются гебры. Они все так же исповедуют зороастризм, поклоняются вечному огню...

– О! У нас, русских, тоже есть такое понятие – Вечный Огонь! – прокомментировала Майя, пробуя рагу из тонких ломтиков мяса молодого кролика с шафраном. – Вы были у нас...

Араб благосклонно кивнул. В его смуглых тонких руках нож казался хирургическим скальпелем.

– Да, меня возили туда, в ваш Парк Победы, в ходе обзорной экскурсии... Так вот, они все так же умирают, глядя в небо, и собака для них является священным животным. Большая белая собака... Если человек умирает одиноким, и за его душой приходят демоны Аримана, то собака отгонит их своим лаем. А вот для мусульман собака – грязное животное. В Иране вы не увидите ни одного человека с собакой.

– Их что, запрещено держать? – поразилась девушка, моментально вспомнив шарпея Ромку.

– Почему же? Держать разрешено, выгуливать нельзя. Тонкости восточной культуры! Так вот, большую часть населения Ирана составляют фарси или парси – это азербайджанцы, но до того арабизированные, что, собственно, ничто не мешает нам называть их арабами. Кстати, парси живут обособленными общинами еще и в Индии. Только там они называются парсы. Фредди Меркьюри... знаете такого?

– Конечно! – Майя воскликнула это с полным ртом и застыдилась.

Но араб не обратил внимания. Он равномерно распределил крем по булочке и придержал ее безупречный кружок в смуглых худых пальцах с очень белыми холеными ногтями.

– Так вот, Фредди Меркьюри был парсом. Его настоящее имя – Фаррух Балсара. И похоронили его по зороастрийскому обряду – в Башне Молчания. Его кости ссыпали внутрь, смешав с костями других мертвых.

Майя уже заканчивала с кроликом; официант, весь черно-белый, в похрустывающем фраке, принес второе блюдо – филе копченой пикши. Крепкий, наваристый, пламенеющий жирными кружками бульон с плавающим в нем стручком красного перца появился на столе в фаянсовых пиалах. Свет пышных люстр под потолком заливал это тихое заведение, но почему-то над каждым столом плавал легкий полумрак, окутывая сидящих, а весь зал тонул в дымке, глушащей голоса, звуки, звон посуды. На миг Майе почему-то вспомнилась ТА самая Башня

– место, о котором потом рассказывал человек в камуфляже, да и Алексей... Дакма! Башня Авесты с воронкообразным верхом, куда с грохотом сваливаются выбеленные дождями и ветром, вычищенные грызунами кости. Последний ломтик кролика встал костью в горле. Майя закашлялась.

– Да... я читала, – выдавала она, торопливо лоя на столе салфетку.

– Ну, вернемся к гебрам. Они трудолюбивы, смиренны, предпочитают жить в гармонии с миром, и... и мир отвечает им тем же. Не зря в Иране на ключевых должностях в бизнесе, культуре так много гебров. Они – наши союзники в какой-то мере. Кстати, в Иране есть и замкнутые иудейские общины. Они, как ни странно, ненавидят Израиль и сионистов. – Махаб аль-Талир улыбнулся и отправил булочку в рот.

Девушка неуверенно орудовала ножом для рыбы, разрезая филе.

Араб взялся за бутылку вина, стоящую на столе; это было легкое белое калифорнийское вино, по его уверениям, ничуть не хуже старого французского. Майя проследила за движением Махаб аль-Талира настороженно. Он понял ее немой вопрос и рассмеялся.

– Вы все время забываете, моя дорогая, что я суфий... Между прочим, то, что мусульманину запрещено пить вино, – наиболее стойкое заблуждение Европы, неизбежное в созданном ею мифическом образе исламиста.

– А как же Коран?

Араб пожал плечами. Откинулся в кресле с высокой спинкой, поднес к чувственным губам бокал.

– В Коране нигде ПРЯМО не сказано о запрете на питье вина для мусульманина. Есть несколько сур, которые порицают хмельное состояние, то есть опьянение как таковое. Жизнь умного мусульманина регулируется не столько Кораном, сколько хадисами – примечаниями к нему или, если можно так сказать, вольными толкованиями. Сур в Коране примерно в десять раз меньше, чем хадисов к нему. Так вот, один из хадисов прямо говорит о том, что мусульманин, выпивший вина, перед встречей с муллой обязан прополоскать рот! А уж как и когда он это будет делать – Аллаха не интересуется.

– Ну, хорошо, – Майя с удовольствием взялась за бокал, наполненный ее спутником. – Давайте вернемся к нашей теме, Махаб. Вы говорите, нам помогут... гебры, да?

– Да. Асаф Хасан аль-Хамид, один из влиятельных чиновников в иранском МИДе, выступил инициатором приглашения Добровольной инспекции – это лучше, чем американцы из МАГАТЭ. Так вот, дорогая Майя, всему миру известно, что строящаяся электростанция в Бушере отработает на собственных иранских запасах урана лет пять-шесть, а потом он закончится. Нужно будет использовать обогащенный уран русского или американского производства. Или строить все новые и новые газовые центрифуги для обогащения урана. Он это и делает – строит. Но для нормальной работы реактора АЭС степень обогащения может быть ноль, пять-шесть процентов, и этого достаточно. А вот для создания атомной бомбы уран должен быть обогащен примерно на девяносто процентов.

Махаб аль-Талир незаметно огляделся. Они сидели в самом центре зала «Обелиска», за мраморным фонтанчиком, и это место было самым лучшим. Они были на виду, и в то же время от ближайшего посетителя их отделяло по меньшей мере три столика.

Араб не торопился приступать к филе из копченой пикши. Он лениво взял из вазы грушу и стал очищать ее, все так же виртуозно орудуя ножом.

– Запад считает, что Иран накапливает именно этот, высокообогащенный уран. Где его хранить? Любой завод или хранилище на земле будут немедленно обнаружены со спутника. Один из вариантов – та самая скала Аламут.

– То есть... в скале?

– Можно и так сказать. Видите ли, Аламут представляет собой очень старое скальное образование. Сама скала – как палец, воздетый на горном плато. Палец, приваренный породой к очень старому и крепкому массиву Эль-Бурс. Представьте себе, что внутри Аламута спрятана гигантская каменная колба. Камень – лучший изолятор для радиоактивных элементов. Думаю, что у этой колбы есть и мощная свинцовая защита. Постоянно действующий источник на скале дает необходимое охлаждение. Либо это так, и хранилище находится под исследовательским центром, либо... – Махаб аль-Талир тонко улыбнулся, последняя стружка с груши рухнула в хрустальную вазочку, – либо это не так, и Запад ошибается.

– Так что... мы полезем в скалу?

– Мы с вами будем проводить ординарную инспекцию наверху. Тестирование уровней безопасности, просмотр рабочих журналов... А специальная группа исследует лестницу, ведущую снизу.

– Она до сих пор существует?

– Она очень сильно разрушена, по ней вряд ли можно сейчас пройти без специального снаряжения. Но с какой-нибудь верхней площадки, вполне возможно, есть вход туда, в хранилище... Повторяю: если оно есть. Если спецгруппа обнаружит таковое, она даст нам сигнал, и мы потребуем открыть доступ.

– А... а какова моя роль тогда, кроме... кроме простого перевода?

Бульон был таким терпким, жгучим, что у Майи перехватило горло. Она даже зажмурилась.

– Вы будете внимательно слушать, – проговорил араб, сверля ее черными бархатными зрачками. – Многие специалисты центра обучались в Москве. Они вряд ли рассчитывают, что в составе инспекции будут русские. Они ждут американцев, поэтому могут использовать для секретных переговоров и подачи знаков русский язык. Вот вы и будете моими ушами, внимающими на чужом языке.

Девушка нервно комкала салфетку. Потом решила поднять глаза на араба.

– Но... Махаб! Мне стыдно признаться, но... но я перед отъездом пыталась прочитать что-то об атомной энергетике. Если честно, я в этом до сих пор ничего не понимаю! Как я смогу разобраться?!

– А вам и не надо, Майя. В этом будет разбираться наш консультант. Доктор Кириаки Чараламбу. А, кстати, вот он и идет...

Араб смотрел куда-то за Майю, поэтому она завертела головой, отыскивая названного человека. Она почему-то представила себе рослого негра в таком же тюрбане, как у Махаба. Но негра в зале ресторана «Обелиск» Майя не обнаружила.

Вместо этого к их столику уверенно шла невысокая, точнее, очень маленькая женщина. Если бы не высоченные каблуки ее закрытых туфель высотой до середины щиколотки, она была бы по грудь миниатюрной Майе. На женщине были скромная юбка ниже колен, черная водолазка и легкий белый газовый плащик из тех, что носят в Париже уже с середины августа. По белой ткани пролегал ремешок сумочки, расшитой бисером. Эта женщина подошла, кивнула арабу, – тот привстал, поклонился – уселась в красный плюш кресла, положила ногу на ногу и небрежно протянула крошечную, узкую ладошку Майе, сказав по-английски:

– Добрый вечер. Кири. Очень приятно.

– Очень приятно. Майя.

Майя пожалала ладошку, слегка оторопев. Маленькая доктор физических наук выглядела очень эффектно. У нее были гибкое тело опытной женщины, чуть широковатые бедра, соблазнительные, выпуклые икры красивых ног. Несомненно, они оканчивались такой же развитой, безукоризненной ступней, скрытой сейчас кожей туфель. Руки – характерной для женщин формы: распластанные ладони с очень цепкими пальцами, прорисованными четкой линией сухожилий. Ногти – с комплексным маникюром, на каждом ногте – какие-то закорючки. Поймав заинтересованный взгляд девушки, Кириаки пояснила небрежно:

– Руны. Махаб, закажите мне черный кофе с ликером. Я не голодна.

Черные, слегка курчавые волосы, убранные в плотную прическу; смуглое точеное лицо с неуловимой азиатчиной и едва уловимой диспропорцией: слишком большой, агрессивный рот, слишком большие карие глаза и слишком чувственный, с трепещущими ноздрями нос. На его бархатной оконечности – круглые очки без оправы, по виду – безумно дорогая модель. Кириаки достала из сумочки длинные дамские сигареты, золотую зажигалку... И в тот же момент Майя ее узнала!

Это было то самое бесполое существо в жутких валкенкообразных кроссовках, дырявых джинсах и горчичном балахонистом свитере, которое разговаривало о чем-то с арабом перед первой встречей Майи и Махаба в Новосибирске, в Доме Ученых Академгородка. С ума сойти!..

Подозвав официанта, Махаб сделал заказ. Повернулся к Майе, спросил вкрадчиво:

– Вижу по вашему лицу, Майя, что вы узнали нашего дорогого доктора... Кири, какое у вас впечатление о Сибири?

Молодая женщина передернула плечами. Закурив, выпустила губами струйку дыма, и этот жест заворожил Майю.

– Ужасно. Очень грязно. Я порезала ногу.

Араб расхохотался. Смеялся расчетливо, ожидая, пока официант, поставивший перед Кириаки чашку кофе и рюмку ликера, уйдет. Потом вытер полные губы и пригладил бороду.

– Вам надо учиться у этой молодой леди, Кири. Она уже показывала мне, как можно обходиться без обуви во всех ситуациях, даже на улице. Верно, дорогая Майя?

Девушка смутилась.

Махаб аль-Талир допил свое вино, еще раз промокнул губы и бодро резюмировал:

– Что ж, у вас есть знания, которые вы можете друг другу передать. Майя научит вас ходить босиком по стеклам, а вы расскажете ей немного о процессах ядерного синтеза. А сейчас, леди, я вас покину. Завтра у меня встреча с генеральным комиссаром ООН по атомной энергетике, поэтому мне надо выспаться. Можете заказывать все, что угодно! Завтра в полдень встретимся.

Он встал. Церемонно поцеловал руки Майе и Кириаки. Когда влажные губы и шелковистая борода араба коснулись руки Майи, девушка отчего-то вздрогнула. Женщина следила за ней внимательными глазами сквозь завесу дыма.

Когда араб ушел, Майя осторожно отодвинула от себя недоеденное филе и спросила спутницу:

– Кири... а почему у вас...

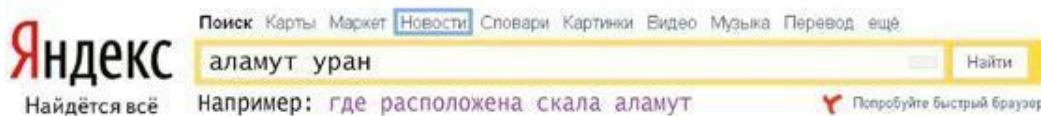
– Мои родители – греки, – просто ответила та. – Но я родилась и выросла во Франции. Училась в Страсбурге.

Голос у нее был глуховатый, даже низкий, но приятный.

Майя разглядывала ее лицо. Эта женщина обладала странной чувственностью – немного хищной, яркой и притягивающей. Кириаки пошевелилась, сбросила с плеч плащик. И внезапно, сквозь выпускаемый ею дым, сквозь ватную глухоту ресторана до Майи донеслось:

– Мэй... можно вас так называть? Скажите, пожалуйста, что вам известно об ассасинах?..

Новости

«...лидер правых, Жак Пеше, считает позором тот факт, что французы и немцы, не сумев справиться с иранским руководством, обратились за посредничеством к „русскому медведю“, неуклюжесть которого в решении любых вопросов очевидна для Запада. Тем не менее, российский президент, используя традиции византийской хитрости, уговорил Ахмади-Нежада допустить специалистов-атомищиков на территорию Ирана. Как официально сообщил иранский МИД, специальная группа, в которой первую скрипку будет играть независимая русская Добровольная комиссия атомных экспертов, обследует один из открытых иранских объектов – АЭС на севере, в горной цепи Эль-Бурс, на горном пике Аламут... Руководителем инспекционной группы назначен один из арабских ученых, некто Махаб аль-Талир, который в свое время много работал в Сирии, но, тем не менее, имеет репутацию вполне просвещенного, светского исламиста. В настоящее время французский Национальный Центр ядерных исследований в Гавре под руководством доктора физики мисс Чараламбу готовит специальную аппаратуру для проведения экспресс-анализов на степень обогащения уранового топлива в гористой местности Северного Ирана...»

*Роберт Алан. «Ядерные игры»
Le Figaro, Париж, Франция*

Точка Сборки-3 Париж. Другие и Зло...

Тихая, спокойная ночь окутывала Париж. И было в этой ночи все, что может предложить своим жителям самый прекрасный из всех прекраснейших городов, – и сладость, и грех; и тайна, и откровение; и святость, и разврат... и то, что должно произойти, и то, что не должно происходить ни при каких условиях.

В одном из почти безымянных студенческих кабачков в глубинах Латинского квартала – в одном из тех, что содержатся на паях студенческими общинами-землячествами, – царил самый разгар веселья. Голоногие и почти гологрудые Мари и Лис лихо отплясывали «Карманьолу» на сдвинутых столах, между пивных кружек и бутылей с домашним вином. Лица блондинки и брюнетки были уже перемазаны взбитыми сливками (в качестве репетиции будущего мероприятия), а какой-то воодушевленный поэт, взобравшись на табурет, уже декламировал «СИМОРОН-гимн» на французском, всюю склоняя новоизобретенный глагол *simoroner*:

Je simorone,
Tu simorones,
Il simorone!
Nous simoronons,
Vous simoronez,
Ils simoronent!⁸

Другая группа молодых людей увлеченно писала «Манифест симоронствующего студента». Баррикадами шестьдесят восьмого дело обернуться не грозило, но уже было ясно, что студенты на предполагаемом движняке шорох наведут немалый.

... В ресторане «Обелиск», среди мягкого сияния хрусталя и блеска серебряных приборов Майя комкала во вспотевших ладонях крахмальную скатерть. Вопрос ее новой знакомой показался неожиданно зловещим, будто она спросила, заключала ли Майя договор с сатаной. Но зеленые глаза доктора Кириаки Чараламбу смотрели беспощадно, требуя ответа, и она только позволила себе снисходительно обронить, искривив точеные губы:

– Мы едем туда, где вера сильнее знания, моя дорогая. Персидский Восток до исламизации принял в лоно своей культуры школу гностиков, из которой выросли суфии. Поэтому я и спрашиваю вас, знаете ли вы что-нибудь об Абраксасе?

Майе впервые за время их путешествия было страшно.

А в другом уголке Вечного города, под бедновато выглядевшим светильником сидели два человека. Мужчина и женщина. Сидели, поджав под себя ноги, на простых циновках. Мужчина со светло-русыми, вьющимися волосами и с изнеженным, даже немного безвольным, как у многих потомственных аристократов, лицом упоенно смотрел на палочки для еды, мелькающие в безупречных руках его спутницы. Ему нравилась эта игра, и он в конце концов проговорил, не скрывая восхищения:

– Как вы ловко управляетесь с этими приспособлениями для еды, Элизабет! Это виртуозная техника!

⁸ Я симорону, Ты симоронишь, Он симоронит! Мы симороним, Вы симороните, Они симоронят! (*фр.*).

Графиня Элизабет Дьендеш рассмеялась, показав жемчужные зубки, и легко отправила в рот при помощи палочек кусок мяса из своей пиалы, которую держала во второй руке. Она ела лягушачьи лапки «Тхе пан», маринованные в шанхайских специях и устричном соусе, с грибами Чен-Чу.

– Мои родители жили в Индокитае, мой милый Пяст, я там и выросла...

Графиню Элизабет-Коломбину Дьендеш де Кавай – так полностью звучало ее имя – Алесь Радзивилл встретил сам, совершенно случайно. Он заглянул на одну из вечеринок высшего парижского света, куда его пригласил Аристид Неро. Но в тот момент Неро вызвали в Елисейский дворец (там проходило какое-то срочное заседание верхушки МВД, решался вопрос об освобождении французских заложников где-то в Африке), и молодой аристократ остался без своего любовника. Впрочем, определенный интерес у него был: вечеринка являлась одним из тех образцов безудержного, рафинированного разврата, который процветал в строго определенных кругах и в том кругу, вход в который обеспечивал даже не толстый кошелек, а принадлежность к тайному миру сексуальных меньшинств. Происходило это все в пригороде Мант-ла-Жоли, где Сена рвется своими водами в Нормандию. Поговаривали, что именно тут располагалось убежище зловещего маркиза де Сада, когда его удалили из Парижа. Так это или нет, но в огромных залах второго этажа виллы, под светом старинных, потемневших от времени бронзовых люстр, в отблесках больших каминов танцевали люди. Мужчины – в коротких юбках и чулках. Дамам позволялось быть нагишом, только в туфлях и меховых боа; блики играли на обнаженных телах, на масках, которые тут были обязательным условием. Между музыкальными паузами слышались неразличимый шепот, приглушенные стоны, шуршание ног в чулках о паркет и стук каблуков. Некоторые, присев на кожаные диваны за угловыми столиками, бесстыдно мастурбировали, не выдерживая напряжения страсти. Пахло тонкими дорожными духами, потом и спермой, как в дешевом салоне пип-шоу. Но публика, очевидно, хотела именно этой одуряющей смеси сексуальных, утонченных и грубых, скотских запахов, в которых могла покачиваться на танцполе или играть в азартные игры у столиков по углам залов. Отсюда же вели занавешенные портьерами, лишённые какого-либо света входы в «комнаты тишины», где можно было стонать, терзая друг друга в объятиях, отдаваясь яростной похоти, и наконец снять с лица маску. Кто-то приходил сюда в поисках наслаждений на одну ночь и приключений, кто-то – поиграть в карты, шалея от риска и похоти, а кто-то просто мечтал искупаться в атмосфере греха, разлитого тут густо, как патока.

Радзивилл догадывался, что ему предстоит увидеть, и поэтому ничему не удивлялся. Хороших тел оказалось мало. Преобладали либо тронутые старостью и ожирением туши записных гомиков, либо безвкусные, прошедшие сотню фитнес-салонов тела мужчин-проституток. Женщины Алесь интересовали еще меньше: за силиконовыми грудями угадывались банальные мегеры, а от банальности тот всегда бежал. Обратила внимание на себя только одна дама – черноволосая, белотелая, миниатюрная, но грациозная. Она была обнажена, но бедра скрывала ювелирная фигурная копия «пояса верности» из старинного серебра. Ноги ее были босы, и эти босые ступни она бесстрашно переставляла между хищных шпилек остальных танцующих, не боясь, что их раздавят стальной иглой. Радзивилл с интересом взглянул на эту женщину, потом потерял из виду, потом забыл. Он выпил пару бокалов хорошего шампанского и покинул вечеринку, вход на которую стоил пять тысяч евро. Выход же был свободным. После кабинки для переодевания гости могли покинуть виллу через один из восьми выходов на каждую сторону света.

Это был тот редкий случай, когда Радзивилл сам садился за руль своего бирюзового «Ягуара», в остальных случаях суету вождения Алесь ненавидел. Но сюда не принято было брать шоферов, поэтому автомобиль неторопливо поехал по сумрачным аллеям, освещенным лишь скрытыми в густой листве светящимися шариками. И через несколько минут, почти уже на выезде из парка, у тротуара прилегающей улицы он увидел роскошный Aston Martin DB8

Collection Edition, модификации Smoking Room Car (об этом говорила сверкнувшая в свете фар эмблема в виде курительной трубки на багажнике серебристого автомобиля). Форсированный двигатель, два кондиционера в салоне, сандаловое дерево приборной панели, платиновые пепельницы и ручки дверей – всего плюс сто сорок тысяч фунтов к базовой стоимости модели. Машина стояла у тротуара с зажженными рубинами габаритных огней, и было видно, как она слегка просела на правый край.

Алесь осторожно объехал «астон-мартин», потом нерешительно остановился. Он опустил стекло, увидел в зеркальце заднего обзора в пустоте и темноте уходящей вдаль улочки, обставленной, как старая комната, громоздкими грубыми домами, как из окна английского автомобиля высунулось то самое лицо – бледное, но страстное, обрамленное черными локонами. Женщина помахала обнаженной рукой, и в автомобильном свете сверкнул браслет на запястье – натуральный жемчуг, не меньше двухсот тысяч евро. Радзивилл вышел из машины, приблизился. Женщина, тряхнув локоном, соблазнительно падавшим на белый лобик, сказала по-французски с забавным акцентом:

– Простите... спустило колесо. Вы могли бы чем-нибудь помочь, мсье?

– Если только у вас есть домкрат, сударыня, – учтиво склонился над ее окошком Радзивилл; видно было только ее лицо и мягкий намек на оголенные плечи. – В противном случае я просто могу вас довезти до места, если позволите.

– Я посмотрю, мсье...

Он отвернулся всего на минуту – сделал шаг к колесу. В следующую секунду хлопнула дверь, и раздалось шуршание. Радзивилл поднял голову. Женщина стояла у багажника. Она была совершенно голая. Радзивилл сразу понял, что это та самая, танцевавшая босиком в залах виллы, – пятка ее правой, грациозно поставленной на пальцы ступни казалась темной от пыли. Поляк опытным взглядом оценил бриллиантовое кольцо на обнаженной груди, плюс изумруды и африканские агаты примерно на двести пятьдесят тысяч евро, золотая цепочка с белым камнем на щиколотке этой отставленной ноги – еще как минимум двести тысяч евро и фигурная стрижка на лобке в форме знака «Ом» – не менее пятидесяти тысяч евро у элитного парикмахера. Женщина указала рукой на багажник:

– Я не знаю, как выглядит эта штука, но, кажется, там она есть, – и, поймав его тщательно скрытое изумление, она добавила лукаво: – А вы никогда не ездили нагишом по ночному Парижу? Поверьте, это особое наслаждение!

Так они и познакомились с Элизабет-Коломбиной Дьендеш де Кавай, венгерской аристократкой, проматывающей в Париже, по слухам, стояние своего третьего мужа, секретаря венгерского представительства в ЮНЕСКО.

С этого времени Радзивилл встречался с ней два раза. И ни разу не притронулся даже пальцем – этого просто не потребовалось. Очень скоро Алесь оказался без ума от этой женщины. Она была особенной. Он уже испытал все самые затейливые формы интимного грехопадения, но ему надоел разврат высшего общества. Несмотря на хорошее владение техникой этого разврата, любительницы приключений занимались им скучающе, без азарта, словно бы пробовали очередную «фишку», модную в этом сезоне. Развратная же страсть графини Дьендеш была горяча и натуральна. Элизабет источала ее каждую минуту, каждую секунду, каждым своим движением и каждой гримаской. Это было совершенно новое ощущение, и оно взбудоражило Радзивилла. В ее присутствии он уже несколько раз испытал оргазм без прикосновения. Ощущалось, что это – форма ее жизни, ее суть и единственное предназначение в этом мире.

И вот сейчас она потащила его черт-те знает куда, в двенадцатый округ, на аллее Венсенского леса. Какое-то сумрачное строение, освещенное только китайскими фонариками, с ткани которых, пропитанной «кровью драконов», таранились те самые драконы – гигантские ящерицы; дощатая веранда, зайдя на которую, графиня сразу же сбросила туфли ловким и отточенным жестом, так восхищавшим Радзивилла. В доме находились нечистые, на первый

взгляд, циновки, и разливался хорошо знакомый по некоторым ресторанам в Гонконге сладковатый запах гашиша. Элизабет опустила на эти розовые циновки легко, ведь на ней были красные шальвары до щиколоток и почти прозрачная блузка с разрезанными рукавами. Радзивилл, выйдя из штиблет, с трудом совершил такую же операцию. Трость, с которой он не расставался, положил перед собой, словно бы прочертив между собой и женщиной границу. Хозяин, плешивый яванец, принес им то, что быстро, не раздумывая, потребовала графиня. В итоге были поданы салат из медузы, болгарского перца, лука и кинзы, с зеленым хреном «Вассаби» и соевым соусом, лягушачьи лапки «Тхе пан», филе окуня «Цзинь-Ю» с устричным соусом и мидии под чесноком. К этому всему графиня заказала бутылку одуряюще сладкого, приторного, как ликер, шанхайского вина. Алесь наслаждался вкусом – блюда оказались приготовлены отменно. Он подозревал, что они были напичканы афродизиаками, и не сводил глаз с аппетитной груди, туманно просматривавшейся за кофточкой графини, и ног, сплетенных в нескольких сантиметрах от пиалы с рисом.

Сейчас он вертел на языке ломтик филе окуня, ощущая, как специи пряной ладошкой гладят нёбо.

– Но... ваши предки же из Венгрии?

Она снова рассмеялась.

– Мой дед говорил, что мы происходим чуть ли не из рода графов Дракула. Но на самом деле при адмирале Хорти он занимался поиском легендарной гробницы царя Кира, которая могла бы содержать артефакты, способные помочь нацистам установить власть над миром... Тихий кабинетный ученый, аристократ, погруженный в оккультизм. Но это помогло ему за несколько месяцев до падения хортистов вывезти нашу семью в индийский штат Кашмир, в город Лахор. Там в сорок шестом родился мой отец, граф Дьендеш. Ну, а потом... дед стал советником пакистанского правительства. Мы переехали в Исламабад, а отец занимался археологией. Я училась в Лондоне, гостила у любовницы отца в Париже... О! Изумительная женщина! Она научила меня всему, что можно делать в постели. Я объездила весь Индокитай – сначала с отцом, потом одна. Когда мне было восемнадцать лет, я предприняла первое самостоятельное путешествие по Индии. Я взяла несколько проводников-сикхов, несколько выносливых осликов и лошадей, и наш караван двинулся в глубь Индии. К сожалению, сначала утонули двое сикхов, потом один был укушен коброй. Я осталась одна посреди жуткого тропического ливня с проводником-парсом.

– Это потомки древних персов?

– Совершенно верно, мой милый Пяст... Нас буквально вынесло к какому-то селению. У меня была лихорадка. Я помню, как вошла, шатаясь, в какую-то хижину и на урду, которым немного владела, объяснила, кто я такая. В хижине был только старик, крепкий такой индус совершенно непонятного возраста.

Графиня Дьендеш ловко раскрыла ножичком мидию и, не пользуясь палочками, высосала содержимое; утерев губы салфеткой, она усмехнулась.

– Первым делом он разорвал на мне всю одежду. Обнажил грудь. Я стояла почти голая. Думала, он будет меня насиловать. Но старик достал плошку с чем-то темно-красным и омыл мои груди. Потом заставил выпить. Только тут я поняла, что это – человеческая кровь.

Алесь вздрогнул, но не показал виду. Сам он пользовался европейскими вилкой и ножом и сейчас разрезал филе на мелкие кусочки, которые завивались колечками.

– Вы слышали что-нибудь о поклонниках богини Кали? – задумчиво спросила графиня.

Появившийся откуда-то из полумрака яванец молча поставил перед ней фанерный ящичек с фарфоровыми, величиной в два мизинца трубками. В углу ящика тлела медная жаровенка с угольками, источая кисловатый дым. Щипчиками Элизабет забросила в трубку уголек, сделала несколько затяжек. Ноздрей Радзивилла коснулся уже знакомый запах гашиша.

– Кали? Это какое-то индийское божество, – рассеянно проговорил Радзивилл, наблюдая, как с этих совершенно вылепленных губ срывается дым.

– Абсолютно верно. Самое интересное, что это одна из ипостасей известной супруги бога Шивы. Парвати или Дурга – недоступная, Шакти – магическая сила Шивы, а Кали... Кали – богиня смерти. Богиня истребления. Ее культ существует ближе к югу, там она известна как Шакти. Но в северной Индии сохранился самый дикий, самый исконный культ Кали, а в гуще зарослей стоят ее храмы. Это так называемый культ левой руки...

При этих словах она многозначительно улыбнулась, и Радзивилл запнулся в жесте. Он не хотел показать, что не понял, однако женщина уловила это его замешательство и расхохоталась:

– Бог мой, мой дорогой Пяст, вы же наверняка знаете, что мастурбация левой рукой, подчиняющейся командам мозга менее осознанно, – это особое ощущение. Левая рука всегда чужая!

Алесь ощутил, как по щекам пополз румянец. Он почему-то коснулся своей трости с серебряным набалдашником и услышал:

– Бога ради, Алесь, уберите эту палку между нами. Она не эротична.

Аристократ торопливо передвинул трость вбок, теперь она их не разъединяла.

– Скажите, Элизабет, кто вас научил так откровенно разговаривать о сексе?

– Моя мать, – небрежно ответила она, закутавшись дымом. – Отец вытащил ее из Фоли-Бержер в одну из своих поездок. Она родила меня в шестнадцать лет. В соответствии с индийскими законами она уже могла быть женой и матерью. Кстати, моя мать училась в Исламабаде и стала первым гинекологом нового Пакистана... Но это не важно. Так вот, Пяст, я оказалась в секте поклонников Кали-Шакти. Я не испугалась, ибо слишком мало тогда об этом знала. И я осталась у них на одну неделю.

– А ваш проводник?

– О, его съел тигр. Я быстро о нем забыла. Так вот, Пяст, понимаете, культ Кали – это культ убийства. Более того, тщательно смакуемого убийства, возведенного в абсолют. Убийства как формы бытия... Каждый член общины живет с надеждой, что он будет принесен в жертву Кали. Примерно один раз в месяц, в какой-то период времени – я уже не помню, когда именно, – на публичном поклонении изображению Кали в храме выбирается Жертва. Ее выбирает змея.

– Кусает?

– О, нет, обвивается вокруг шеи и... застывает. Как мертвая. Кстати, именно в Индии я узнала, как на самом деле умерла знаменитая Клеопатра.

– Это интересно. И как же?

– Йог может заговорить змею. Вернее, с помощью дудки он излучает банальный ультразвук, который воздействует на органы слуха змеи, и у нее случается элементарная судорога мышц. Она словно деревенеет. Если ввести такую змею, естественно, с вырванными ядовитыми зубами, в лоно, то через несколько минут она ощутит недостаток воздуха и станет выползать. Движения ее тела и сокращения ее мышц дают... м-м, очень приятные ощущения. Просто как-то раз Клеопатре подложили змею с ядовитым жалом, и она укусила царицу.

Алесь побледнел. Неуверенно отложил палочки. Видя его смущение, графиня снова заливисто рассмеялась.

– Это исторический факт, мой любезный Пяст... Так вот, в назначенный день, во время церемонии, проходящей в сплошном гашише, около десятка самых важных людей из числа жрецов Кали взбираются на помост. Жертва лежит перед ними, нагая, – юноша или девушка, – и они наносят ей удары ножами специальными лезвиями, при этом получают очень неглубокие раны, и обильно течет кровь... Кровь! – мечтательно повторила она.

Алесь вздрогнул. Она говорила об этом просто, и вроде бы ничего притягательного не было в ее словах, они могли вызвать только отвращение. Но голос ее звучал завораживающе, и поляк чувствовал, как желание неумолимо подкатывает к его животу и дальше вверх – к горлу. Светильник над головой качался то ли самопроизвольно, то ли от дуновения ветерка и бросал мечущиеся тени на руки и ступни графини.

– ...струится кровь. Кто-то слизывает ее с этого тела, кто-то просто наслаждается этой магией Смерти. Жертва мало что чувствует – она тоже одурманена. А внизу, под помостом, танцуют обнаженные люди, и молодые, и старые. Они ловят на свои тела эти капли. Считается, что кровь жертвы Кали омолаживает стариков, а молодым дает силу. На самом деле, мой доро-

гой, кровь – самый сильный афродизиак... Вы не знали? Когда-то я специально делала надрез на своей груди, чтобы любовник мог слизнуть капельку крови...

Поляка затрясло. Он с ужасом смотрел в темень, окружившую террасу. Там, снаружи, шевелилось что-то мохнатое, звучащее гулом, хотя, скорее всего, это были всего лишь ветви деревьев.

– Вы... приняли участие в той... церемонии? – глухо спросил он.

Графиня медленно полоскала тонкие пальцы в пиале с желтоватой водой, в которой плавали листья шафрана и гвоздика.

– Нет... я не успела. Отряд полиции штата, посланный моим отцом, окружил селение поклонников Кали. Они были расстреляны все, а маленьких детей закопали живьем, чтобы не тратить пули. Но общин Кали осталось еще очень много... Послушайте, Пяст, здесь душно. Как вам кухня?

– Она великолепна!

– Я рада.

Графиня встала. Следом неуклюже поднялся на затекшие ноги Радзивилл. Он, хрипнув, ослабил идеальный галстучный узел. Графиня пошла вперед. На краю террасы из темноты возник малаец и протянул счет. Мельком взглянув на цифру, Радзивилл отдал ему крупную купюру. Женщина уже стояла на желтом песке дорожки, у автомобиля. Алесь огляделся, но она устало заметила:

– Не ищите мои туфли... Они мне чертовски надоедают! Это удобный способ каждую неделю менять обувь. Садитесь.

Мотор «астон-мартина» сыто заурчал, тонкие пальцы в перстнях с бриллиантами легли на кожу руля. Шурша, машина выкатилась на аллею Венсенн.

– Вы никогда не думали, мой маленький Пяст, о том, как все-таки притягательно убийство ради убийства? – проговорила графиня, доставая из перчаточного ящика коробку тонких сигар. – Убивать ради денег, власти... – это пошло. А вот БЕЗ МОТИВА, просто так – это высшая математика смерти. Логическое завершение ее идеи. Что вы скажете?

К Радзивиллу вернулось его обычное меланхолическое настроение. Глядя на ее руки, он нашарил трость, прислоненную к спинке сиденья, обхватил ее набалдашник руками и проговорил сквозь зубы:

– Что ж, в этом что-то есть. Виньетка смерти... на полотне жизни.

– Да. Каприз художника. Такое убийство красиво. Человек берет на себя бремя Бога. О, вы себе не представляете... В этом есть своя поэтика, которую воспевал еще Шарль Бодлер. Мрачная готика, черная анаграмма.

Автомобиль, скользя в парижской ночи, приближался к площади Бастилии. К аристократическому кварталу Марэ. Проектора обливали светом Июльскую колонну, ее гладкий фаллос, увенчанный статуей Гения Свободы. Здание Театра Опера де Бастий тоже плескалось в фонтанах света, красного и желтого. Бульвар Ришар-Ленуар, расцвеченный золотисто-коричневым, уходил вправо, а с левой стороны мерцали фонтаны и вода пруда парижского Арсенала. Туда и свернул «астон-мартин». Остановился, проехав в глубину аллеи.

Графиня сидела, положив руки на руль, выпускала дым в окно – облачками. Рядом, в бархатистом полумраке, журчал фонтан.

– Алесь, – вдруг тихо проговорила женщина, – вы не хотите искупаться?

– Что?

– Искупаться... Я умираю от жары.

Он смотрел, как опустело ее место, как на белую кожу сиденья легкой шелковой чешуей упали ее шаровары и та сама газовая блузка. Радзивилл выскочил из автомобиля, едва не ударившись головой о крышу; нагая Дьендеш стояла у самого парапета фонтана и усмехалась. Черные волосы растеклись по плечам, колье сверкало на ее теле. Женщина грациозно забралась на

парапет, склонила голову и выставила балетным жестом великолепную ногу. Она напоминала статую, перенесенную сюда по ошибке из сада Тюильри. Свет прожекторов Оперы падал на ее тело, особенно соблазнительно высвечивая острую торчащую грудь и выпуклые бугры сосков.

По площади Бастилии, со стороны рю де ла Руэтт, направляясь на ее противоположный конец, к рю де Лион, проехал автомобиль, какой-то старый «рено». В нем наверняка сидел пожилой клерк, возвращавшийся со сверхурочной работы в Монтрей, или молодая парочка, только что посмотревшая ночную ленту в кинозале Монмартра да перекусившая в дешевой пиццерии. Заметив автомобиль, Дьендеш повернулась в его сторону, выпятила нагие бедра и, усмехаясь, ладонью с растопыренными пальцами сладострастно провела по своему телу. Мигнув фарами, машина пугливо юркнула на рю де Лион. Кристальное бесстыдство этого жеста ударило поляка, словно электротоком. Графиня умела провоцировать.

Алесь скрипнул зубами. Он стоял у машины, вертя в руках свою трость, а потом резко отбросил ее, не глядя, – кажется, под колеса автомобиля. Пиджак полетел туда же, куда-то в открытую дверцу «астон-мартина». На полпути к фонтану он избавился от штиблет, порывисто вскочил на парапет, и женщина, смеясь, увлекла его в фонтан. Они рухнули в водопад холодной воды. На секунду расстались. Но вот поляк, шатаясь, пробрался в угол фонтана, где не было хлещущих струй. Женщина взобралась к нему на плечи, гибкая, как обезьянка, и, держась за его тело ногами и левой рукой, правой расстегивала пуговицы мокрой сорочки, а ее зубки покусывали Алесь за плечо, сквозь ткань. Холодная вода ничуть не остудила его желание, оно колотилось молоточками в ушах, оно подступало к горлу...

– Ложитесь, друг мой...

Внезапно ослабевший от неожиданной, опаляющей близости ее мокрого обнаженного тела, от этой вакханалии в парижской ночи на пустынной площадке сквера перед площадью, Алесь испытал первый оргазм, что, собственно, при общении с этой женщиной было неудивительно. И, хотя никого не было рядом, ощущение было, что они занимаются любовью при всех, – и именно оно сводило с ума.

Поляк грузно лег на мрамор – тот, нагретый за день, еще не остыл, – а Дьендеш взгромоздилась на его колени. Ее черные волосы от воды немного распрямились и сейчас прилипали к телу, спускаясь до груди, до малиновых сосков, закручиваясь вокруг них, как маленькие черные запятые. Поляк тяжело дышал. Женщина тихо рассмеялась и вытянула свои божественные ноги. Ее голые ступни, умытые водой, с поблескивающими капельками на коже, легли на плечи Алесь. Давая ощутить ему бархатистость кожи своей подошвы, графиня ногами содрала с плеч расстегнутую рубашку.

– О, как вы горячи, мой милый Пяст! – проговорила она, ничуть не понижая голос. – Вам это нравится? Сидеть нагишом в центре Парижа ничуть не хуже, чем в таком виде гонять по нему на автомобиле! Скорость, ветер, обдувающий твое тело... Я вас не шокировала разговором о культе богини Кали?

– Нет... ничуть... – прохрипел Алесь, с трудом отходя от пережитого возбуждения; оно разрушило его хладнокровие, как разрушает цунами прибрежную полосу.

Элизабет потянулась. Под белой кожей обозначилось, прошло волной движение ТЕЛА. Ее босая ступня ласково коснулась щеки Алесь. Кожа пахла морской пеной, едва уловимым ароматом йода...

– Это хорошо. Если допустить, что человек – создание Творца, то тогда высшее наслаждение – быть Творцом. Дарить Жизнь и Смерть. Вы многое потеряли, Пяст!

Она расхохоталась, и смех ее разнесся в ночи, как крик тропической птицы.

– Вы много потеряли, потому что не можете рожать, вы – мужчина. Если бы вы хоть раз испытали эти схватки, эти спазмы родовой боли... и облегчение, наступающее, когда новая жизнь выходит из тебя! Это повторяется, когда ты сам, словно безжалостный Создатель, лишашь кого-то жизни. Это катарсис, Алесь!

Над его головой тучи на минутку приоткрыли звездное небо. Это было так неожиданно и редко для Парижа, все времена года плавающего в облаке смога, что Алесь задохнулся от удивления. Осколки гигантского зеркала, рассыпанные на черном бархате, кололи глаза. Он слышал смех женщины, ощущал на себе налитую крепость ее тела, и ему казалось, что все это происходит не с ним. Он притянул к себе голую ступню безупречной формы, стиснул ее и, поднеся ко рту, стал упоенно целовать каждый белый длинный, сладострастно изгибающийся пальчик с ноготком, окрашенным в бесцветный лак с блестками. Графиня тихонько застонала – ей, видимо, нравилось. Но через несколько минут она поменяла позу: села верхом на него, стиснула коленями его бедра и приблизила пылающие безумным вожделением глаза, казавшиеся больше лица. Черные волосы падали на них сверху – решеткой.

– Убийство без мотива, – прошептала она пылко, поглаживая его плечи горячими, мокрыми ладонями. – А если я убью вас, Алесь? Что вы на это скажете, а?!

– Убивайте, черт подери! – выдавил поляк, который ощущал, что горит, как в лихорадке.

Каждая клеточка его тела жаждала соединиться с этой нагой развратницей, слиться с ней, стать единым целым.

– Убивайте, только... только... О, merde!⁹ Как я хочу вас... Элизабет!

Она запрокинула голову и снова засмеялась. Она почему-то много смеялась. И, резко оборвав смех, внезапно приникла к поляку всем телом.

– Как же я вас убью? – шептала она. – У меня нет ни кинжала, ни пистолета... мой милый Пяст... я даже не предлагаю вам отравленный кубок, как Лукреция Борджиа... Ну... ну, возьмите же меня!

Ее обнаженная грудь царапала его, и оконечности сосков казались раскаленными иглами. Алесь застонал, но тут же его губы запечатали губки Элизабет Дьендеш. Этот поцелуй отключил мозг, опрокинул его в бурлящий котел наслаждения, и он уже не ощущал ничего, кроме ее голого тела, кроме губ, твердой полоски зубов и подвижного язычка. Он набросился на эти губы, кажущиеся такими податливыми, набросился, рыча, как зверь, стиснул ее узкую спину руками, так, что ногти впились в кожу, видимо, доставив ей боль.

И в этом безумном водовороте страсти, в этом обжигающем киселе телесных ощущений он не почувствовал, как что-то скользнуло в его рот – легко и нежно. Он еще искал своими губами ее губки, но она уже отняла свое лицо, и маленькие ладони легли на его лицо, а затем чудовищно сильным движением стиснули челюсти. Намертво.

Что-то щелкнуло во рту. Распалось.

Поляк изогнулся всем телом, но твердые, как стальные крючья, пятки и железные икры притиснули его к мрамору. Еще она судорога... Человек под обнаженной женщиной захрипел. По белым пальцам с переливающимся маникюром побежала розовая пена, вытекающая из уголков его рта, из ноздрей.

Прошло еще секунды три... Человек затих. Глаза его оставались открыты. Графиня смотрела на мертвеца с улыбкой. Потом еще раз склонилась над ним и поцеловала в быстро остывающий лоб.

– Ты был хорошим любовником, мой милый Пяст, – прошептала она неизвестно для кого. – Тебя было приятно убивать.

Она сидела неподвижно еще несколько мгновений. Потом резко поднялась. Бесшумно спрыгнув с парапета, подошла к машине. В тишине ночи только глухо постукивали о плиты ее босые пятки. Графиня деловито выкинула из автомобиля пиджак поляка, галстук. Подняла черный ботинок, закатившийся под колесо, и небрежным жестом швырнула его в сторону мертвого человека – в фонтан. Не одеваясь, а просто сдвинув на соседнее сидение свою одежду, она села за руль. Закурила дамскую сигариллу, взятую из коробки, задумчиво выпустила дым.

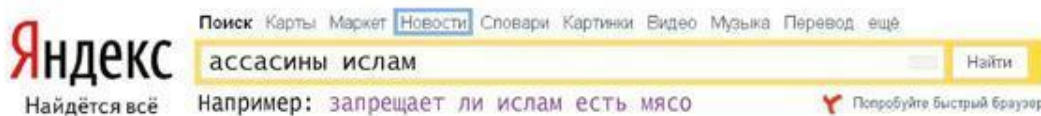
⁹ О, дерьмо! (фр.).

Ее рука скользнула на бедра, потом ниже... Лицо женщины исказилось гримасой; зубы стиснули пластиковый мундштук так, что он с хрустом отломился, и тлеющая сигарета упала на ее колено. Но она не почувствовала боли, а, хрипло застонав теперь уже по-настоящему (звук шел изнутри), выгнулась всем телом, затряслась и через десяток секунд бессильно опустила грудь на рулевое колесо – оргазм пронесся по ней ураганом.

А еще через полминуты ее рука смахнула тлеющий коричневый кусочек с голой коленки, он не оставил даже красного пятна на белой коже. Босая ступня выжала педаль газа. Что-то хрустнуло под колесами машины, но это ее хозяйку не интересовало.

Фонтан журчал, выбрасывая ровные, как зубцы большой расчески, струи. Оранжево светилось здание Оперы. Мертвец лежал на мокром мраморе, полураздетый. Капли скатывались по его голой груди, голова была повернута к воде. Казалось, он дремлет, наблюдая за черным ботинком, тоскливо плавающим под шумящими струями.

Новости

«...эксперты предполагают, что новый член кабинета министров Саркоза возьмет жесткий курс на изменение принципов иммиграционной политики в стране. Соответствующий законопроект готовят депутаты парламентской ассамблеи. Саркоза считает, что эмигранты арабского происхождения, составляющие основную часть населения парижских пригородов, уже сейчас угрожают интересам национальной безопасности. На пресс-конференции в Нантере господин Саркоза заявил, что полиция предпримет ряд специальных мер... На вопрос корреспондента журнала „Newsweek“, касавшийся темы действий в Европе так называемой секты ассасинов, министр ответил, что наибольшую опасность представляют не эти малочисленные секты, а главные идеологи исламского движения, имена которых у всех на слуху...»

*Мари Карбель. «Елисейский дворец переходит в наступление»
Le Figaro, Париж, Франция*

Тексты

Майбах, Неро, секретарша и другие

Майбах стоял у стола, за которым работала секретарь издательства, узкоплечая Элизабет. Сегодня она не куталась в шаль, а напялила на себя плотную курточку с меховой оторочкой. И это при температуре плюс восемнадцать!

Издатель грустно смотрел на виднеющийся за окнами силуэт Башни. Рядом торопливо дожевывало что-то, смахивая крошки с пегой бороды, лохматое, нечесаное, бочкообразное существо с виноватым лицом рассеянного мыслителя.

– Лев Николаич! – проговорил Майбах скорбно. – Видите эту башню?

– Да...

– Вот взять бы ее да засунуть вам в... Тьфу! Какого дьявола вы поисправляли во всех контрольных оригиналах слово «СИМОФОР» на «сЕмафор»?! Это же не издание для почетных железнодорожников, мать вашу растак! Это же от слова СИМОРОН – СИМО-ФОР, то есть как люминофор, то есть «творящий Симорон». Господи, да за что же ты мне таких осто-лопов послал?!

– Я понимаю, патрон...

– Забодай вас комар, Лев Николаич!

– Так точно, патрон, – существо с жестяным скрипом прочесало бороду.

Секретарь слушала весь этот русский диалог, ничего не понимая. Майбах вздохнул и обратился к молодой женщине, грозно указывая на седобородого растрепанного корректора:

– *Fermez ce monsieur dans la chambre des correcteurs! Aucun repas, aucune bière... et ne lui laissez pas aller aux toilettes, tant qu'il ne tout corrigera pas à l'inverse!*¹⁰

– *Oui, patrons!*¹¹

Майбах бросил гневный взгляд на все еще почесывающегося корректора и шагнул в кабинет, громко захлопнув за собой дверь. Там он привычным жестом избавился от штиблет, ощутив ласковую упругость настоящего текинского ковра, и распустил галстук. Подошел к бару напротив стола. Дверца показала ряды бутылок. Он выбрал «Джонни Уокер» восьмилетней выдержки, налил себе немного... В дверь постучали. Майбах с досадой крикнул: «*Entrez!*»¹² – и, не теряя времени, немедленно опрокинул в себя содержимое бокала.

Нутро обожгло приятным огоньком. Издатель обернулся. Но на пороге кабинета стоял незнакомый человек во френче бутылочного цвета и таких же брюках, заправленных, по новой моде, в высокие сапоги, которые в Париже называли «казачьими». Череп человека был совершенно гол, как вываренное яйцо, а за его лунным сиянием виднелись испуганно блестящие очки Элизабет.

Майбах поперхнулся. Помахал рукой: мол, войдите.

– *Elise, laissez-nous...*¹³

Поразмыслив, – все равно посетитель уже прорвался в кабинет! – издатель спросил все так же по-французски:

– Чем могу служить, мсье?

Дверь закрылась. Незнакомец сделал несколько опасных шагов по ковра (его сапоги нестерпимо блестяли) и остановился у стола. Под острым локтем – тонкая черная папка. Жест-

¹⁰ Закройте этого господина в комнате корректоров! Никакой пищи, никакого пива... и не позволяйте ему ходить в туалет, пока он все не исправит обратно! (Фр.)

¹¹ Да, патрон! (фр.)

¹² Войдите! (фр.)

¹³ Элиза, оставьте нас... (фр.)

кий профиль гладко выбритого лица, суровая складка губ, пергаментная, хоть и холеная кожа. Проговорил он, кажется, даже не открывая узкого рта:

– Меня зовут Неро. Аристид Неро. Департамент Управления криминальной полиции МВД.

Издатель нахмурился. Приятное чувство от недавнего глотка виски мгновенно улетучилось. Он обошел стол для заседаний, утвердился на своем краю, под портретом Конфуция, висевшим на стене, жестом показал: присаживайтесь. Гость сел, положив руки на папку; на черной коже они выглядели вылепленным из гипса учебным пособием для начинающих художников.

– Признаться, мсье Неро, я и в России не питал особых симпатий к представителям внутренних органов... а уж во Франции тем более, – кисло протянул Майбах, но пересилил себя. – Чашечку кофе? Виски? Сигару?

Неро мотнул челюстью, будто ножом бульдозера срезая все эти излишние экивоки. Со звуком раздираемой жести он открыл папку и достал несколько листов бумаги – какие-то ксерокопии, фото...

– Вчера на площади Бастилии, у фонтана, был обнаружен труп молодого мужчины, аристократа... – проговорил Неро, распределяя бумаги перед собой в строгом порядке. – Вы что-нибудь об этом слышали?

Издатель скривился.

– Мсье Неро, я давно отвык читать криминальную хронику. Все же, чем могу служить?

Пробурчав эту фразу весьма невежливо, Майбах достал из ящика стола почти двадцатисантиметровую Vegas Robaina марки Don Alejandro – четыреста евро за коробку! – и стал возиться с хитроумной гильотинкой в виде Реймского собора. Он вообще-то предпочитал уже обрезанные сигары, но олух Лев Николаевич, посланный в табачную лавку, купил шефу только такие! Тем временем Неро, не сводя с него бледных, ледяных глаз, проговорил:

– Что ж... вчера убили моего друга. Очень хорошего друга! И самое неприятное – есть все основания полагать, что это сделала женщина...

Майбах зажег спичку. Он уже поднес ее крохотный огонек к острому кончику сигары, но интонация последних слов гостя поразила его. Издатель прищурился и быстро спросил:

– Вы гей, не так ли?

Неро поперхнулся слюной. И побледнел. Потом его клешнеобразная рука медленно поднялась и ошупала гладкий череп, словно проверяя, цел ли. Неро повел худой шеей, напрягая мышцы, и выдавил:

– Я знал, что русские возмутительно некорректны, но чтобы... Впрочем, оставим. Мсье Майбах, я пришел к вам с частным визитом.

Майбах пыхтел сигарой, радуясь, как он отомстил этому сушеному богомолу за его неожиданный визит, а Неро, справившись со смущением, говорил:

– Да... да, мы с Алесем были очень близки. Поэтому эта история меня чрезвычайно волнует. Я знаю, что предварительное следствие квалифицировало происшедшее как самоубийство, но я этому не верю. Послушайте меня внимательно. Тело Алеся Радзивилла, между прочим, одного из непрямых наследников трона Речи Посполитой, было найдено в шесть двадцать утра полицейским патрулем. Алесь лежал на парапете фонтана без обуви и с фактически снятой сорочкой. Его пиджак и один ботинок обнаружили рядом, второй – в фонтане. Также поблизости нашли трость, на слое лака которой остались следы автомобильного протектора, – видимо, автомобиль убийцы ее переехал. Причина смерти – сильнодействующий яд циноринцин, один из компонентов, входящих в состав боевых ядохимикатов.

– Зачем вы мне все это рассказываете, мсье Неро? – снова невежливо перебил Майбах. – Черт возьми, я не собираюсь красть лавры вашего французского Мегре! Я всего лишь издатель, понимаете?

– Понимаю. – Неро, видимо, прикладывал чудовищные усилия, чтобы не вспылить. – И все же... На губах Алесья экспертиза обнаружила некоторое количество губной помады.

– Я не удивляюсь.

Лицо Неро на миг исказила гримаса. Эта маска показалась бы страшной, если бы мужчина не совладал с собой и не вернул прежнее, холодно-медальное выражение.

– Обильной косметикой, если хотите знать, пользуются трансвеститы, – обронил он невозмутимо. – Геи предпочитают натуральный вкус тела... Да, Алесь был бисексуалом. Поэтому я и настаиваю, что его партнершей в тот вечер была женщина. Вероятно, она каким-то образом втолкнула в его рот капсулу с ядом. Тем более, еще один нюанс – на его волосах, за ушами, мы нашли частицы лака для ногтей. Как показал экспресс-анализ, это лак, применяемый в одном из модных сейчас типов педикюра.

Майбах хмыкнул. Откинулся на спинку своего огромного кресла. У него было огромное желание по-американски закинуть ноги в красных носках на стол.

– Хорошо... Слушайте, а ваша таинственная женщина не могла его убить из ревности? Ну, сами понимаете...

Еще одно движение длинной острой челюсти.

– Нет. Алесь никогда не заводил глубоких романов и сам ни в кого не влюблялся. Это было правилом, обязательным для нас обоих.

– Допустим! Мсье Неро, но какое отношение все это имеет ко мне?!

– Одну секунду...

Бритый протянул Майбаху несколько фотографий, заботливо покрытых прозрачной пленкой. Для этого ему пришлось привстать и нагнуться, так как издатель не пожелал менять позы.

На фото он увидел знакомый краснокирпичный угол, балкончик с медными гнутыми прутьями решетки, вход с перекрестка авеню де Сюффрен и авеню де ла Мотт-Пике. Снимали наискосок, со стороны рю дю Лаос, на заднем плане виднелись высокие платаны Марсова поля. Около чугунной фигурной тумбы позировала француженка с короткой стрижкой каштановых волос и слегка азиатскими чертами лица. Занимательным было только то, что на фоне мокрого тротуара и мокрой решетки ограды ее ноги были босы. Да и черный плащ был надет на голое тело. Она чуть приоткрыла его, и пола плаща обнажила левую выпуклую грудь – не полностью, но вполне эротично. Издатель хмыкнул.

– Этому человеку, мсье Неро, надо давать орден Почетного Легиона. И дело тут не в наготы. Мне трудно представить героя, который заставил бы француженку шастать по Парижу босой при такой погоде – на улице где-то плюс двенадцать, да еще дождь. Для вас, французов, это же почти сибирский холод!

– Он платит моделям двести пятьдесят евро в час, – сухо перебил Неро. – Это фотохудожник Арно Ферран. Я наткнулся на эти фото случайно, в Интернете. А вот еще одно, посмотрите.

Здесь уже, наверно, загадочному Феррану пришлось буквально распластаться по парижской мостовой. Он снимал худошавые, но изящные ступни своей модели, поставив ту прямо в лужицу у водостока и прилепив к большому пальцу желтый лист каштана. Но на заднем плане хорошо был виден подъезд издательства «Ад Либитум». А туда как раз заходила миниатюрная молодая женщина, черноволосая, с зонтиком и небольшой папкой для гравюр и картин под мышкой. Майбах понял, почему фотограф не стал размывать кадр по резкости: та, вторая, была нарочито обута и одета – в черные высокие ботиночки, длинную юбку-гадэ и черную кофту. Только вот в момент, когда щелкнула камера, та как раз складывала зонтик, сняв очки. И лицо ее, повернутое к фотоаппарату на три четверти, было очень хорошо видно. Милое личико, живое, с черными глазами и чувственным ртом.

– Я узнал ее, – охрипшим до скрипа голосом проговорил Неро.

Майбах удивленно посмотрел на гостя, чья холодная маска опять сломалась – ужас, злоба, ненависть прошли по этому лицу, вспыхивая поочередно.

– Узнали? Вы ее уже видели?

– Да, – Неро с трудом взял себя в руки и начал рассеянно собирать бумаги в папку. – Как-то мы с Алесем сидели в одном ресторане, примерно месяц или два назад. И он обратил внимание на нее – она оказалась неподалеку, одна. Обычно он никогда не обращал внимания на женщин, только если они не начинали активно предлагать себя сами! Но тут случилась какая-то дьявольщина. Он уставился на нее и куда-то пропал, понимаете?! Он был словно заколдованный. Я что-то сказал ему несколько раз – он не услышал! Я хорошо ее запомнил, потому что она тотчас встала и ушла. Но... но мы потом хотели провести... остаток времени вместе, и ничего не вышло. Он был поглощен ею. Это она!

Всю эту тираду Неро выпалил одним духом. Майбах поежился. В его роскошном кабинете, обставленном в стиле ар-деко, плавающем в дыму гаванской сигары, стало неуютно. Бронзовые напольные часы, казалось, налились зловещим блеском.

– И... что? – произнес он, откладывая коричневую палочку в пепельницу.

– Она приходила к вам в издательство. Я очень прошу вас... я прошу, как частное лицо... как друг этого несчастного молодого человека... узнайте, к кому она приходила. Это поможет нам распутать клубок.

– Вы уверены?

– Абсолютно.

Издатель снова подвигал плечами. «Черт, а в самом деле прохладно...» Он встал и, уже не переживая по поводу своих красных носков, подошел к окну и закрыл тяжелую створку, отсекая одышливое, хмурое пространство улицы от кабинета. Не оборачиваясь, Майбах попросил:

– Оставьте мне это фото. У вас наверняка есть копии.

– Есть.

Когда он повернулся к Неро, тот уже стоял – высокий, прямой, как металлический стержень, в своих «казацких» сапогах. Гость склонил в легком полупоклоне бритую голову.

– Честь имею, мсье Майбах. И очень надеюсь на ваш звонок. Визитку я вам оставил.

Майбах тоже кивнул.

– Да. Не волнуйтесь. Как только узнаю что-либо, я свяжусь с вами... Всего хорошего!

– До встречи.

Стук его сапог затих за дверью кабинета. Майбах вернулся к сигаре. Сунул ее в рот, энергично раскурил, не обращая внимания на обжигающий и потерявший вкус дым, заходил по кабинету. У него было странное ощущение, как нельзя более подходящее для Парижа, – дежавю. Где-то он уже видел это лицо... Где? Оно не было русским, но не было и французским, а несло на себе какой-то странный отпечаток космополитизма. Оно было запоминающимся и в то же время – никаким. Эта женщина наверняка видела, что рядом работает уличный фотограф. Но она не отвернулась, хотя могла это сделать. Если бы она скрывалась, то... Значит ли, что она сделала это нарочно? Зная, что у нее нет другого выхода и отвернуться было бы более подозрительным шагом?

Издательство затихало. Шесть вечера. Из туалетов пахнет лосьоном и духами – результат того, что там прихорашивались перед выходом на улицу. Добропорядочные французы спешат к своим семейным очагам, где наверняка будут рассказывать про очередные фокусы патрона – про ритуалы, помогающие отбить атаку нахальной «НОГИ»... Кстати, Онессим Гаон, кажется, все-таки отозвал иск! Ладно.

Из головы не шел этот аристократ, найденный около фонтана. Капсула яда, попавшая ему в рот... Где-то издатель уже читал про такой способ убийства! Страстный, увлекающий поцелуй, одно движение язычка – и готово. Надо быть чудовищно осторожным и феноменально

храбрым, чтобы, храня у себя во рту смертельный цинорицин, использовать его только в этот момент. Черт, где же он это читал?

Майбах выглянул в приемную. За компьютером Элизабет сидело бородатое чучело.

– Лев Николаевич, вас выпустили?!

Корректор распушил бороду, как кобра, раздувая свой капюшон.

– Но, патрон, мадам Элиза пошла вниз, к посетителю...

– Ладно. Черт с вами. Завтра чтоб был исправленный текст!

Оставшийся час он провел в компании сигар и бутылочки виски, которую прикончил с удовольствием. На столе росла стопка книг. Не найдя искомого, издатель снова выглянул в кабинетик приемной. На месте секретаря теперь уже сидела серебряноволосая Варвара Никитична и меланхолично вязала. Не поднимая глаз от мелькающих спиц, боевая старушка доложила:

– Все ушли, родимый мой. Только привратник Жан да наш писатель в своей каморке. Чай, поедем скоро?

– Чай, поедем, – меланхолично повторил издатель, задумчиво разглядывая ее спицы.

Старушка истолковала это, как знак внимания.

– Уже месяц над шарфиком сижу и все никак не довяжу! – пожаловалась она. – То, понимаешь, взорвут рядом кого, то вот спицы воруют. А еще культурные люди, Европа!

– Что?

– Спицы куплю, а через пару ден – бац! – и нет комплекта. И кому они здесь нужны?

Что-то не отпускало Майбаха. Переваривая услышанное, он собрался. Через пять минут Варвара Никитична уже везла его в синем «исо» домой, в отель.

Варвару Никитичну, дочь власовского полковника и беженки-украинки, родившуюся в Париже в послепобедном сорок шестом, когда ее отец чудом избежал интернирования из фильтрационного лагеря в Кале, он нашел после долгих поисков. Старуха за свою долгую жизнь успела поработать в Париже официанткой, няней, домработницей, но последние десять лет перед пенсией трудилась в таксомоторе. Город знала, как свои пять пальцев, по-французски говорила бегло, хоть образования никакого так и не смогла получить. Поговорив с ней десять минут, Майбах тогда без разговоров подписал ее заявление.

И не ошибся.

Только вот эти спицы...

Прозрение пришло только на следующий день. Он был хлопотным, так как пришел капитальный труд от Тарика Али, известного исламиста либерального толка, живущего в Лондоне и издающего газету «Новое левое обозрение». Материал был горяч, и Майбах срочно вызвал трех переводчиков и усадил их за работу, разбив произведение на куски. Потом издатель консультировался с художниками. Фотография с женщиной на заднем плане все время лежала на столе, и Майбах несколько раз хотел убрать ее в ящик, но его все время отвлекали. Ближе к концу дня в приемную заглянула Элизабет, которая в этот день была еще тише обычного – невидимая и неслышимая.

Поправив тонкие очки на худом остром носу, женщина спросила по-французски:

– Патрон, могу ли я сегодня уйти пораньше?

В это время из приемной, проникнув через открытую дверь, донесся писк зуммера. Майбах с трудом оторвался от увлекательного рассказа Тарика Али о зарождении ислама и кивнул, присовокупив:

– Да. Только спуститесь в комнату для приема посетителей. Если там очередной графоман с какими-нибудь «монологам вагины», гоните в шею! Мы сейчас завалены материалом.

Элизабет кивнула. Она сегодня первый раз была одета в босоножки коричневого цвета, открывавшие худые, костлявые и исчерченные синеватыми жилками безжизненные ступни, и

в какую-то дешевую черную юбку. Женщина снова куталась в шаль, лежащую на худых плечах, обтянутых серым свитерком. Волосы были забраны в «конский хвост». Майбах проводил ее сожалеющим взглядом.

А когда снова вернулся к тексту, то вздрогнул: комната для посетителей! Небольшая комната в холле издательства. Сразу налево. За конторкой дежурит привратник, бывший ветеран Иностранного Легиона Жан Сольвэ. Сухонький старичок. Подслеповатый. Если сразу шагнуть в эту комнату, то можно остаться незамеченным для привратника, а потом нажать на кнопку вызова представителя издательства, и, дробно стуча каблуками по ковру, спустится Элизабет, чтобы принять от посетителя корреспонденцию, счета или очередной увесистый графоманский труд, любезно пообещав немедленно передать это господину редактору.

Майбах с чувством какого-то внутреннего стыда перевернул злополучную фотокарточку и, вынув из кармана мобильный телефон, набрал номер Аристиды Неро...

... Через пятнадцать минут, в течение которых необъяснимое беспокойство не отпускало его, Майбах не вытерпел и подошел к окну. Элизабет уже ушла? В приемной было тихо, только жужжал кондиционер. Маленький белый «фиат» секретарши так и стоял на противоположной стороне авеню де Сюффрен – на белой крыше желтели несколько листиков. Осень в Париже всегда съедает часть лета! Издатель посмотрел на машину. Вернулся к столу, снял трубку внутренней линии.

– Жан!

– Да, патрон!

– Мадам Элизабет ушла?

– Да, патрон. Вышла минут десять назад. Что-то нужно, патрон?

– Да... принесите мне кофе.

Майбах рассеянно вернулся к окну, уставился в его зеленоватое стекло и понял, что изменилось за эти две минуты в пейзаже авеню де Сюффрен, над которой нависали мрачноватые громады Эколь Милитэр.

«Фиата» на испещренной желтыми полосами стоянке уже не было!

Погода испортилась. Крашенное гигантской малярной кистью, серое небо над Парижем обратилось в то, во что неминуемо должно было обратиться, – в кирпичи тяжелых туч, навалившихся на силуэт Эйфелевой башни и подмявших под себя башню Монпарнас. В окна издательства задувало сыростью, высокие рамы спешно закрывали, и большинство сотрудников потянулось в кафе напротив, следуя негласному разрешению Майбаха: если холодает, можно пропустить стаканчик арманьяка с кофе.

Элизабет, еще плотнее кутаясь в шаль и придерживая в руке черную простенькую сумочку, спустилась со ступенек подъезда. Надо перейти авеню де Сюффрен. Она уже достала из сумочки ключи зажигания с брелоком, но вспомнила, что забыла снять деньги со счета. Ближайший банкомат находился в каменной нише на перекрестке авеню де Шампобер и авеню де Сюффрен. Это пятнадцать шагов влево. Она повернула туда, с трудом застегивая заевший замок сумочки.

– Мадам?

Она подняла глаза. В ту же минуту на нее обрушились два коротких удара, нанесенных кожаной сосиской, заполненной плотным песком. Один – по затылку, по хвостику волос, второй – по ее голым коленкам. Боль проскочила через нее электрическим разрядом, погасив вскрик.

Два человека в одинаковых серых костюмах без галстуков и в плащах подхватили осевшую женщину на руки. Один аккуратно забрал из влажной худой ладони ключи от машины.

– Вам плохо, мадам? Одну минуту, мы вас проводим.

Но они повели ее не к белому «фиату», а к черному «мерседесу», дремавшему у тротуара. Грубо, как мешок, кинули внутрь. Тотчас к машине приблизился третий. Один из мужчин, с пышными усами, отдал ему ключи с брелоком.

– «Фиат» на той стороне, езжай за нами.

Начинающийся ветер зло сдувал с платанов парка Марсова поля ослабевшие, желтеющие листья.

«Мерседес» двинулся от авеню де Шампобер к мосту Бир-Хаким, углубился в квартал Шайо. Но и Булонский лес вряд ли интересовал пассажиров машины. Покрутившись по его густо обсаженным зеленью аллеям, автомобиль устремился в Виль д'Авр, где сохранились еще уродливые старые дома постройки двадцатых годов, с массивными дымоходами на крышах, напоминавшими башни разрушенной Бастилии. Здесь, у одного из таких приземистых четырехэтажных уродцев, машина остановилась.

Элизабет не издавала ни звука. Пришла она в себя уже тогда, когда «мерседес» пересекал Сену, и сразу же была умело лишена голоса. Один из сидящих, тот, что оказался слева, достал из кармана скотч телесного цвета и, грубо схватив женщину за макушку, обмотал ленту несколько раз вокруг ее лица – прямо по тонким губам и затылку. При этом он произнес:

– Дыши носом, малышка... и все будет тип-топ!

Второй только усмехался да курил вонючую сигарку. Пепел он стряхивал ей на юбку и на голые колени, ничуть не стесняясь. Потом внес и свою лепту: снял с лица женщины очки, легко раздавил, как орех, в своих красных лапищах и выбросил их в окно.

Элизабет только водила глазами из стороны в сторону. В бледно-голубых зрачках, в уголках глаз набухали немые слезы.

У подъезда дома, под массивным старым козырьком, они вытащили ее из машины. Она попыталась было вырваться. Тогда спутник отработанным движением ударил ее в солнечное сплетение, и женщина с хрипом согнулась. Второй человек, усмехаясь, так же быстро и надежно стянул скотчем худые с веснушками запястья.

– Вот теперь пошли...

Они поволокли ее в подъезд: нечистый кафель, ободранные стены, тусклая лампа без плафона, пахнет кошачьим кормом и пометом. С ноги женщины слетела, жалобно хрустнув сломанным каблуком, одна из босоножек. Усатый наступил на нее, растоптав, и, чертыхнувшись, пнул прочь, в угол. Через несколько минут женщина оказалась в почти пустой комнате, в центре которой стоял лишь стул, а у окна какой-то старый письменный стол с могучими тумбами, с чем-то аккуратно разложенным под цветастой тряпкой. На эту тряпку усатый положил сумочку Элизабет. У этого же окна, отвернувшись, стоял длинный худой человек. Высокие сапоги и белая сорочка с закатанными рукавами. Френч бутылочного цвета повис на единственном крюке вешалки на стене.

Ее усадили, а точнее – бросили на стул. Женщина едва не потеряла равновесие, заскребла ногами по кафелю, каблук правой обутой ноги издал пронзительный скрип.

– Зафиксируйте, – не оборачиваясь, приказал высокий. – И освободите рот.

Мужчины ухмыльнулись. Усатый, перехватив скотч, наклонился, и липкая лента прошла по тонким щиколоткам, намертво притянув их к ножкам стула. Затем достал перочинный нож, разрезал моток ленты на безвольных руках и примотал их к стулу, заведя за спину женщины. Скотч чавкал, приликая к дубовым перекладинам. Закончив эту процедуру, усатый, словно накладывая на картину последний эффектный мазок, взялся за край ленты на ее лице и рванул.

Глухой, скомканный крик боли вырвался у нее, когда липкая лента выдрала волосы на затылке и слетела с губ. На их бледной розовой коже мгновенно налились алые точки – ранки на месте сорванных лоскутов. Только тогда высокий человек обернулся.

– Анри, займись машиной. Рошан, будь здесь, ты понадобишься.

Он приблизился, держа сигару на отлете. Элизабет с черными дорожками слез на худых щеках, с немим ужасом, чуть шевеля истерзанными губами, смотрела на своего мучителя. Тот наклонился к ней суровым, в жестких складках, немного землистым лицом.

– Меня зовут Аристид Неро, мадам, – проговорил он тихо и даже немного нехотя. – Я представляю следственный комитет МВД Франции. Дело, по которому вы задержаны, представляет собой вопрос государственной важности. Поэтому мы вынуждены действовать столь жестоко и быстро. Я вас уверяю, если вы будете четко отвечать на наши вопросы, с вами ничего не случится. Ну, а врача мы оплатим. Вы меня слышите?

Свет из окон, выходящих во внутренних двор, на унылую кирпичную стену, в безлюдье, окрашивал все в этой комнате серым цветом свинцового оттенка. Серые лица, руки, какие-то металлические голоса. Ватно-серые звуки внешнего мира... Усатый, ухмыляясь, встал у стены и выбросил в угол окурков сигары. Но Неро тут же метнул на него испепеляющий взгляд, и человек, поблдев, кинулся за окурком, подобрал, затушил в толстых пальцах, поплевав на них, и с извиняющейся гримасой спрятал его в карман.

– Мадам, вы меня слышите?

Она кивнула. Неро отошел к френчу, достал оттуда квадрат фото в пластике, вернулся и поднес его к глазам молодой женщины.

– Кто она? – свистящим шепотом спросил он.

Секретарша молчала. От скотча, только что стягивавшего ее голову и грубо сдернутого, «конский хвост» волос распался, дешевенькая резиночка лопнула. Несколько прядок упало на бледный с морщинкой лоб. Волосы не закрыли ее уши, и теперь их покрасневшие кончики жалко торчали в светло-русых ниточках.

– Кто она? – Неро повторил вопрос, выпрямившись и затягиваясь сигарой. – Она приходила к вам...

Он назвал дату. Секретарша вздрогнула.

– ...чтобы передать или получить что-то. Что? Кто она? Как ее зовут? Где ее можно найти?

Элизабет молчала. По тонким губам Неро пробежала яростная дрожь.

– Кто она вам? Подруга? Любовница?! Ну, отвечайте же!

И снова – тишина. В недрах пустой квартиры чихнул и начал звонко бить каплями старый кран. Звук был жестяным.

Неро вздохнул, присел перед ней на корточки, и голенища его сапог залоснились бликом, стали серебряными. Он все еще курил, обдавая женщину синими клубами.

– Мадам Элизабет, я вас предупреждаю, все очень, очень важно! Вы выбрали не лучший метод защиты... Слушайте, вы боитесь боли?

Ее голые, бледные, не очень правильной формы коленки оказались сейчас на уровне лица Неро. Он вынул изо рта тлеющую сигару.

– Это вы зря, мадам...

Кончик сигары начал приближаться к белой коже. Женщина с ужасом следила за этим движением. Когда сигара, распространяя жар, оказалась в сантиметре от коленки, Элизабет попыталась отвести ее, дернулась, но Неро с улыбкой стиснул железными пальцами-крючьями икру ноги, и под его ладонью невыбранные волосики встали дыбом.

– ...очень зря.

Багровый, вспыхивающий точками кончик с шипением вдавился в тонкую кожу. Женщина затряслась в судороге и, открыв окровавленный рот, хрипло, тонко закричала.

– Ну, говорите же, говорите, черт вас возьми! – рычал Неро, с яростью вдавливая сигару в тело.

Он сломал ее, и гаванская «Cohiba» осыпалась вниз, распавшись на коричневые лепестки, один из которых застрял между пальцами ступни Элизабет.

Неро поднялся. Связанная тяжело дышала. Черный свитерок ходил ходуном. Шаль синела под стулом комком.

– Что ж... мадам, у нас есть более цивилизованные способы, чтобы заставить вас разговариваться. Вы совершаете большую ошибку!

Она только мотнула головой, слабо, худым подбородком, и это дало новый толчок ярости Неро. Повиснув над ней, он сделал шаг. Его начищенный сапог с грубой подошвой накрыл тонкую, жилистую ступню женщины. Неро, оскалившись, перенес тяжесть тела на носок, раздался хруст ломающихся косточек, и связанная женщина снова изогнулась от чудовищной боли. На этот раз она не закричала, а исторгла глухой, полный безумия стон.

Неро отодвинулся, нервно отер ладонью гладкий череп и резко приказал:

– Рошан, инструменты.

Усатый смахнул на пол сумочку и стащил со стола покрывало. Под ним оказались какие-то склянки, одноразовые шприцы в пакетиках. Подручный Неро начал набирать жидкость в один из кранов. А сам Неро нагнулся, поднял сумочку и вытряхнул ее содержимое на грязный кафель. Среди недорогой косметики, простенького мобильного телефона, кошелечка об пол звякнули спицы. Острые, стальные спицы.

– Любопытно... – медленно протянул Неро. – А спицы-то вам зачем? Вяжете, мадам?

Впрочем, он и не ждал ответа. Усатый достал ножик. Оттянув край черного свитерка от шеи женщины, он полоснул по нему ножом, потянул, расплосовывая ткань. Отбросил. Обнажилась ее плоская, слегка отвислая грудь с бурыми точками и большой бородавкой на правом полушарии. Усатый неловко орудовал жгутом, стягивая худую руку выше локтя сзади, что-то бормотал про себя, ругаясь. Неро меланхолично следил за этим. Вот упал жгут, и через несколько секунд жало шприца вонзилось в тонкую змейку вены.

Она застонала снова – писком, как ребенок. Неро еще раз подошел. Жесткими пальцами взял за подбородок, поднял вверх. Посмотрел в ее заполненные влагой глаза и четко сказал:

– Это очень хорошее... очень эффективное средство. Вы сейчас заснете... и все... ВСЕ!!! Все нам расскажете.

В ванной комнате, заполненной паутиной и пылью жалобно, надрывно плакал хрипящий кран.

Точка Сборки-4

Вилла Кометто, полицейские и пассажиры

Дождь, весь день набухавший над Парижем фиолетовым зрелым бутонем, обманул ожидания: он пролился не мощным ливнем, играющим яростную симфонию на жести водосточных желобов в районе Больших Бульваров, а начал кропить с неба уныло, будто святой водой, мелко и однообразно. В темноте, размытые этим морозящим дождиком, мутно светились уличные огни и рекламы, потеряв интерес к назойливому сверканию; ночные улицы были, как на картинах Моне: неясные очертания, приглушенные краски, сплошные впечатления вместо осязаемой реальности.

В такую пляшущую мокроту, словно белая акула, вынырнула из металлической ограды виллы Кометто большая машина – американский Lincoln Town Car. На стеклах – шторы, салон отделен от водителя пуленепробиваемой перегородкой – создатели лимузина свое дело знали. Машина воровкой прокралась по улице Этьена Доле, потом скользнула под мост надземной линии метро и выбралась на зажатый каменными стенами-бордюрами бульвар Камелина. Здесь над дорогой повис еще один мост – стальной нитки SNCF, а за ним бульвар упирался в крохотную, но гордо носящую свое имя авеню Виктора Басха.

Вот на выезде из-под этого тоннеля машину и остановили.

На перекресток, молча вертя на крыле карусель сполохов, выехал, как неторопливая баржа, полицейский «ситроен». Водитель «линкольна» нажал на педаль тормоза, и «белая акула» предупредительно застыла в пяти метрах от перегородившего дорогу автомобиля с эмблемами дорожной полиции. Дождик ронял слезу на белую крышу, в ночной тишине хлопнули дверцы, и две фигуры в ординарных синих прорезиненных плащах и кепи из плотного сукна вышли из машины. Один по дороге выбросил окурочек – недокуренная палочка с золотым колечком на фильтре и надписью Das Kabinet полетела к решетке сточной канализации.

Полицейские приблизились. Один, сверкая мокрой эмблемой на кепи, склонился к окну водителя. Тот опустил стекло, и стало видно, что это пожилой, седоватый алжирец в темно-синей униформе.

– Дорожная полиция, четырнадцатый округ, – хриплым голосом проговорил полицейский. – Ваши документы, мсье!

Водитель безропотно достал паспорт и еще несколько бумажек – они лежали наготове в перчаточном ящике автомобиля. Капли дождя мелко стучали по прорезиненной ткани. Полицейский достал фонарик, ткнул снопом его света в раскрытую книжечку.

– Давно иммиграционную карточку переоформлял? – заворчал он, просматривая бумаги. – А, черт...

– Месяц назад, – лаконично ответил водитель.

– Да? А ты не слышал, что теперь вам приказали делать это побыстрее? Ни черта не видно...

Здесь было действительно темно – глухой перекресток. За площадью Ванв авеню Марселя Мартими уходит к кладбищу. Тут нет увеселительных заведений и игорных клубов. Только фонари в густой, покорно опущенной вниз листве.

Закончив проверку документов, полицейский показал фонариком на салон:

– А там кто?

– Там гражданка Королевства Саудовской Аравии, – четко произнес алжирец. – У нее дипломатический паспорт.

Полицейский хрюкнул и сплюнул себе под ноги, в мелкие, всхлипывающие лужицы.

– Да ты что? Мне что, тебе на слово прикажешь верить, черная твоя задница? Давай, буди ее, пусть покажет себя!

– Но, мсье, это нарушение...

Человек в плаще зевнул. Крикнул напарнику:

– Малыш, тащи блокиратор! Этот малый упряма, как осел.

Поняв, что спорить бесполезно, водитель нажал на панели клавишу. Стекло-перегородка с мягким гудением спустилась вниз. Из темноты салона появилась изящная смуглая рука – на тонких, с нежной кожей пальцах сверкали золотые кольца – и протянула паспорт в кожаной обложке с тиснением. Полицейский недоверчиво посветил вглубь фонариком. Сидящая в салоне дама сразу отпрянула, и фонарик осветил только хиджаб, скрывающий пол-лица, и большие восточные глаза с мечущимся в них испугом.

– Ну, так дело не пойдет! – желчно отреагировал полицейский. – Она у тебя и на паспорте в этом дурацком платке?! Ну-ка, малый, выйди, я поближе посмотрю...

Водитель нехотя повиновался. Забрав ключ зажигания из замка и заглушив мотор, он вышел в мокрую ночь, а дождь сразу вцепился коготками-капельками в его седые виски и форменный синий пиджак.

Водитель встал рядом с полицейским. В ту же секунду дубинка, вылетевшая из-под плаща полицейского, ударила его в живот тупым концом, наполненным свинцовой заливкой. Водитель, скрючившись, со стоном отлетел на тротуар, а полицейский, быстро найдя ту самую кнопку, нажал ее, и перегородка мигом поднялась вверх, захлопнувшись. В то же время от задней части машины донесся противный, пронзительный визг – это стальная фреза впилась в бок «линкольна», рассыпая белую стружку. Для того, чтобы преодолеть сантиметровый слой металла, ей понадобилось четыре секунды, и, когда металлические рыльца, пропоров обивку, вылезли в салон, из кончиков с шипеньем вылетели струи белесого газа. Слышен был сдавленный крик женщины, стук – она отчаянно заколотила руками по стеклам, – но удары быстро ослабли, и все стихло.

Первый полицейский тем временем склонился над корчившимся на земле человеком, которому точный удар свинцовой дубинкой разорвал селезенку, и надел на него наручники;

потом поднял его, взяв охапку, и забросил на переднее сиденье. Полицейский хотел захлопнуть дверцу, но его напарник вышел из-за другого борта машины, таща уродливое сооружение – рамку с двумя острыми резцов и прикрученным ко всему этому газовым баллоном.

– Погоди...

Крякнув, напарник бросил фрезу туда же, на переднее сиденье. Гулко захлопнулась дверь. Тот, что постарше, достал из кармана крохотную рацию «уоки-токи»:

– Готово. Подбегайте!

Почти сразу со стороны улицы Рене Кош, идущей от вокзала Ванв, выкатился черный «мерседес», сливающийся с темнотой ночи. Два человека выскочили из машины и подбежали к «линкольну». Отпихнув полицейского, они забрались внутрь на место водителя. Сразу же послышался приглушенный вопль боли. Губы пожилого полицейского тронула злорадная улыбка.

– Merde! Sacrebleu!!!¹⁴ Какая сволочь бросила сюда это чертово дерьмо!

Полицейский резко открыл дверцу и зло бросил:

– А ты, видать, хочешь, чтобы я таскал ее с собой?! Забирайте свое барахло!

Но ударившийся о фрезу человек не ответил. Он только ругался, потирая ушибленное место, и помогал натягивать на голову ворочавшегося водителя черный мешок. Потом раздался звук запущенного мотора, и белый «линкольн», резко тронув с места, исчез в ночи вслед за «мерседесом».

Полицейский пошевелился, шурша мокрым плащом.

– Малыш, есть курить? Дай мне твоего американского дерьма.

Младший подал пачку Dunhill без фильтра. Дождь усиливался, лужи пузырились. В одной из них блестели серебристые перья металлической стружки.

Полицейские пошли к машине. Младший отлепил от крыши магнитную мигалку. Старший быстро содрал наклеенные эмблемы дорожной полиции.

– Сдается мне, дерьмовую мы с тобой работенку сегодня сделали, малыш! – проворчал он.

Напарник не отвечал. Оба уселись в очищенный от наклеек «ситроен». Положив руки на руль, старший спросил:

– Ну что, может, заедем в ночной бар к Люка, пропустим по стаканчику, а? Домой после такого ехать не хочется.

– Давай.

Полицейский завел мотор и задумчиво пробормотал:

– А ты в курсе, что я все-таки поспорил с Гипаром? На полсотни евро.

– О чем?

– О том, что у Лунь Ву на киске три бородавки. Треугольником.

Младший пожал плечами. А старший загасил окурок о мокрую подошву ботинка и бросил его на коврик, под ноги. Затем добавил странным голосом:

– Так вот, я думаю, что нам надо бы рассказать об этом дерьме, которое мы сегодня сделали для господина Неро, этой китайке... Лунь Ву. Как ты думаешь, малыш?

Младший полицейский подавленно молчал. Где-то далеко, за Марной, черное небо беззвучно перекрестила вспышка молнии.

Только к утру дождь наконец превратил лужайки Люксембургского сада в маленькие хлюпающие болотца и наполнил мутным смывом тротуаров водостоки по краям набережной. Но он промыл день – и день обещал быть чистым, и небо радовалось, расстилая шатер голу-

¹⁴ Дерьмо! Черт возьми!!! (фр.).

бизны и выставив даже в его центр, как угощение для дорогого гостя, яркий сырнй круг солнца.

Это солнце разбилось на тысячи осколков в призме знаменитой пирамиды в центре двора Лувра, и сияние солнечных бликов наблюдали сейчас три человека, сидевшие на террасе кафе Марли на улице Риволи. В этот ранний час они были единственными посетителями. Красно-белые тенты распростирали над ними свои купола. Пахло круассанами. Посетителям принесли яблочный пирог, сливовое пюре, три чашечки алжирского кофе с имбирем и две рюмки перно. Перно пили Майбах и полковник, а Варвара Никитична лакомилась пирогом и сливовым десертом. При этом она успевала еще и вязать, держа свою «трикотажную фабрику» на коленях.

– ...так значит, Дмитрий Дмитриевич, говорите, что она вот так взяла – и пропала? – задумчиво бормотал полковник, глядя на золотящуюся в солнечном водопаде арку Карусель. – Интересно все это. То есть вы позвонили Неро, и она – пропала?

Издатель вяло пожевал ломтик яблочного пирога и кивнул. Бабушка, на правах равноправной участницы слушавшая весь разговор, тоже кивнула и добавила:

– Ох, и болезная была она! Всегда кутается, всегда деньги до копейки считает...

– А пропажу фотографии вы обнаружили до этого или после?

Майбах смутился.

– Да... честно говоря, после того, как позвонил вам. Все время ведь на столе лежала!

– В ваш кабинет кто-нибудь мог зайти во время вашего отсутствия?

– Вряд ли.

– А вот и неправда ваша, Дмитрич! – нараспев протянула старушка, пользуясь правом фамильярного обращения. – Ой, неправда! Всего-то вы и не знаете, уж не в обиду вам сказано... Писатель-то наш, Толстой который, частенько к вам в кабинет навещается. Юркнет да выходит, а губы-то облизывает. Чай, уже бутылку виски у вас выпил, так-то вот...

– Толстой? – быстро спросил полковник, бросив острый взгляд на ангельскую серебряную головку Варвары Никитичны.

– Да, есть у нас тут... из старых эмигрантов, – рассеянно подтвердил Майбах. – Как ни странно, Толстой. Лев Николаевич. Графоман дикий, но корректор отменный. Так вот, значит, как...

– Я уж и хотела вам сказать, – виновато оборонила старушка-шофер, – да все недосуг. Шибко занятой вы последние дни-то.

– Ладно. Проверим. Но вы ведь ее запомнили?

– Запомнил. Я же вам описал!

– Хорошо, хорошо...

– Вы ее узнали? Кто это?

– Не сказать, чтобы узнал, – усмехнулся Заратустров, разглядывая несколько парочек туристов, понуро бродивших по двору Наполеона посреди Лувра: отстали от экскурсии, наверно, – но кое-какие соображения имеются. Без особых примет дамочка. Вечно молодая. Миниатюрная, как куколка... да? Знаете, в театрах есть такое амплуа – травести. Актриса с таким амплуа может играть в оч-чень широком диапазоне!

– Она... – Майбах нервно облизнул губы, – из ЭТИХ?

– Да и из этих, и из тех, – хмыкнул Заратустров и переменял тему. – Варвара Никитишна, а вы говорили, спицы у вас пропали?

– Пропали! – охотно подтвердила женщина и отложила вязанье. – Ой, беда, право слово! Я ж их покупаю не на распродаже, мне крючок хороший нужен... а потом в нашем храме Александра Невского освящаю. Штоб вязали!

– Это в районе площади Шарля де Голля... на улице Дарю, – подсказал Майбах.

– И то верно. Отец Виктор там есть, добрый человек! Освященными спицами-то вязать как хорошо – само вяжется!

Заратустров прищурился на солнце, допил перно, блеснувшее анисовым колобочком в рюмке.

– Освящаете, значит... Это здорово! И вот освященные и пропали?

– Уже пятые, – скорбно вздохнула старушка.

До Майбаха дошло. Эту ночь он провел у знакомых в крупнейшем бульварном издании Франции, «Франс-Суар», в отделе криминальной хроники, поглощая дурной кофе из аппарата и заедая черствыми круассанами с сыром. Однако теперь криминальную хронику столицы за последние месяцы он знал назубок.

– Эти убийства... – охрипшим голосом спросил он, – эти случаи, когда грудь прокалывали спицей... это...

Заратустров кивнул. Прислушивающаяся к их разговору Варвара Никитишна только вздохнула и перекрестилась.

– Магия же, друг мой любезный, – проговорил он медленно. – Ни белой, ни черной не бывает. Магия – суть энергетика, использование ее. А уж какой вектор мы зададим – такая и магия будет. Поэтому спицы, освященные в православном храме да использованные не по назначению, скажем так, тоже страшную силу могут иметь. Закрывание чакр, помните? Блокировка выхода информации. Так что четыре «невесты» в Париже – четыре пары ваших спиц, Варвара Никитишна.

Майбах шумно вздохнул и тоже выпил свой бокал перно до конца, будто несколько дней томился жаждой. Туристы во дворе Лувра наконец заметили экскурсовода и бросились к нему с гортанными радостными криками – это были итальянцы. С крыши музея прыснула голубиная стайка, запятнав черными точками ярко-голубой шелк неба.

– Что же нам делать-то теперь, това... Александр Григорьевич? – тоскливо спросил издатель, вертя в руках пустой бокал.

Заратустров безмятежно сощурился.

– Ну, почти ничего. Только вот на роток накиньте платок. В помещениях издательства. Я там в ближайшее время покопаюсь насчет радиозакладок. Пригласите, допустим, сантехников... Трубы-то текут?

– Тут у них ничего не течет, – угрюмо обронил издатель.

– Ну, что-нибудь придумаете. А вам советую сегодня развеемся.

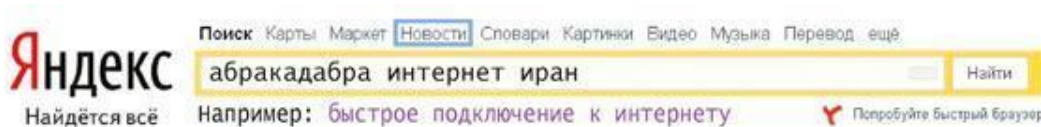
– Это как?

– Да вот, сегодня после обеда на площади Мадлен ребятишечки мои будут симороновский движняк устраивать. Очень забавно будет, право!

– Какие «ребятишечки»?!

– Ну... – Заратустров махнул рукой успокаивающе и так же улыбнулся Варваре Никитичне. – Не знаете вы их. Из нашей Сибири ребята. Молодые, азартные. В общем, подъезжайте... Как получите сообщение на мобильный, в рамках флэш-моба, так и подъезжайте. А сейчас я вот что хочу спросить: можно ли через вас посмотреть списки документов Национальной библиотеки? Превью, так сказать, сделать...

Новости

«...комиссар Евросоюза по делам электронного медиaprостранства Жюльет Касси заявила в ходе недавнего заседания Европарламента, что не видит формальных поводов к запрету деятельности нового глобального ресурса abracadabra.go на территории Евросоюза. По ее мнению, содержание ресурса не несет признаков агрессивной проповеди исламского фундаментализма, однако, по словам госпожи Касси, проблемой может стать тенденциозность поисковой системы в подборе разыскиваемых документов, а также количество спама, рассылаемого абонентам Сети. Все спам-рассылки касаются исключительно сур Корана, подобранных провокационным образом. Тем не менее, комиссар Евросоюза не считает, что необходимо принять жесткие меры к „прозрачности“ в удовлетворении запросов пользователей этого глобального ресурса, учитывая опыт таких, например, поисковых систем, как Yandex и Yahoo...»

Мергель Зафар. «Искусство информации»

The Guardian, Лондон, Великобритания

Лабораторная работа-1 Спасти Мадлен. Занятие с облизыванием

Площадь церкви Мадлен представляет собой правильный, унылый четырехугольник, в центре которого расположено не менее унылое здание церкви – у кого-то еще может и повернется язык назвать его величественным, но уж праздничным его точно не назовешь. Людовик Пятнадцатый начал строить эту церковь в тысяча семьсот шестьдесят четвертом, и планов было множество. На всем протяжении квартала до улицы Сент-Оноре в центре Парижа должен был расплестись католический крест, увенчанный куполом. Но потом король охладел к этому проекту, а достраивал церковь придворный архитектор Виньон, смутно представляя, каков был первоначальный замысел. В итоге он начал лепить простой псевдогреческий колонный сарай с двускатной крышей, да и денег на нечто более грандиозное просто не хватало. Освятили церковь только в тысяча восемьсот сорок втором году, во времена Второй империи. Еще недостроенное, здание так мало походило на место уединенных молитв, что горячие головы из якобинцев предлагали устроить тут дворец Конвента, библиотеку или оперу. Наполеон мечтал создать в этой церкви храм в честь своей Великой Армии, но успокоился, выстроив Дом инвалидов.

В конце концов это громоздкое сооружение стало тем, чем должно было быть, – приходской церковью. Приход, между прочим, включал в себя и Лувр, поэтому с полным правом считался «королевским».

Одно время длинные палисадники перед церковью оккупировали менялы. Это было перед второй мировой войной, когда в Париже вместе с франком ходили и американский доллар, и немецкая рейхсмарка. А затем на смену менялам пришли цветочницы. Сравнительно молодые, от двадцати пяти до тридцати, разбитные и бойкие, приехавшие Париж с заснеженных отрогов Юры или с жаркого Прованса и по счастливой случайности не угодившие в проститутки, они мелькали среди пышных кустов роз, тюльпанов, гладиолусов, фиалок, пионов и хризантем, как правило, все в униформе Цветочного союза (синий фартук и белая блузка), сверкая загорелыми до черноты икрами и стуча задниками сабо по деревянным, задубевшим пяткам. Часть цветов продавалась даже на периптере, под двадцатиметровыми коринфскими колоннами с фризом. Цветочницы опоясывали Мадлен со стороны бульвара Мальзерб, отчасти искупая этим историческое название этой старой улицы, а на рю Тронше выходила лестница и фронтон с изображением сцены Страшного Суда, где у ног Иисуса каялась Мария Магдалина, сделавшая для него, впрочем, едва ли меньше, чем все его апостолы вместе взятые.

В церкви нет ни великих покойников, ни легендарных гробов, поэтому туристы редко заходят внутрь, чтобы полюбоваться нефом и полукруглой алтарной частью работы архитектора Бретейля, и к большому огорчению гидов первым делом бегут за угол церкви, где их ждет первый парижский общественный туалет (три евро за посещение), открытый в тысяча девятьсот пятом году. Таким образом, для среднестатистического туриста знакомство с площадью Мадлен заключается обозрением деревянных дверей туалета с цветными витражами, его керамического фриза, лепных украшений на потолке в виде толстомясых амуров и золоченых крапов на писсуарах. А так как туалет рассчитан на одновременное посещение всего лишь двенадцати разнополых существ, то остальные курят у автобусов и умножают своим присутствием количество зевак на площади Мадлен.

На это Шкипер, Лис и мисс Валисджанс и рассчитывали.

...Попойка в студенческом кафе закончилась более чем удачно. Вернулись домой только к утру. Лис где-то потеряла лифчик, а Шкипер – флэш-карту для компьютера, на которую, впрочем, не было записано ничего важного. Однако приобрели они больше: теперь в активе

гастролирующих симоронавтов был джаз-банд в составе трех негров и одной мексиканки, с собственным фургончиком «фольксваген» и аппаратурой, один студент-филолог, обладающий способностью жонглировать чем угодно, и два непризнанных поэта, которые быстро, в лучших традициях французских лириков, набросали прямо на салфетках:

Oh, Simoron, je te veux!
Ton corps est jolie et rond,
Pour te manger je casserai mon bouchon...¹⁵

И далее в том же духе.

Кроме того, под утро неутомимая Мари притащила в отель пятерых молодых людей неопределенного пола, которые принесли с собой какие-то прозрачные листы – как оказалось, пластик. Эти ребята быстро собрали в центре номера куб размером метр на метр, бесцеремонно разделись и уместились внутри своего сооружения за полторы минуты.

– М-да, – пробормотал Шкипер, задумчиво разглядывая сплетение обнаженных тел. – Посадят нас с тобой, Лисонька, в соседние камеры. Как Желябова и Перовскую...

– Не бойсь!

Мари поняла по выражению лица Шкипера, о чем тот говорит, и начала энергично возражать. По ее словам выходило, что их акция нарушает только два французских закона: о проведении демонстраций без соответствующего разрешения и о препятствии автомобильному движению. Впрочем, на пренебрежение этими законами полиция давно смотрела сквозь пальцы, а сквозное движение машин через площадь и так было запрещено пять лет назад.

Дальше, освежившись нежным бургундским в кабачке через улицу, троица села разрабатывать детальный план. На это ушло несколько часов.

– ...значит, помост, который нам дают в студенческом театре, ребята крепят за три минуты, – рассуждал Шкипер, чертя на бумаге план площади, – вот тут, со стороны рю Тронше. За эти же три минуты джаз-банд разворачивает свой фургончик... запитываются они... ну, то есть берут электричество от станции метро... Разрешат воткнуть вилку в их розетку?

Валисджанс, которая снова уселась на кровать Лис, замысловато сцепив гибкие голые ступни, пожала плечами – не вижу проблем!

– Отлично! Потом трехминутная программная речь, зачитываемая Лис или Мари. Я по-французски не шарю. И выпускаем девушек по имени Мадлен. Повар будет готов?

– Конечно.

Шкипер покрутил головой с легкой досадой:

– Черт, как у вас тут легко все! У нас бы за это заломили дикие деньги.

В самом деле, подготовка «движняка» с таким мощным сопровождением не стоила им ни одного евро. Шеф-повар из ближайшего «Кафе де ла Пэ» согласился бесплатно приготовить три килограмма крема из взбитых сливок с ванилью и собственноручно нанести его на перси юных участниц. Мюзик-холл «Олимпия» дал сто бесплатных контрамарок для раздачи в толпе. А выступление Мари Валисджанс в студенческом кафе вызвало фурор: по Латинскому кварталу моментально пронесся слух о том, что какие-то сумасшедшие русские предлагают устроить в центре Парижа веселую заварушку БЕСПЛАТНО, в отличие от гринписовцев и глобалистов, у которых всегда существовали твердые ставки на всевозможные безобразия – от прогулки нагишом по Елисейским полям до битья витрин «Мак-Дональдсов». Это выглядело свежо и необыкновенно привлекательно. От волонтеров отбоя не было.

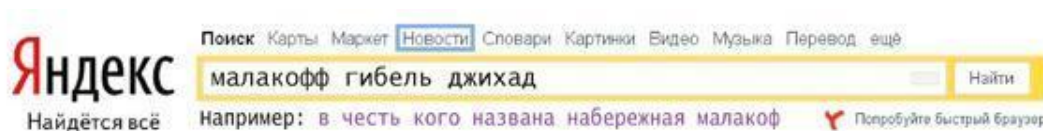
– Потом вызываем желающих «очистить Мадлен», на этот процесс отводим пять минут. Потом символическая Точка Сборки с нашими ребятами-акробатами, которые уминаются в

¹⁵ О, Симорон, я хочу тебя! Твое тело прекрасно и округло, Чтобы съесть тебя, я разорву свой рот... (фр.).

кубик. И финальный Торсионный Танец вокруг помоста. На все про все уходит пятнадцать минут. Должны успеть, пока не разгонят! – заключил Шкипер. – Ну что, еще бутылочку красненького?

Сочинять «движняк» под аккомпанемент журчания виноградного вина оказалось делом очень приятным во всех отношениях.

Новости

«...Гибель Сурии Хан аль-Хасаб на шоссе Ножан-сюр-Марн – Шель вызвала шок в арабских кругах Парижа. Двадцативосьмилетняя родственница банкира Абдель Ханаффа, близкого к Саудовской королевской семье, считалась самой просвещенной женщиной, представлявшей арабский мир на Западе: она закончила Оксфорд, получив степень магистра философии, и нью-йоркский университет Стенли, обеспечив себе твердые знания в области менеджмента. Сурия Хан успешно руководила издательством, выпускающим в Брюсселе религиозную литературу для правоверных мусульман... Люди, встречавшие ее, говорили, что она умна, эрудированна, но вместе с тем фанатична и непреклонна, как настоящий „боец джихада“... Последний месяц Сурия Хан, по данным полиции, гостила у своих родственников в Париже, на вилле „Кометто“ в районе Малакофф...»

Paris-Match, Париж, Франция

Тексты

Неро, Лунь Ву и другие

Во Дворце Правосудия на острове Сите пахнет духами, потными подмышками и бумажной пылью. По коридорам снуют верткие репортеры обоих полов, обвешанные фотоаппаратами и диктофонами. Молодые адвокатессы расхаживают в длиннополых мантиях, под которыми зачастую ничего нет по причине жары, и это служит неисчерпаемой темой для анекдотов да периодических скандалов в бульварной прессе. В Министерстве юстиции на площади Согласия запах другой: дорогой крем для бритья, лосьон и сладковатый запах разогретых принтеров. Это царство молодых людей-метросексуалов, новой поросли чиновников; между ними проплывают по коридорам, как линкоры, почтенные судьи, некоторые из которых еще помнят генерала де Голля. В здании Министерства внутренних дел на рю де Соссэ не пахнет ничем, точнее, пахнет бездушным военным формализмом, и глаза рябит от шевронов и погон всевозможных родов войск огромной полицейской империи. Иногда только проходящий мимо провинциальный жандарм густо дохнет луком, и только. Здесь царство военных и приравненных к ним; даже те, кто одет в гражданское платье, ходят четко по прямым линиям, здороваются коротким сухим кивком, говорят вполголоса и отвечают лающими голосами.

Сейчас таким голосом изредка отвечал Аристид Неро, стоявший навтыжку перед новым министром внутренних дел Саркозой. Это был невысокий, с каменной нижней челюстью человек, который смотрел всегда исподлобья. За его крепкими покатыми плечами – сплошь военные и полицейские заведения, от школы капралов в Форт-Рош до военно-юридической академии при Эколь Милитер. Новый министр слыл человеком жестким и бескомпромиссным, находящимся в известной оппозиции к Елисейскому дворцу.

– Посольство Саудовской Аравии подало официальный протест, – скрипучим голосом говорил министр, вертя в руках электронные часы в виде маленького шарика-глобуса. – Оно требует, чтобы мы тщательно расследовали дело об автокатастрофе, в которой погибла их гражданка... напомните, Неро!

– Сурия Хан аль-Хасаб, подданная Королевства.

– Да... чтобы мы расследовали это происшествие с особой тщательностью. Я знаю, что этим делом занимается прокуратура, но и вы, Неро, не должны забывать, что лично его курируете. Интересно, какого черта ее понесло в Валь-де-Марн?

– Не могу знать, господин министр! – четко ответил Неро. – Эти арабы иногда выбирают себе места для развлечений подальше от Парижа, чтобы...

– Причина автокатастрофы установлена? – перебил Саркоза.

– Так точно, господин министр. Ее «линкольн» превысил скорость на шоссе Ножан-сюр-Марн – Шель и на скорости примерно в сто восемьдесят километров в час врезался в ограждение, после чего рухнул вниз с пятиметровой высоты и загорелся. Водитель и эта женщина погибли сразу.

– Проследите, чтобы не было никаких лишних комментариев в прессе.

Неро почтительно кивнул. Кабинет Саркозы был отделан черным деревом из Конго, и все это мрачное, черно-коричневое с золотом великолепие внушало трепет любому посетителю кабинета. Полотнище триколора за спиной министра не колыхалось ни от одного дуновения, а висело вниз прямо, как жестяное.

– Я уже запретил доступ к этим телам в морге для всех, кроме себя, следователя Надин Берси и господина прокурора, – сообщил Неро.

– Отлично. Теперь вот еще что...

Запищал зуммер внутренней связи. Саркоза снял трубку телефона короткопалой рукой с рыжеватыми волосиками на костяшках пальцев, послушал. Потом, ничего не ответив, с раздражением бросил трубку на аппарат.

– Анонимный звонок, Неро. Три минуты назад он поступил в Главное управление. На площади Мадлен может произойти взрыв. Берите отряд... возьмите людей Калабри и следуйте на площадь. Только не торопитесь. Это может быть провокация, а нам сейчас не нужно лишнего шума. Вы меня поняли?

– Так точно, господин министр.

Покинув спертую атмосферу Министерства, Неро легко сбежал по его ступеням к тротуару рю де Соссэ: поджарый, в черном приталенном пиджаке и однотонном галстуке – обычная униформа для посещения МВД, если не брать в расчет полицейский мундир. Водитель распахнул дверцу черного «пежо-605».

– Площадь Мадлен! – бросил Неро.

Уже из машины он выходил по телефону на связь с командиром отдельной роты спецназа полиции Венсаном Калабри, заносчивым корсиканцем, креатурой самого Саркозы.

От рю де Соссэ до площади Мадлен – всего ничего, если ехать по рю де Сюрен. Но на повороте на бульвар Мальзерб машина Неро уже попала в пробку. Водитель достал из-под сидения маячок на магните и прикрепил его к крыше. В этот момент заднюю дверь «пежо» дернули, и какая-то легкомысленно одетая девчонка забралась в машину чиновника, как к себе домой. Неро с неприятным удивлением узнал раскосые глаза и бритый череп с пирсингом в брови и ноздре. На китайке были «матросская» блузка на веревочках, бесформенные шорты и ее проклятые китайские тапки, открывающие узкую и слегка покрытую пылью ступню. На среднем пальце левой ноги, как всегда, дурацкий золотой перстень!

– Какого черта, мадам Ву? – не сдерживая раздражения, пробормотал Неро. – Поль, да разгоняй их в конце концов...

Комиссар полиции бесцеремонно прикурила сигаретку, достав ее из невесомой сумочки, болтающейся на худом плече.

– Торопитесь по анонимному звонку, мсье Неро? – насмешливо проговорила женщина, выпуская дым в полуопущенное стекло.

– Допустим. Вам-то что?

– Думаю, что торопиться не стоит, – сухо зато заметила женщина и усмехнулась. – Звонок поступил даже не из телефонной будки, а с коммутатора станции в Дефансе. Кто-то подключился к сети.

– Merde! Да хоть так... Поль!..

Машина, несколько раз взревев сиреной и разбрасывая сполохи маячка, выбралась на тротуар. Неро поймал несколько злобных взглядов и раскрытых ртов, пославших ругательства вслед черному «пежо». Лунь Ву тоже заметила это и рассмеялась сзади.

– Какой хороший день сегодня, мсье Неро, не правда ли? Такое яркое солнце...

Вместо ответа Неро снова схватился за телефон:

– Калабри! Где вы там, черт возьми?!

Корсиканец ответил без грубости, но с оттенком презрения:

– Двигаюсь со стороны улицы Капуцинов. Пробки.

Между тем они, лавируя меж мусорных урн, уже выбрались на рю Шово Лакард. Фронтон церкви с апокалипсической картиной сиял в солнечных лучах, коринфский ордер колонн отливал бронзой – так отсвечивал голубиный помет в их завитках. Между двумя колоннами Неро увидел натянутый транспарант. Несколько простыней, сшитых друг с другом, несли на себе неровно сделанную масляной краской надпись:

«СПАСЕМ МАДЛЕН! ВЫЛИЖЕМ И ПРЫГНЕМ!»

– Что за чушь?! – зарычал чиновник, ослабляя узел галстука. – Почему администрация церкви не вмешивается?

– А вы разве не знаете, что здесь заправляет департамент по туризму? Службы в церкви проводятся только раз в неделю, а в остальное время – туристы. После того как уборщики забастовали, в экскурсионном крыле стоит жуткая вонь...

– Проклятье!

«Пежо» встал намертво – дорогу ему перегородили красные, синие, желтые туристские автобусы, растерянными слонами застывшие перед перекрестком с рю Тронше. Неро облобленно выскочил из автомобиля и стал всматриваться в происходящее, даже привстал на цыпочки.

Да, перед входом в церковь был сооружен невысокий, полтораметровый помост из легких пластин, с помощью которых обычно делают подиум для танцевальных конкурсов на студенческих пати. На этом помосте с радиомикрофоном в руках металась худая голоногая девица, одетая в такие же, как и Лунь Ву, шорты, разрисованные сочными женскими ртами алого цвета, в сетчатую кофточку и бейсболку, натянутую на взлохмаченную голову. Она что-то выкрикивала, и в качестве фона для ее хриплого голоса плыли звуки джаза, который исполняли расположившиеся рядом с помостом музыканты – барабанщик, два саксофониста и девушка с электрогитарой. В центре помоста, за девицей, возвышался необъятных размеров человек в белом поварском халате и колпаке – смуглолицый сияющий алжирец с огромными, как у турецкого паши, усами; он явно чего-то ждал. Толпа радостно свистела и одобрительно визжала.

Теперь Неро понял причину столпотворения на улице. Туристические автобусы, оказавшиеся в радиусе километра от этой шумной акции, слетелись к Мадлен, как осы на сладкое, и туристы: греки, итальянцы, шумные американцы и даже шведы – образовали плотную толпу вокруг помоста. Вторым кордоном шли гомонящие цветочницы, которые умудрились в этой толчее продавать букеты фиалок; было также много молодежи, по виду студенты.

– ...грудь... Мадлен... грешница... вылизать... очистить... ритуал... – донеслось до Неро и Лунь Ву.

Неро еще вертел головой, пытаясь определить характер этого возмутительного сборища. Кто это? Антиглобалисты? Протестующие против реформы образования? Активисты движения защиты животных?

В этот момент косматая девчонка докрикивала в микрофон последние слова, из которых Неро понял только то, что те, кого зовут Мадлен, сейчас будут участвовать в ритуале, с помощью которого церковь и прилегающая территория волшебным образом очистятся от мусора, которого и правда тут хватало: обертки, пластиковые стаканчики, пивные банки лежали кучами у подножия гордых колонн, а от туалета с той стороны слегка припахивало вонью.

На помост стали выходить хихикающие девицы. Первая из них, блондинка, эффектно выбросила в толпу свои туфли и одним движением сорвала желтенькую кофточку, обнажив роскошную грудь. Толпа взревела. Девица сделала пару шагов к толстяку-повару, и тот, уже приготовивший порцию крема в бумажной тарелке, щедро, с размахом, прилепил тарелку прямо на выпуклые шарики. Брызги полетели во все стороны. Девушка засмеялась и, отойдя в сторону, села на высокий стульчик – один из тех, что обычно стоят в барах.

Неро кинулся в машину.

– Калабри! Вы на месте?

– Со стороны бульвара Мадлен, – донесся голос корсиканца. – Какие будут приказания? В этот момент пальцы Лунь Ву, тонкие, но очень сильные, сжали плечо чиновника.

– Неро, они кидаются тортами, а не бомбами! Если вы подождете пять минут, я расскажу вам о том, кто убил Алесья Радзивилла...

Чиновник замер, остановившимся взглядом уставился на телефон. Потом выдохнул:
– Калабри, займите позиции и ждите приказаний. Ничего не предпринимать!

И резко, с остервенением, он повернулся к женщине-комиссару:

– Ну?!

В его водянистых глазах плясали гнев и ненависть. Между тем Лунь Ву, словно нарочно затягивая время, закурила новую сигарету, свела острые коленки, оперлась на них таким же худым локтем, а на кулак положила подбородок, застыв в позе ленивого рассказчика.

– Я стала специалистом по немотивированным убийствам, Неро. Сначала – женщины из Сены, потом вот это... Убийство молодого аристократа, без ограбления, без надругательства над телом. Станный способ, странное место.

– Быстрее!

– Не торопите. Так вот, когда в комиссариате мне сообщили об утренней находке в фонтане на площади Бастилии, я помчалась туда. И обшарила место преступления.

– Наши люди обшарили его тоже, – мрачно отрезал Неро, отворачиваясь. – Я уверен в том, что они сделали это самым тщательным образом.

– А я – нет! Потому что ни один полицейский не полез в фонтан. А я сбросила обувь, закатала джинсы и полчаса плескалась там, исследуя каждую бумажку. И вот что нашла.

Лунь Ву протянула ему четкую фотографию размером с кассовый чек, выпавшую, скорее всего, из какого-то небольшого документа. Снята эта фотография была, как видно, в ультрафиолете, потому что буквы, отбитые равнодушным принтером кассы, читались не очень четко и светились красным.

– Счет, – лаконично сообщила Лунь Ву, – который выпал из кармана этого бедолаги...

– Не называйте его бедолагой! – взвился Неро, не обращая внимания на слушающего их разговор водителя-крепыша в полицейской форме. – Это абсурд. Радзивилл – аристократ. Он никогда не возьмет с собой счет... Почему вы считаете, что это ЕГО счет?

– Да, – Лунь Ву ухмыльнулась, – аристократ никогда не заберет бумажку со счетом, если только... если только он не поспорил, и если этот спор – дело принципа, а счет может доказать его правоту, не так ли?

– О чем вы?

Неро, все больше и больше раздражаясь, наблюдал за тем, как на помосте самые смелые из толпы вылизывали смеющихся и крутящихся на стульчиках девиц. Большею частью это были итальянские туристы. Неро представил себе, что слизывание ванильных сливок с юной спелой груди безвестной мадемуазель станет их самым горячим и ярким воспоминанием о легкомысленном Париже.

– Посмотрите на последнюю цифру. Триста сорок евро. Что там написано? Правильно... Ра-то-то-тан.

Неро вздрогнул. В голове у него проплыл полумрак ресторана, где они сидели тогда, и эта чернокудрая миниатюрная женщина...

– Сыр?

– Да. Вид эдамского сыра, производимого в городе Роане. Искаженное «отрыжка Роана». Я знаю, что в состав его входит перебродивший яблочный сок! Его производят крайне мало и поставляют только по заказу в два парижских ресторана. Двухсотграммовая коробочка с сыром, обернутым в два слоя фольги, стоит ровно триста сорок евро. С кем Алесь Радзивилл поспорил, что НАЙДЕТ В ПАРИЖЕ сыр ратототан?

– Sacrebleu! – Неро заскрипел зубами, фото в его руках задрожало.

На помосте облизали последнюю девицу; судя по ее голубому фартуку и загорелым натренированным икрам, это была одна из цветочниц. Тем, кто уже закончил процедуру, надевали на шею венки из фиалок и пионов. В толпе аплодировали. Ведущая с микрофоном что-то кричала, но Неро не слышал. На помост вынесли стеклянный куб...

– Что это, черт возьми?

– Точка Сборки. Ритуал надо зафиксировать... – быстро ответила Лунь Ву.

– А вы-то откуда знаете?

– Не отвлекайтесь. Обнаружив счет, я поехала в этот ресторан. Это Joel Robouchon, расположенный на рю Пуанкаре, пятьдесят девять. Фешенебельное место, меню до тысячи двухсот евро. Там знают всех посетителей в лицо. Они опознали Алеся и его спутницу. Те были у них за пять часов до предполагаемой смерти Радзивилла. Метрдотель сказал, что они собирались поехать в какой-то китайский ресторанчик... Два гурмана.

– Кто она?! – закричал Неро, комкая фотографию.

Лунь Ву медленно загасила окурок в пепельнице. Она словно издевалась над ним.

– Графиня. Венгерская графиня. Элизабет-Коломбина Дьендеш де Кавай. Недавно в Париже, кутит на деньги престарелого графа де Кавай, венгерского эмигранта. Умна, развратна, цинична...

Неро положил руку на телефон, но тут же сверху легла холодная, хоть и мягкая ладонь женщины.

– И еще кое-что, Неро... Помните, я вам говорила о вилле Кометто? Так вот, месяц назад ее арендовала эта вот Дьендеш. Платеж поступил со счетов Абдель Ханаффа, ливанского банкира, обслуживающего семью шейха Саудовской Аравии. Понимаете? Братья-мусульмане...

Неро мотнул головой и издал тоскливое рычание. Лунь Ву убрала руку.

– Ну вот, я дарю вам эту информацию, – расслабленно проговорила она. – В обмен на мое участие в обыске на вилле. Вы же скорее всего предпримете это немедленно, да? Не надо врать, вы наверняка нанесли визит Саркозе только для того, чтобы получить «добро» на операцию. А теперь можете вызывать своего корсиканца. Калабри уже истомился в своем автобусе.

На площади какие-то полуголые люди уже забрались в этот стеклянный куб, вызывая изумление публики. Толпа пятилась, так как вокруг помоста образовывался круг, а еще один, из хохочущих полуобнаженных участниц действия и туристов, начал вертеться на помосте в танце-хороводе.

– Калабри, начинайте оцепление! Надо очистить площадь! Саперов готовьте!

Полицейские автобусы выдвинулись из-за угла от рю де Сез, проломив кустарник зеленого палисадника. Показались блестящие на солнце каски полицейских и пластиковые щиты – издали все это выглядело, как массовый десант перепончатокрылых насекомых.

Неро, отдав команду, обернулся. Но Лунь Ву сзади уже не было, только на кожаном сидении лежала забытая ею золоченая зажигалка.

Тем временем под помостом тоже кипела работа. Лис и Шкипер, одетые в какие-то совершенно одинаковые облегающие кожаные комбинезоны, сидели у прибора, представлявшего собой портативный компьютер и нечто вроде осциллографа. От прибора тянулось несколько проводов, и их концы с датчиками опутывали змейками сидящего на пластиковой табуретке Медного.

Андрей прилетел в Париж накануне ночью и сразу же окунулся в таинственную работу. В Ле-Бурже его встретил полковник на неприметной белой машине, увез в какой-то загородный отель и стал морить голодом, пояснив, что для завтрашней операции организму надо очиститься. В итоге состояние Медного стало близким к похмелью – мир воспринимался легко, разъято, по фрагментам. Звуки и запахи окутали его плотным облаком и стали восприниматься совершенно по-иному, поэтому он совсем не удивился, увидев ДРУГИХ Лис и Шкипера. Когда он провожал их в аэропорту, они были веселыми, взбалмошными студентами, едущими в Париж на халяву, а теперь столкнулся с сосредоточенными, собранными, не проронившими ни единого лишнего слова бойцами Спецуправления – не хватало только тех «водолазных» костюмов, в которых они были на аэродроме! И сейчас Медный сидел, пытаясь нащупать какие-то

образы из общего калейдоскопа памяти. Над его головой стучали о пластиковый помост голые пятки танцующих зиккр, и картинки кружились в голове такой же каруселью. Но ничего пока не складывалось.

В проем этой камеры под помостом, занавешенной пластиковой шторой заглянула запыхавшаяся от танца Мари Валисджанс. На нее уже была накинута розовая распашонка, впрочем, незастегнутая, а на виднеющейся груди белели остатки сливочного крема.

– Полиция. Начинают оцепление! Говорят, бомба, но это наверняка провокация. Надо уходить! – торопливо проговорила она по-французски.

И в этот момент что-то полыхнуло. Сиреневое сияние на миг обволокло крохотное помещение, и даже Валисджанс зажмурилась. В этот момент, вверху, над ними закручивалось в противовращении два кольца: одни танцевали вокруг помоста, другие – на помосте, – и эти гигантские колеса двигались под музыку джаз-банда.

Медный же отключился. Он видел эти колеса из смеющихся людей – из итальянцев, цветочниц, водителей автобусов. Видел так, будто поднялся над Парижем на высоту птичьего полета. Город пролетел под Медным, и Андрея потянуло за ленту Сены. А второй, параллельной картинкой, шла мрачная скальная стена, грубые, вырубленные в породе ступени, и женская фигура в плаще, поднимающаяся по ним, и ее выпяченный белый живот. Лестница длинна и высока, а женщина идет по ней и идет!..

Вслед за Валисджанс под помост заглянул полковник, одетый в куртку со стоячим воротником. Он бросил Лис и Шкиперу несколько слов. Те начали собирать аппаратуру.

– Уходим, быстро!

На площади творилось нечто невообразимое. Полицейские Калабри, гулко стучаясь щитами, наступали, но в них не летели ни камни, ни бутылки. Люди нехотя прекращали танцевать зиккр, а некоторые, особо веселые, надевали венки на полицейских. Ожерелья из фиалок на черно-синих шлемах с бронестеклами выглядели комично. Туристы возвращались к своим автобусам, оживленно разговаривая, цветочницы – к лоткам, а молодежь растекалась ручейками в разные стороны. Калабри, низенький, вспотевший и уже сорвавший с себя шлем, хрипло орал в мегафон, пытаясь организовать грамотный охват площади, но ему это плохо удавалось. Повар же погрузился в маленькую тележку-электрокар и, нещадно сигналив, двигался на ней сквозь толпу – полицейские не решались его останавливать.

Внезапно основная часть танцевавших на помосте как по команде ринулась к дверям церкви Мадлен, и те, торжественно-раззолоченные, растворились, принимая хохочущих беглецов. Площадь заполнилась звоном крохотных колокольчиков, которые раздавали всем желающим, и многие привязывали их, дурачась, к щиколоткам ног, чтобы беспрестанно звенеть... Негры попрыгали в свой «фольксваген», который тут же юркнул в пролом в кустарнике, оставленный полицейскими автобусами, и автомобиль никто не успел остановить. На обширной площадке перед церковью остался только помост и... бесчисленное количество туфелек, кроссовок, «вьетнамок», скинутых с ног во время танца.

Калабри растерялся. Он попробовал по рации связаться с Неро, но тот не отвечал. Гремя щитами, блестящими в солнечных лучах, полицейские бросились к ступеням Мадлен. Калабри воздел глаза к небу – это все напоминало Аустерлиц, только не кровавый, а смешной и досадный для обескураженных полицейских.

Между тем бегущие люди, хохоча, проскакивали через правый неф Мадлен, отведенный под музейное помещение. Их с улыбками пропускали члены профсоюза уборщиков, в кассу которого пошел весь доход от продажи билетов для желающих принять участие в «вылизывании Мадлен», и выпускали через второй выход на рю Ройяль. Вместе с этой разношерстой толпой бежали и Лис со Шкипером, держа большие кофры в руках; полковник ташил за руку оказавшегося в полной прострации Медного, шипя на ходу:

– Связь не теряйте с ним, связь!

Тут же, хохоча, бежала Валисджанс.

На улице Ройяль их ожидали два автомобиля. Первый из них – красный Renault Megane, за рулем которого меланхолично курила Лунь Ву. В него Заратустров впихнул Медного и прыгнул сам. Второй – автомобиль Валисджанс, красная «феррари». Кофры заняли заднее сидение, а Лис и Шкипер уместились почти друг на друге. Оба автомобиля отъехали от церкви, и в красном открытом «феррари» Лис, устроившись на коленях Шкипера, раскрыла перед собой маленький, размером с пудреницу, ноутбук с антенной. В нем светилась карта Парижа, по которой плелась какая-то странная белесая паутина и перемещалась голубоватая точка...

Неро только что пробился на площадку: автобусы, гудя, уплывали в сторону Сакре-Кер, солнце безжалостно освещало картину разгрома. Полицейские толпились у дверей Мадлен, Калабри звонил по мобильному телефону. На него налетел разъяренный Неро:

– Почему вы не перекрыли площадь со стороны улицы Сент-Оноре?

– Вы приказали мне блокировать квадрат только со стороны Троше! – огрызнулся капитан. – С той стороны работать должны были жандармы.

Неро побледнел. Он хотел отдать соответствующий приказ руководителю роты жандармов, но проклятая китайка со своими грязными пятками сбила его с толку!

Он только щелкнул зубами, как голодный волк, и помассировал череп в районе затылка.

– Хорошо, организуйте проверку документов...

– Это не наша работа, мсье Неро. Нам приказано было очистить площадь, что мы и сделали.

Маленький Калабри, кажется, стал даже выше от злости. Неро просверлил его ледяным взглядом и, ничего не сказав, резко повернулся на каблуках. Он уже сделал шаг, но едва не налетел на такого же, как капитан, невысокого человечка с загорелым, обветренным лицом и пышными усами. В углу его насмешливого рта колыхалась дешевая сигарета без фильтра. Человек стоял так твердо в своем оранжевом жилете и нечистых брюках, что Неро отскочил от него, как будто напоролся на неодолимую преграду. При этом дурацкий колокольчик, висевший на шее у этого человека, поверх его оранжевых лат, возмущенно звякнул.

– Я извиняюсь, мсье, – проговорил этот пышноусый, дыша на холеного чиновника духом лукового супа и свиных отбивных, – но когда мы можем начать работать? Уберите этих болванов с кастрюльками на головах...

Двери пустой церкви уже открыли. Калабри, ругаясь, сгонял своих бойцов к автобусу.

– Вы кто? – ошарашенно поинтересовался Неро.

– Себастьян, бригадир муниципальных уборщиков.

– Кто вас вызвал, хотел бы я знать?

Себастьян усмехнулся и перекатил папироску в другой угол большого рта.

– Из Департамента полиции. После ваших зачисток... с этими, в кастрюльках... всегда остается куча дерьма. Так можно начинать, приятель, или мои ребята еще покурят?

У Неро задергалась жесткая щека. Скривив шею, схваченную болезненным спазмом, он бросил:

– Начинайте! – и, не оглядываясь, пошел к своей машине.

...Тем временем автомобили мчались по парижским улицам, нарушая правила дорожного движения. Впереди – машина Лунь Ву с маячком, за ней – красная «феррари». Лис по рации корректировала маршрут. На площади Конкорд, приводя в изумление дорожный патруль, автомобили сделали три полных круга, пока в наушниках полковника не прозвучал отрывистый голос Лис:

– Все, нашли – на рю Бургонь!

Взвизгнув тормозами, «рено» перестроился, проскочив под самым носом у огромной бетономешалки. Полковника швырнуло влево, и он едва не ударился виском о стойку крыши. Потом Заратустров тревожно обернулся... снова обернулся и пробормотал по-английски:

– Мадам Лунь Ву, нас сопровождают.

Китайка мельком глянула в зеркальце заднего обзора. Ее гибкие ступни выжимали ребристые педали «рено», руки, казалось, работали совершенно отдельно от ног, переключая скорости, а глаза жили третьей жизнью. Она увидела несущегося за ними, между «рено» и «феррари», мотоциклиста. В черной коже, в черно-белом шлеме, на мощной «ямахе», он твердо держал дистанцию метров в тридцать и, видимо, не особенно старался остаться незамеченным.

– Будем путать? – профессионально кратко спросила китайка.

– Нет времени... давайте по курсу, – прохрипел Заратустров. – Лис, маршрут!

– Бульвар инвалидов – авеню де Турвиль – авеню Бретей! – отозвалась девушка.

Скосив глаза на своего спутника, китайка заметила:

– Моя версия подтверждается? Они прячут ее за Окружным бульваром?

– Похоже на то.

«Рено» развернуло на скорости. Едва не сшибив рекламный щит, автомобиль выскочил на авеню Бретей, прочертив черные следы по высушенному солнцем асфальту.

– Вы как-то уловили ее биологическую энергию? – снова хладнокровно спросила комиссар.

Заратустров не сразу ответил. Он рылся в карманах в поисках сигары.

– У нас это называется эгрегором, – ворчливо пояснил он. – Ребята создали Точку Сборки, и она вышла на них. А Медный...

– Что такое «Медный»? Тип металла?

– Тьфу! Прозвище. Псевдоним. Андрей его зовут. Он – как приемник. Высокочувствительный...

Больше она ничего не спрашивала. Слева от них сверкала на фоне роскошной синевы башня Монпарнас. Приближался шумный бульвар Лефевр – последнее кольцо Элегантного Парижа.

Лис передала: активизация источника установлена в районе Ванва, в районе Малакоф. Мотоциклист не отставал...

Гонка закончилась достаточно неожиданно. В квадратном переулке перед бульваром Габриеля Пери и статуей Шопена алый итальянский автомобиль вырвался вперед и только перед памятником, казалось, замешкался. В это время Мари Валисджанс утопила в пол педаль тормоза, и «феррари» красной лягушкой выскочил на тротуар, сшибив один из пожарных гидрантов, которые недавно расставили в предместьях. Медная болванка сорвалась с пушечным грохотом, покатила по асфальту, а из разорванного основания ударил двухметровой высоты фонтан. Валисджанс невозмутимо подняла кожаный верх, но это было бессмысленно, потому что под грохочущие снопы воды въехали не они, а «рено», и холодный душ окатил через раскрытые окна полковника, китайку и Медного, пластом лежавшего на заднем сидении. Этот душ, впрочем, оживил его. Медный, шатаясь, вышел из автомобиля и сел истуканом прямо посреди хлещущих струй. В этом золотом ореоле водяной пыли он и правда напоминал медного Будду.

Лунь Ву и отплеывающийся полковник выбрались из машины – в салоне под их ногами уже плескались озера. Мотор заглох. Китайка уперлась в багажник, Заратустров помогал. Ее босые ступни и его промокшие штилеты скользили. Но через несколько минут они оттолкнули «рено» от струи. Как раз в это время со стороны рю Беранже, звеня сиреной, выскочила машина дорожной полиции. Китайка, спокойно отжав мокрые, как половая тряпка, шорты, пошлепала

к ним – разбираться. А не менее мокрый полковник, сдирая на ходу куртку, подошел к еще сидевшим в «феррари» ребятам.

– Ну?

Лис сглотнула какой-то комок в горле и передала полковнику аппарат с антенной, который все еще бережно держала в руках. Пока он вглядывался в экранчик, она, щурясь, бесстрастно произнесла:

– Вилла Кометто. Там!

Валисджанс, совершенно обескураженная, переводила взгляд со своих новых друзей на незнакомого мокрого человека с короткой стрижкой. Потом, обиженно надув губки, воскликнула:

– А, черт! Может, кто-нибудь объяснит мне, что тут происходит?

Полковник посмотрел на экран, потом на нее и внезапно ловким жестом положил свою мокрую худую руку на ее лицо, закрыв глаза. Молодая женщина затихла.

– Пусть поспит, родная, – произнес Заратустров. – Намаялась она с нами. Все. Сейчас вытащим машину – и отдыхать.

Сзади послышались шлепки босых подошв по лужам. Подошедшая китайка смахнула с головы капли и доложила, показывая на бывший из поломанной колонки и уже иссякавший фонтан:

– С вас, мсье Александер, двести евро штрафа. Пожарный гидрант и клумба.

Документы

Подтверждено источником: https://wikileaks.org/wiki/Assasin_090123-4878212-p255_confidential_reports

*Конфиденциально. Докладная записка. Исх. № 187976786556-КЕ
ФСБ РФ. Главк ОУ. Управление «Й»*

«Настоящим довожу до куратора операции „Невесты“, что силами резидентуры установлено местонахождение в Париже основного объекта... Работа по установлению произведена при помощи активизации тонких энергий по первоначальному плану. Приняты меры к соблюдению наибольшей конфиденциальности, в связи с чем информация передана в Главк по особым каналам. П-к Заратустров, находящийся в оперативном распоряжении парижской резидентуры СУ, запрашивает дальнейшие распоряжения кураторов операции...»

Исполнитель: нач. отд. Спецсвязи, п/п-к Самойлов

Точка Сборки-5

Вилла «Кометто». Полиция и другие

Стоять в оцеплении всегда скучно. Тем более в оцеплении за два квартала от места – на периферии. Толком ничего не знаешь, тишина... и никакой причастности к настоящей работе. Стоять в оцеплении – значило торчать на пересечении авеню Августин Дюмон и Пьер Броссо-лет, под мелким сеющим дождиком, от капель которого некоторые парижане даже не могли спастись при помощи своих зонтов; торчать, курить и болтать обо всем, не зная, когда же кончится это мероприятие. Кого-то убьют, кого-то захватят, но кого-то и отпустят к женам и автономным газовым котлам, составляющим предмет гордости каждого второго француза.

Младший докуривал пачку лицензионных Dunhill. Старший смолит первую сигарету из пачки Das Kabinet, привозимых его другом из Германии.

– Слушай, поганая эта заварушка. Как думаешь?

– Да уж, нечего сказать.

– Погоди, все же началось с того момента, как этот Неро схватил двух черных, верно?

Вместо слов – плевок сквозь зубы. На асфальт.

– Черт подери. Ты думаешь, он неправ?

– А черт его знает. Черных вообще давить пора. На шею садятся. Сын не может спокойно в школу ходить...

– А что?

– Папа – палач. Полицейский. Короче, ему бы надо было потише... Неро разворошил весь муравейник!

– Да. Если бы Жозье не стал подлизываться, нас бы сюда не направили...

– А как ты хотел?! Дело государственной важности.

– Думаю, ни черта нам не заплатят. Сверхурочных.

– Ну, по окружному тарифу... это слезы.

– Да и черт с ним.

– Слушай, а мы не того...

– Что?

– Что рассказали все это китаянке?

– Да иди ты... обойдется.

– У тебя есть еще сигареты? Дай одну...

Дождь. Морось. Над минаретами мечети, за оградами улицы Августин Дюмон – серая шапка облаков. Это граница оцепления. Под минаретами, под золотыми полумесяцами мечети – тупорылая морда броневика французского МВД. Блестит тротуар, ярко оранжевеет разметка.

Спецоперация вступила в решающую фазу.

На перекрестке рю Лаваль и авеню Виктора Басха стоит красно-белый автобус «Неоплан». Это обыкновенный туристический автобус, и его стоянка в двух шагах от церкви Ванв вполне оправдана, так как туристы могли сходить посмотреть облезлые фронтоны церкви, начатой еще гугенотами, но счастливо оконченной протестантами. Однако туристов нет ни в автобусе, ни поблизости. Лакокраска на стенках скрывает под видом ординарной жести четырехсантиметровый кевларо-стальной лист, стекла в окнах с лиловым оттенком – броневые. Автобус оборудован спутниковой антенной и сетчатым локатором; в салоне – мягкие кресла и тонкие, в лист бумаги, мониторы компьютерной сети. Аристид Неро в сером мундире бригады МВД сидит в одном из кресел, рассеянно глядя на возносящиеся за эстакадой метро башенные прожекторы стадиона Ленина, курит длинную доминиканскую сигару и слушает своего помощника Арона Жюссейля. Тот, маленький человечек в коричневом жалком костюме,

обремененный очками, женой, страдающей зубом, и тремя детьми, стоит перед этим креслом и столиком в какой-то странной, полусогнутой позе – отчего эти люди всегда стоят в таком странном положении? – и докладывает:

– Они очень хорошо подготовились, патрон. По всему периметру работают телекамеры постоянного наблюдения, не менее трех штук на один квадрат пространства. Данные анализируются объединенным компьютером. К тому же на крыше мы обнаружили скрытый приемник спутниковой системы ГЛОНАСС, что позволяет обитателям дома контролировать обстановку и любые объекты на расстоянии трех километров... в том числе и нас с вами.

Последние слова он произнес потерянно, но Неро оборвал вовремя:

– Дальше!

– Внутреннее строение виллы имеет специальные водные преграды, которые... которые могут быть форсированы только специализированной десантно-штурмовой техникой бригады спецназа МВД Франции...

– Запросить!

– Кроме того, дополнительной преградой являются автомашины, которые, э-э... которые скопились на улице Поля Берта и авеню Мориса Тореза.

– У них что, гости?

Жюссейль выглядел растерянным. Уши его, острые и немного мохнатые, пугливо прижались к голове, как у насторожившегося зверька.

– Н-нет... Наблюдение ничего такого не выявило. Но... но в мечети какой-то праздник, патрон! Машины фактически заперли обе улицы.

– Хорошо. Впрочем, это идея! – Неро внезапно воодушевился. – Это отличная стратегия, малыш! Отправьте на проверку автомобилей батальон дорожной полиции. А наши ребята пойдут под их прикрытием. От их машин – по асфальту, ползком, к вилле. О'кей?

– Но, патрон, это...

– Жюссейль, вы мне напоминаете старую деву, которая размышляет, когда дать аббату – до святой мессы или только после причастия? Черт подери, какие есть у этой дерьмовой виллы уязвимые места?

– Только... только насыпь подземки. Но она просматривается... если только...

И помощник совсем растерялся. Очки задрожали. Печальные глаза бегали по мундиру Неро с петличкой Почетного Легиона, по роскошному столу красного дерева, по перьевому «паркеру» и бумаге для записей с золотым обрезом.

– Если только... что? – сухо уронил Неро. – Если только под прикрытием забора железной дороги выбросить десант спецназа из самого обычного поезда метро... Вы же это хотите сказать, мой милый друг?

Жюссейль в ужасе отступает назад. В салоне автобуса, кроме них, еще два техника и один оперативник. Но они заняты своими делами: негромко переговариваются по рациям, чьи микрофончики дрожат у губ, принимают рапорты, проверяют работу постов наблюдения – и совершенно не обращают внимания на разговор Жюссейля и Неро.

– Но для этого, патрон... придется... придется на двадцать минут остановить все поезда на линии Шатильон – Вожирар!

– Так остановите!

– Но, патрон... на это нужно получить санкцию министра транспорта...

– Так получайте!!! Что вам от меня нужно? Звонок? Подпись?! Речь идет об операции государственной важности! А ваша задница все еще торчит тут, Жюссейль!

Помощник молчал. Перо скрипело, скользя по бумаге с водяными знаками МВД и золотым обрезом. Неро, кривя губы, набросал план операции, перечеркав лист рваными линиями, и бросил его Жюссейлю. Чиновник откинулся в кресле, задумчиво посмотрел на плавающие в утренней дымке минареты и устало произнес:

– Это план операции. Спецназ ударит с насыпи. Выгрузится из поезда за забором и...

– Но, патрон...

– Замолчите! Неужели этот дерьмовый спецназ не выломает забор? Он же из дюраля! Все, Жюссейль, решено. Значит, первое – внезапная атака спецназа. Они снимают внешнее кольцо охраны. Затем с этого места... вот смотрите сюда, с авеню Мориса Тореза в дело вступают бронетранспортеры. Сколько их у нас?

– Пять, патрон. Но...

– Бросьте! Они сомнут все эти металлические коробки, как сигаретные пачки... Дайте распоряжение командам – пусть приготовят мешки с песком для форсирования канавы. БТРы выступают со стороны авеню Мориса Тореза и рю Моке, к фонтану. Цель – верхние этажи здания и центральная часть. Огонь на поражение!

По крыше автобуса угрюмо постукивал дождь. Жюссейль поднял глаза к гофрированному потолку, словно ища поддержки у Неба.

– Патрон... но...

– Молчать, черт вас подери, трусливая мокрица! – взорвался Неро и затем, чуть успокоившись, упрямо повторил: – Огонь на поражение. Это приказ. После зачистки основного помещения начинаем розыск в подвалах. Вполне вероятно, что у них есть заложница...

– Господи, патрон, но ведь об этом никто ничего не говорил!

– Я вам сейчас говорю... Впрочем, – он отмахнулся, – это непроверенная информация. Действуйте, Жюссейль. Проведите инструктаж. Доложите. Через десять минут.

Оставшись один, Неро некоторое время сидел, так и не раскурив сигару. На мониторе дрожало изображение виллы, снятое с пяти точек: тишина, раскидистые ветви деревьев, зеленые лужайки... Вилла дремала. Что ж, поставим на внезапность.

Через несколько минут в автобус зашел командир второго штурмового отряда спецназа корсиканец Калабри – низкий, смуглый, с косой челкой и шрамом на лбу. Кашлянул. Неро, который уже склонился над одним из экранов группы наблюдения, заметил его, но выдержал паузу и нарочито сухо бросил:

– Люди готовы, капитан?

Корсиканец кивнул.

– Сейчас там выгружаются наши дорожные полицейские... Вот они, видно, да? Их автобус. Эти шлюхи в кепи наделают много бестолкового шума – арабы не должны ничего заподозрить. Прикрытием для вас, Калабри, служат три их машины и автобус. Ползком продвигаетесь под днищами к ограде и занимаете позиции. Сигнал для вас – пролом бронетехникой близлежащих ворот. Под прикрытием огня их пулеметов идете на штурм. Пока они перепрыгнут через канал, минут пять – ваши. Вопросы?

– Ответственность, – глухо оборонил Калабри, славящийся немногословностью.

Сказав это, он нервно потер щеку о лацкан черно-суконной формы – жест, приобретенный им после контузии в Африке.

– Моя, – резко ответил Неро, выпрямляясь. – Командую операцией я. Пожалуйста, без соплей. Мы уничтожим этих арабов, чего бы нам это ни стоило! Выполняйте!

Калабри подвигал плечами – вода капала с прорезиненного плаща – и, сутулясь, пошел к двери. Неро, работая щеками, раскурив сигару, и в этот момент, загораживая путь командиру группы, в дверь протиснулся Жюссейль – пиджак мокр, галстук сбился на бок, волосы слиплись.

– Патрон, все разрешения получены. Спецназ погрузился в вагоны на станции Жантий. Ждем указаний...

«Зачем он все время протирает свои дурацкие очки?!» Неро, склонив голый череп к синей шторке автобуса и, смежив морщинистые веки, размышлял; из этого минутного небы-

тия его вывел звонок, по личному номеру. Чиновник прижал к восковому уху серебристую коробочку и услышал яростный, отчаянный и рвущийся на какие-то ошметки голос Лунь Ву:

– Неро! Я звоню вам из морга! Это вы распорядились не допускать, чтобы я осматривала тела погибших на шоссе Валь-де-Марн? Так вот, я их все-таки ОСМОТРЕЛА! Там не все сгорело, Неро...

– Я вас поздравляю, – сухо обронил чиновник.

– Неро, вы – убийца! Вы извращенная скотина!!! Зачем вы замучили эту несчастную женщину, Сурию Хан?! Вам нужно было просто посмотреть, что у нее под ногтями, у нее и ее шофера! Прекратите операцию, немедленно! Их уже...

Неро хлопнул крышечкой телефона – платина с окантовкой из сибирского жадеита! – и отрывисто, сухо бросил:

– Начинайте штурм!

...Дождь на улице был отвратителен – меленький, шипящий рассерженной змеей, лезущий за воротник. Неро, в черном кожаном плаще с массивной пряжкой пояса, сторбившись, вышел из автобуса. Прошел мимо красно-белого бока, блестящего каплями, как бисером. За перекрестком, где начиналась авеню де Верден, и справа сходились железнодорожные пути, торопившиеся в центр из Ванв и Монружа. Уже жужжал легкий полицейский вертолет, садясь прямо на перекресток, очищенный от автомобилей. Лопасты резали воздух с неприятным свистом, будто где-то рядом работала огромная бормашина, стойки посадочных «салазок» с надписью «Департамент полиции Иль-де-Франс» дрожали, едва касаясь асфальта. Неро пошел к нему быстрым шагом, за ним поспешил растрепанный, поправляющий очки Жюссейль, которому за секунду до этого что-то шептал на ухо пузатый начальник отряда дорожной полиции, обеспокоенно моргая. Неро был уже у самого вертолета, он не слушал Жюссейля или не хотел слушать. Только перекрывая шум винтов, Неро обернулся у самой дверцы и закричал:

– Оперативное командование передаю вам, Жюссейль! Действуйте по обстановке!

На электронных часах в автобусе было шесть сорок пять. Через пять минут отряд спецназа МВД будет на месте, над виллой. Через три минуты Неро будет подлетать на своем вертолете к эпицентру схватки. Через семь минут красно-белый «Неоплан» приблизится к первой линии штурма, став для Жюссейля оперативным штабом.

И одновременно – могилой.

6:49

На станциях метро по линии Банье – Северный вокзал прибавляется народу. Табло погашены, из тоннелей несет запахом гнили. Кто-то возмущается, но большая часть покорно уставилась в свои газеты. В это время по линии мчится единственный поезд из пяти вагонов, выстукивая колесную дробь, разбрасывая ее в сырой воздух. На пластиковых сидениях вагонов – фигуры в черном: каски, бронежилеты, десантные автоматы «Орион» и комплект гранат со слезоточивым газом на поясе.

Поезд пролетает очищенную от пассажиров, безмолвную станцию «Малакоф» и затем замедляет ход над зеленым треугольником. Он тих, безмятежен. Вода из старинной чаши тихонько расплескивается в фонтан вялым буруном, деревья опустили мокрую листву, разломатились. Черные комочки на крыше, в выступах фасада, почти не видны – они тоже посерели, вымокли под дождем, кажутся лоскутами, которые рассеянно позабыла на крыше ночь.

6:51

Автобус проплывает под железнодорожным мостом по бульвару Габриеля Пери, сворачивает на улицу Поля Берта. Даже тут ограду виллы прикрыли автомобили: много черных «мерседесов», несколько джипов, блестит хромом радиатор коллекционного «ягуара». Со сто-

роны авеню Мориса Тореза этих машин еще больше, они стоят в два ряда. Командир батальона дорожной полиции, сопя и ворочая поросычьими глазками, слушает, как из автобуса Жюссейль, то и дело поправляя очки, пытается связаться с Неро:

– Патрон, это Жюссейль... Срочная информация! Эти авто, вокруг виллы... мы только что установили – большинство из них угнано буквально вчера вечером. Вы слышите? Это не машины гостей, это... Как слышите, патрон?!

6:52

В вертолете Неро, зажав в уголке рта сигару, сидит рядом с пилотом и жадно всматривается в то, что происходит внизу. Вертолет облетает окрестности виллы. Видна лента надземки и то, как с ревом уходит в сторону центра поезд; черные кругляши спецназовцев высыпались из его дверей горохом, и сейчас они уже за оранжевой легкой оградой. Неро, закусывая сигару, переключает рацию:

– Дассе, штурм!

Тотчас внизу сразу в нескольких местах сине-оранжевый забор разлетается лохмотьями, разрывается, и черная цепь, открыв ливневый огонь из автоматов, катится к склону. Над Парижем раздаются аккорды чудовищного грохота; пули крошат каменный парапет забора и, проносясь над острыми прутьями, вонзаются в крыши здания. В этом огне атаки тонут редкие огрызающиеся выстрелы охранников в черном; они падают с крыши, катятся по красной черепице, валятся набок в ее брызгах. Неро наблюдает за всем этим с горящими глазами и замечает, что черных, будто какую-то бесконечную массу, выдавливает из нескольких чердачных окон, как фарш из мясорубки. Чиновник замечает презрительно:

– Воины Аллаха! А погибают, как свиньи на бойне... – и обращается к рации: – Жюссейль, слышите меня? Почему это на северной стороне от насыпи, на ограде нет ни одной телекамеры? Жюссейль, вы слышите?

6:53

На авеню Мориса Тореза – лязг гусениц. Здесь работают два новейших гусеничных БТРа спецподразделений МВД, они приходят в движение по команде и, развернувшись, набрасываются, словно волки на овец, на ряд автомобилей, примкнувших к ограде. Там, в парке, выпускают серые клубы – спецназ забрасывает двор дымовыми шашками, готовясь штурмовать прутья. А здесь острый нос БТРа с грохотом наваливается на капот красного «ламборджини». Скрежет смытого железа, треск лопающихся стекол... Еще одна машина. Гусеницы давят и волочат ее, а затем махина брони, колыхаясь, ползет по раздавленной стали. Вот она с размаху ударяется о стальные прутья, вгрызается в каменный парапет. Путь не выдерживают и с визгом рвутся, с металлического столба срывается и катится, прыгает по мостовой разбитая видеокамера наблюдения. Секция забора, махнув острыми концами в сером, забитом облаками небе, со звоном опрокидывается, БТР вползает в парк, и слышен оглушительный хруст ломающихся деревьев.

Под днищами автомобилей, облепивших виллу, ползком продвигаются бойцы второго штурмового отряда Калабри, облаченные в шлемы и бронезилеты. Со стороны улицы Моке стоит такой же скрежет – там колесный БТР, растолкав автомобили, врубился броней в восточную часть ограды.

6:54

Северная часть виллы, примыкающая к насыпи, тонет в клубах серого дыма – горят шашки. Спецназовцы легко взбираются на ограду; они уже повисли на ней – тренированным телам не страшны острые пики прутьев. И в ту же секунду грязно-серый дым озаряется какой-то странной голубоватой вспышкой, будто там проскочил гигантский грозовой разряд. Вертолет очень близко. Неро слышит сквозь шум винтов дикие крики снизу.

– Что это, черт возьми?!

Лопасты рубят воздух и разгоняют дым. Еще одна голубая вспышка. Теперь ясно, что сильный ток проходит по ограде, намертво приковав к ней больше половины отряда спецназа. Несколько человек уже горят, черными комками повиснув на прутьях, как барбекю. Остальные дергаются на металле, их тела дробит ток, они кричат... кто-то падает и катится по земле безжизненным телом. Стрельбы не слышно – только вопли и запах паленого мяса вместе с кислым дымом шашек проникают в раскрытое окно вертолета.

Неро в остервенении разжевывает, крошит желтыми зубами сигару, не чувствуя горечи табачных листьев. Все. Это ловушка. Он бессильно откидывается в удобное кресло второго пилота, хватается за наушники, прижимает к побелевшим губам усик микрофона и... молчит.

Внизу Калабри, плотный, похожий на аккуратную чернильную кляксу, хрипло командует в такой микрофон, прикрепленный у самых губ:

– Первая, вторая группа – вперед!

Автобус «Неоплан», втиснувшийся вслед за БТРом в развороченное месиво дорогих автомобилей, между лохмотьями изодранного железа, застыл у провала ограды. Первые бойцы Калабри выползают из-под целых машин и бросаются в пролом, вскидывая автоматы и поливая деревья огнем. Летят щепки и листья, треск автоматных очередей заглушает крики с той стороны виллы. Жюссейль, вцепившись руками в столик перед монитором, показывающим виллу со стороны авеню Мориса Тореза, наблюдает за тем, как отряд Калабри врывается на территорию. Вот прошла одна группа – двадцать человек, еще сорок продолжают один за одним ползти

под морем автомобилей. Сейчас они рванутся в другой пролом, где второй БТР размазывает камни парапета.

В это время со стороны улицы Моке доносится какой-то хлопок – странный, похожий на взрыв. Там, у перекрестка, вспухает лимонно-желтое солнце и что-то взлетает, переворачиваясь.

– Матерь Божья! – в ужасе стонет Жюссейль и роняет на пол автобуса свои круглые очки.

6:56

Автомобили, в два, а то и в три ряда припаркованные у ограды виллы, начинают взрываться, гулко бухая, разбрасывая горящие клочья. Один, второй, третий... Их кузова взлетают вверх и тяжело валятся на соседние, скрежеща. Калабри, уже прорвавшийся с автоматом за ограду, оборачивается, цепenea. Море огня стремительно разливается по ряду автомобилей, разрастаясь космами черного дыма. Там, под днищами машин, в струящемся по асфальту бензине, пролитому из разорванных баков, горят его люди.

– Остановите... немедленно! Всем назад! – хрипит в автобусе Жюссейль, пытаясь нашарить куда-то пропавшие очки.

Большой черный «мерседес-500» по правому боку автобуса подпрыгивает в столбе огня, ударная волна проминает броневые стенки, и пламя бросается, как бешеный зверь, в выдавленные окна на Жюссейля, на командира батальона дорожной полиции и на двух техников за компьютерами.

6:57

Вертолет делает круг. Пилот с белым лицом – это видно под его шлемом и темными очками – в ужасе и растерянности смотрит на Неро, а тот видит чадающие обгорелые тела на пиках забора со стороны насыпи, усеянную черными комками траву парка, кого-то шевелящегося... и волну огня, густого дыма, растекающихся в гуле непрекращающихся взрывов по всей улице Моке и авеню Мориса Тореза.

Неро снова прикрывает глаза. На тонкой губе прилип изжеванный сигарный клочок. Эти губы не говорят, а шепчут в микрофон, подрагивающий у сведенной судорогой скулы:

– Всем назад... прекратить операцию... прекратить немедленно! Кто меня слышит?!

6:59

Клубы сплошного дыма и взрывы доползли до перекрестка авеню Августина Дюмона и авеню Пьера Броссолет; полицейские в оцеплении изумленно оглядываются и начинают наблюдать за действием, разворачивающимся за несколькими зданиями старинной кладки. Стоят, забыв о том, что им предписано следить за улицей. Позади их синих плащей трепещет на ветру желто-черная лента полиции, и какой-то велосипедист в белой шапочке тоже застыл у этой ленты, изумленно глядя на поднимающийся дым, закрывающий небо, слушая буханье взрывов.

У старшего выпадает изо рта недокуренная Das Kabinet.

– Что за ерунда? – хрипит он недоуменно. – Они что, погнали туда танки? Как будто на войне...

В это время в их рациях, прикрепленных на поясе, раздается напряженный голос Ги Деля, командира взвода оцепления:

– Посты на внешней линии – всем немедленно к улице Моке! Повторяю! Отойти на внутреннюю линию... оказывать помощь!

Со стороны площади Соре мчатся, завывая, две красные пожарные машины. Полицейские, неуклюже топая, бросаются к припаркованной на той стороне улицы машине – это автомобиль старшего, старенький «фиат». Мотор нехотя кашляет, и машина срывается с места.

Трепещет на ветру желто-черная лента. Минареты мечети на авеню Августина Дюмона уныло смотрят на происходящее – дым плывет над их золотыми полумесяцами, путается в них.

– Ни черта не понимаю, – обескураженно замечает младший, лихорадочно шаря по карманам: где сигареты, выронил? – Какая-то заваруха...

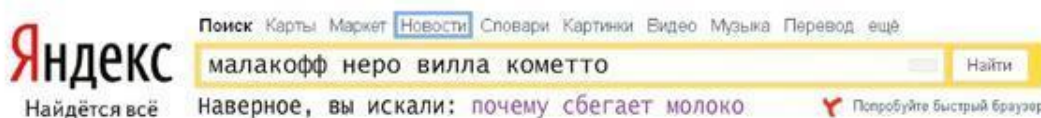
Автомобиль, пропуская желтый фургончик «скорой», мчится к скверу на пересечении улицы Моке и авеню Августина Дюмона. Младший еще успевает сказать:

– Слушай, похоже, мы правильно сделали, что слили этого Неро со всеми его потрохами китаянке...

Он больше ничего не успевает сказать – в нескольких метрах от них факелом пролетает полуголый, пылающий на бегу человек. Все, что они успевают увидеть, – это реку горящего бензина, текущую по мостовой от виллы. Она ныряет под колеса «фиата», охватывает его. Налетает волна дыма, заполняя салон машины, старший крутит руль и что-то кричит.

Еще один взрыв раскалывает покой улицы Августин Дюмон, и маленький горящий костер, вылетев на тротуар, застывает прямо напротив ограды мечети.

Новости

«...Волнения в Париже явились, как считает обозреватель газеты „Moniteur“ Огюст Клоб, показателем полного бессилия нынешнего правительства левых. Неуклюжая попытка осуществить штурм одной из вилл в районе Малакофф, принадлежащей арабской диаспоре, под предлогом розыска членов международной террористической организации „Аль-Каида“, вылилась в кровавую бойню... По словам представителя Департамента полиции господина Неро, полицейские были „спровоцированы“, но это не меняет дела. В настоящий момент волнения перекинулись в пригороды Парижа, в ряде кварталов сооружены баррикады... при этом мэр города, социалист Ги Монтар, отказывается вводить в столице комендантский час, выражая надежду на скорое прекращение беспорядков...»

The Philadelphia Inquirer, Филадельфия, США

Тексты

Лаборатория, Полковник и другие

Полковник пил перно, стягивающее горло легкой анисовой судорогой; Шкипер – тягучий, почти черный ром. Медный выпил уже четвертую рюмку коньяка – какого-то дорогого, кажется, «Курвуазье». Лунь Ву взяла «водку рюс» с закуской, представляющей собой лимон, посыпанный растворимым кофе, и пила ее мелкими глотками. Не пил только издатель, потому что уже напился допьяна и почти лежал на стойке бистро, смежив веки, и не пила Лис, которая после увиденного погрузилась в шок и сейчас, в бистро, ограничилась свежавыжатым апельсиновым соком.

– ...конечно, я пытался, – глухо говорил полковник, зачем-то осторожно ощупывая и поглаживая тонкую ножку бокала, – на уровне их МВД, через кое-каких своих знакомых. Сами понимаете, все, что удалось, – это получить статус наблюдателей. А тогда... там, под насыпью... я все время думал, что же ОНИ изобретут на этот раз. В первый раз была вода, они затопили нашу базу в Сибири; второй раз, под Евсино, – воздух, птицы... Что будет в третий раз?! Только догадался – огонь, как у них все и завертелось.

– На месте сейчас работают криминалисты из прокуратуры, – заметила Лунь Ву нехотя, по-французски. – Говорят, ни одного следа какого-либо взрывного устройства. И следов электропроводки на заборе не обнаружили. Неро в бешенстве.

Полковник мрачно кивнул. Еще бы, им, сгрудившимся плечом к плечу в тесной землянке под линией подземки, было видно, как ЭТО началось. Из фонтана, из его бронзовой чаши вылетел сияющий ступок, нечто вроде большой и косматой шаровой молнии, и, повисев пару секунд, он распался на десятки мелких комочков. Один воровато отлетел к ограде и растворился в ее стальных пиках – как раз тогда, когда спецназ начал швырять дымовые шашки, закрывая все серой пеленой; а другие комочки рванулись к машинам, окружившим плотной стеной виллу, ныряя под их днища, и автомобили вспыхивали, взрывались, их объятые пламенем остовы подбрасывало. Но зловещим шарам этого было мало: они металась по парку перед виллой, настигая мечущиеся фигурки успевших прорваться и жала их, превращая в живые дергающиеся факелы. Над перекрестьем улиц раздавались крики и запах горелого человеческого мяса, которые ветром доносило туда, в эту земляную нору. А они стояли, сжимая кулаки, и не могли даже малейшим образом вмешаться. Заратустров глухо матерился сквозь зубы, а Лис всхлипывала.

Они так стояли, пока в их убежище не ворвалась растрепанная, растерзанная и красная от злости китаянка.

Она была во всем черном – в джинсах и облегающем свитерке, делавшем ее похожей на гибкую кошку, – и почему-то в резиновых перчатках ядовито-красного цвета. В этих перчатках она стискивала карту Парижа и затрепанный томик «Центурий» Нострадамуса.

– Черт! Merde!!! Oui, я есть их нашел! – взорвалась она, размахивая томиком. – Надо читать! Nous devons trouver des correspondances dans ce livre!¹⁶

Они ничего не смогли бы ТАМ остановить. Лучше всех это понимал полковник – он и сориентировался быстрее, несколькими точными, снайперскими вопросами вытащив из взволнованной Лунь Ву суть происходящего. Той, несмотря на запреты, все-таки удалось осмотреть искалеченный труп молодой женщины, гражданки Франции и Саудовской Аравии, Сурии Хан, и труп ее водителя, погибших якобы в автокатастрофе под Парижем. Тела были сильно обожжены, но огонь по странному совпадению не тронул руки погибших. Под ногтями этих двоих

¹⁶ Мы должны найти сообщения в этой книге! (фр.).

обнаружилась земля. Обыкновенный парижский суглинок. Не оставалось сомнений: все это время, пока зарождалась идея спецоперации, обитатели виллы рыли подземный ход!

А в кармане залитых кровью брюк водителя обнаружилась записка, которую тоже пощадил огонь. Записка с цифрами. Всего лишь несколькими закорючками:

IX91
IV45
IX50
AX18
I I I 2
AA + 2

Заратустров тогда кинул еще один взгляд на черно-серую шапку пожара, объявшаую треугольный остров виллы, и, скрипнув зубами, рыкнул:

– Пошли отсюда. Все. Быстро!

Для Лунь Ву даже не потребовалось перевода – она все поняла и так.

Скользя по покрытой ночной росой траве, компания покинула свой «наблюдательный пункт» и скатилась по противоположной стороне насыпи. Здесь, на бульваре Камелина, оцепление уже было снято (китайка прорвалась последней, устроив перебранку с патрулем), и только редкие автомобили проезжали мимо, а их водители тарасились на клубы дыма, ползущие над насыпью. У тротуара стоял синий фургончик «ситроен», в котором и прикатил полковник, – с эмблемой французской телекомпании на боку. Шкипер, Лис, Медный, Майбах, китайка и сам Заратустров забрались в машину, с грохотом задвинули дверцу и очутились в тишине, противно пахнущей какой-то химией продезинфицированного салона. На столик шлепнулись книга и карта Парижа.

– Шифр! – выдохнул Заратустров, судорожно доставая из нагрудного кармана кожаной куртки сигариллу с мундштуком, в целлофане. – Надо его раскрыть, ребята... Лунь Ву, как догадались, что это катрены?!

Китайка только пожала плечами. Полковник обратился к ней на русском, но она поняла смысл вопроса.

– Это номера катренов, точно! – воскликнула Лис, и глаза ее заблестели.

А Шкипер уже молча шуршал бумагой. Лунь Ву сбивчиво объясняла, что она только по наитию остановила свою машину возле букинистического киоска на набережной и схватила эту книжку – как выяснилось, русское эмигрантское издание катренов в переводе Мережковского и Гиппиус, тысяча девятьсот двадцатого года. Слеповатый шрифт, неровные строчки...

Шкипер нашел катрен IX-91 и с выражением прочитал:

Ужасная чума в Перинфе и Никополе.
Она ударит по Полуострову и Македонии.
Она опустошит Фессалию и Амфиополь.
Неизвестное зло и отказ Антуана.

В небольшом фургончике-коробке воцарилась тишина. Полковник, яростно жуя сигару, скомандовал:

– Ребятюшки, напряглись! Мозговой штурм! Что такое эти Перинф, Никополь, Амфиополь?

– Древнегреческие топонимы, – первым подал голос Медный. – Это... это нынешние Греция и Турция. Восток.

– Отлично! Кто такой Антуан?!

Китайка, услышав только одно знакомое слово, разразилась тирадой по-французски, и полковник кивнул.

– Антуан Бурбон, отец Генриха Наваррского, скорее всего... Что было в ту эпоху, шестнадцатый век? Крестоносцы...

– Бурбоны были главнокомандующими войск крестоносцев, – тихо отозвалась Лис. – Черт... точно!

– Отлично. Значит, некий Антуан вторгся в Восточную область, пораженную чумой... и явно оказался не на высоте. Лунь Ву, – полковник перевел для нее, – что скажете?

Китайка-комиссар бесцеремонно закурила, достав из кармана пачку крепких американских сигарет, несмотря на тесноту и духоту фургончика, стряхивая пепел себе на босые ноги. Она выпустила клуб дыма в сторону работающего кондиционера и сказала:

– Крестоносцы – это полиция. На эмблеме спецподразделений Иль-де-Франс – крест! Антуан – это Неро. Все ясно. Я умоляла его отказаться от штурма. Он его начал...

– Тэк-с! Хорошо. Чума – это то, что мы видели...

– На средневековых гравюрах чума изображалась в виде адского огня, идущего из земли, – тихо подсказал Шкипер. – Андрей Юрьич, читай дальше. Глава четвертая, стих сорок пять...

Никого не останется, чтобы требовать.
Великий Мендозус получит свою империю.
Он заставит переменить приказ.
Пьемонт, Пикардия, Париж, Тоскана – наихудшие.

При последних словах Лунь Ву хрипло вскрикнула. И тонкой рукой обхватила макушку бритой головы.

Полковник наблюдал за ней прищуренным, колючим взглядом.

– *Savez-vous quelque chose, madame?*¹⁷

– *Oui... oui, c'est ca! O, merde!*¹⁸

Она объяснила: спецподразделения МВД имеют позывные по именам европейских городов и провинций. Отряд, затребованный Неро, носил позывной «Пьемонт» и был усилен спецотрядом «Париж-12».

– А Мендозус?

– По-латински – извращенный, порочный... – пробормотала Лис. – Похоже, это...

– *C'est Aristide Nereaut. Il est gay*¹⁹, – отрывисто бросила китайка, отреагировав на латинское слово.

Ее последнее слово тоже поняли. Майбах, до того угрюмо молчавший, крикнул:

– Ага. В общем, свою империю он получил! Вилла захвачена... А он давал приказ о прекращении операции?

Лунь Ву кивнула. Это был странный диалог – из всех присутствующих иностранцев только полковник, Майбах и Лис понимали по-французски. Но значение сказанного удивительным образом, минуя лингвистические перегородки, проникало в каждую голову.

– Когда люди уже начали гореть, он дал приказал отходить. Я слышала его на полицейской волне. Следующее читайте!

Теперь прочел Майбах, придвинувший книгу к себе:

¹⁷ Вы что-то знаете, мадам? (фр.).

¹⁸ Да... да, это так! О, дерьмо! (фр.).

¹⁹ Это Аристид Неро. Он гей. (фр.).

Мендозус достигнет скоро своего высокого царства,
Оставив немного позади Норларис.
Бледный, красный, мужчина в междуцарствии,
Пугливый юноша и варварский (берберский) террор.

Окончив чтение, он воскликнул:

– О, черт возьми! Берберский террор – это мусульманская угроза! Тогда их называли берберами...

– Ладно! – перебил его Заратустров, уже изжевавший зубами пластиковый мундштук. – Это понятно. Меня интересует Норларис... и тот факт, что его оставили позади! Немного позади... Ну-ка, давайте карту!

Зашелестела расстеленная на столике карта города. Кончиком незажженной сигариллы Заратустров начал водить по ней – от района Малакоф, уже очерченного жирной линией красного маркера.

Тем временем всезнающая Лис подсказала:

– Норларис – анаграмма слова Лотарингия. Где тут Лотарингия? Надо ее искать.

Все сразу посмотрели на китайку, вытянувшуюся, как истукан, на краешке сидения, сплетя голые гибкие ступни замысловатым узлом. Та поняла, наморщила белый лоб и что-то произнесла, а издатель с нехорошей ухмылкой перевел:

– Наша милая Лунь Ву говорит, что областью, принадлежащей нынче тринадцатому и четырнадцатому округу... это справа от кладбища Монпарнас... вот, на карте... владели в шестнадцатом веке Гизы, выходцы из Лотарингии. Эта земля принадлежала им.

– Где?!

– Вот тут. Если следовать от Малакоф вверх, в сторону Ванва... Это шестой округ. Сад Люксембург.

– А почему именно туда? – вдруг спросила Лис.

– Merde! В самом деле... Если правее – то это к Итальянской площади, если левее... – пробормотал Заратустров, рассыпая по карте сигарные крошки и сердито стряхивая их. – Давайте следующий катрен! Что там – АХ18. Странный номер...

– «А» – это буква замены! – резко возразил издатель. – У нас в издательстве мы так обложки обозначаем... Черт, ерунду какую несусь! Но подумайте, может, это так?

Тем временем Шкипер уже нашел восемнадцатый стих десятой главы и прочел:

Лотарингский дом уступит Вандомскому.
Высокого поставят вниз, а низкого – наверх.
Сын мамоны будет избран в Риме,
И двое великих потерпят поражение.

Снова тишина сковала фургончик; в этой тишине Лис шепотом переводила китайку. Та согласно кивала, а потом торопливо забормотала. Все в ожидании посмотрели на Лис.

– Она говорит, – медленно произнесла девушка, – что вряд ли все это относится к месту... Высокий – это Неро. А низкий – это его командир спецназа Калабри. Он... он, как она говорит, назначен сейчас руководителем операции. Вместо Неро.

Она подождала, пока Лунь Ву закончит, и с печальным торжеством произнесла:

– А Калабри может проводить облавы только... в прилегающих кварталах. Но они уже покинули эти места. Вопрос в одном – куда может выводить подземный ход? Эта шифровка предназначалась тем, кто должен был подобрать группу обитателей виллы и переправить дальше.

– Что ж, – вздохнул Майбах, – осталось два последних катрена – I I I 2 и AA + 2. Начнем со второго стиха третьей главы.

Воины сражаются в небе долгое время.
В середине города упало дерево.
Священная ветвь обрублена, меч, пылающая головня в лицо.
Тогда падет монарх Адрии.

Заратустров зашевелился обеспокоенно. Выкинул в угол фургончика, мимо урны, искромсанную сигариллу. Что-то его мучало, какая-то догадка. Он забормотал:

– Дерево... в центре города? Воины в небе... Лунь Ву, ваш выход, черт подери. Ни черта не понятно.

Китайка вскочила, опершись худющими руками о скрипнувший столик, потом длинным тонким пальцем начала водить по карте, что-то поясняя по-французски.

– Дерево, – сонно переводила Лис, – это метро. Они называют его линии «деревьями»... наверно, как у нас говорят, «ветка метро»... Речь, видимо, идет о какой-то старой заброшенной линии, ведущей в центр города. Подземный ход уходит в нее от виллы. Они не смогли бы прокопать слишком далеко. Да, но куда все-таки эта линия ведет?

Внезапно ее перебил издатель. Он молча кусал ногти, обнажив золотые запонки в манжетах. Стуча ногтем в зеленое пятно на карте, он горячо возразил:

– Ребята, главное, главное! Монарх Адрии – это же римский император Адриан, с которым сравнивали Генриха Четвертого... Генриха Четвертого! Король Наваррский... удар мечом Равальяка на улице Медников четырнадцатого мая тысяча шестьсот десятого года... Тогда все понятно с последней строчкой: плюс два – это тысяча шестьсот двенадцатый год.

Все замолчали. Мимо фургончика, завывая сиренами, пронеслись два реанимобиля. Над поредевшей дымной шапкой, грохоча, кружились полицейские вертолеты...

– В тысяча шестьсот двенадцатом году Мария Медичи, не желая жить после смерти мужа в Лувре, приобрела особняк герцога Люксембургского, на месте которого Соломон де Брос выстроил для нее дворец. Это же прямой намек на Люксембургский сад!

Полковник поднялся первым. Выпрыгивая из машины, он потянул за руку китайку:

– Мадам Ву, давайте за руль! Срочно туда...

И, пока женщина перебиралась за руль «ситроена», Заратустров хмуро прибавил:

– Остается понять, что такое «головня в лицо». Хотя я, кажется, уже догадываюсь.

С грохотом закрылась дверь. Фургон рванул вперед, и Лис повалилась на колени Майбаха.

Через десять минут гонки через кричащие сигналами перекрестки автомобиль ворвался на дорожки Люксембургского сада – с рю д'Ассе. Деревья застучали по крыше фургончика. А через несколько секунд он вылетел на зеленый газон. Это было одно из глухих мест, расположенное далеко от флигелей дворца. Тут не оккупировали траву парочки, тут было сыро и тихо. На полянке темнела черная лысина – раскрошенная земля, выжженная трава, небольшой провал. И сидел около нее странный человек, молодой, почти голый, в свисающих и обожженных лохмотьях; сидел, укрыв коротко стриженную голову в ладони.

Полковник выскочил первым, бросился к нему; следом высыпали из фургона остальные. Заратустров, стоя на коленях около этого человека, уже отлеплял его ладони от лица и бормотал растерянно:

– Андрюша, Андрюшка... Как? Ты отбил, отбил, да?

Медный поскользнулся на мокрой траве – он вдруг узнал это лицо, искромсанное зловещими шрамами сторевшей кожи, багрово-красное, словно сваренное в кипятке, на котором среди отвратительных бугров пересаженной и плохо прижившейся кожи выделялись только жгучие глаза. Узнал не сразу, но подсказала интуиция – это тот самый парень, который метался рядом с упавшей на траву девчонкой в сквере у Оперного театра; это тот самый спутник Неве-

сты Старца и одновременно – загадочный мотоциклист; это тот, кто горел в перевернутом «уазике»...

Парня подняли и увели в микроавтобус. Полковник, забрав у француженки мобильный телефон, разговаривал с каким-то врачом, часто повторяя: «Глаза... Все очень серьезно, поймите!» Лунь Ву, склонившись над ямой, исследовала ее; белые узкие ступни стали черными от пепла сгоревшей травы. Медный тупо смотрел на все это и соображал, какая же шаровая молния разорвалась здесь, уничтожив каждую травинку под кончик, оставив только маслянистый прах. В небе над тихим Парижем плыли облака...

Рядом оказался Зарастустров – он уже пыхтел сигарой. Так же, как и китаянка, поворошив ногой сгоревшую траву, которая жестяно хрустела, он пояснил:

– Они ушли с виллы через подземный ход. Потом по старой ветке метро, строительство которой было прервано в семидесятые... после алжирских терактов – вот вам обрубленная ветвь! – пробрались сюда. Андрей наш, видимо, выследил их на ментальном уровне – ОНА его звала, звала... А они по нему шарахнули своей «молнией». Сгустком энергии. Хорошо, парень уже научился отбивать эти атаки... Вот вам и головни в лицо! Только все равно я боюсь, что у него начнется отслоение сетчатки, – даром такие вещи не проходят... Ладно, Андрей Юрьевич, пойдёмте. Нам тут делать нечего. С минуту на минуту приедет полиция, а у нас всего лишь частная миссия.

Доставив Андрея в небольшую, но очень современную частную клинику в районе Вожирар, они отправились пить. Банально и вполне по-русски. Их гидом по многочисленным кабакам выступал Майбах, выучивший гастрономический и винный Париж, как «Отче наш», назубок. Он и сошел с дистанции раньше всех. А в бистро «У Ришара», на старой улице Тампль, тридцать семь, они уединились на третьем этаже, где стойка покоилась на простых тесаных камнях, а стулья перед ней представляли собой вентиляционные трубы с дощатым верхом. Тут и провели вечер, к концу его переместившись в угол зала, на жесткие стулья из вагонов парижского метро. Разудалые официантки носили кальвадос, кофе и коньяк. Майбах, проснувшись, заигрывал с ними, а потом начал открыто флиртовать с Лунь Ву. Потом они вдвоем исполнили на потеху посетителям знаменитый твист из «Криминального чтива», и длинные босые ступни Лунь Ву не уступали ногам знаменитой Умы Турман. Потом снова пили. Медный, раздобыв где-то гитару, исполнил несколько своих песен; Майбах спел французскую застольную... Танцевали на столах, втащив туда официанток. Медный пил анжуйское с ноги Лунь Ву, пародируя другой фильм Тарантино, а полковник мастерски играл на губной гармошке.

Это им было необходимо, для выхода эмоций...

Медный проснулся утром. Ощущение дежа вю пришло к нему сразу, как только он уперся открытыми глазами в беленый потолок. Потом он перевел взгляд на окно – те же плотные, мохнатые шторы, что и у него в квартире. Посмотрел прямо – тут ощущения сбились, растерялись, ибо глаза наткнулись на художественно нарисованную на стене вагину; красно-розовые и малиновые оттенки выглядели очень естественно. И, только приглядевшись, он понял, что это рекламный мегапостер работы Энди Уорхолла к одноименному спектаклю. А когда Медный совсем скосил глаза, не в силах пошевелить телом, в котором свинцом залегла неподвижная, неподъемная тяжесть, то увидел белое, очень грациозное обнаженное тело, лежавшее к нему спиной. Видны были только узкие, худые плечи, трогательный позвонковый пересчет на спине между худыми лопатками; широкие, с крутым изгибом кости таза, подогнутые под себя ноги с красноватой пяткой и татуировка под левым ухом – черная змейка, кусающая свой хвост. Кто это?

Женщина повернулась, сладко застонав во сне. Медный шарахнулся. Конечно! Как он сразу не догадался? Его взгляд сам собой нашел три родинки, сложившиеся в правильный треугольник чуть выше бесстыдно оголенного, едва прикрытого рыжеватым пухом лона.

Медный зажмурился и оцепенел. Интересно, как они вчера общались, если он по-французски ни бельмеса? А когда он открыл глаза, рядом уже никого не было. Только за стеной шумел кран – казалось, сама вода резвилась и отфыркивалась. Потом и этот звук затих.

Медный лежал под одеялом, боясь пошевелиться. Он только сейчас сообразил, что на нем тоже ни лоскутка одежды. Вот стеклопластиковые нити в проеме разошлись, впустив Лунь Ву. На китайке было только полотенце с красно-золотыми драконами, обвивавшее бедра. Медный, как будто впервые, уставился на ее выпуклую острую грудь с большими малиновыми сосками. Китайка улыбнулась ему, последовав к той самой скабресной картинке. Только тут он сообразил, что это не стена, а стойка, отделявшая крохотную кухню от комнаты. Лунь Ву отвернулась от него, показывая худую спину, чем-то звякнула и спросила:

– Est-ce que tu a dormi bon? Veux-tu un café?²⁰

– М-м-дааа... – промямлил Медный.

Отлично. Значит, он переспал с этой китайской француженкой. Хорошее продолжение их «движняка» на Мадлен! Самым поганым было то, что он не мог припомнить ни единой детали – ни ее прикосновений, ни слов, если они были, ни движений тела, вне сомнений, изумительно гибкого. От досады Медный чуть не застонал в голос: черт, провести ночь с такой шикарной азиаткой и совершенно ни черта, ни малейшей секунды не помнить! Вполне по-русски.

Тем временем Лунь Ву уже приготовила кофе. Аромат его моментально заполнил всю комнатку, как чашку, до краев. Очевидно, вся нехитрая аппаратура для еды, потребная для европейца: тостер, кофеварка и микроволновка, – скрывалась за этой стойкой. Через минуту китайка появилась оттуда, вновь показав свое символическое красно-золотое одеяние, и, приблизившись, легко присела на постель, при этом полотенце соскользнуло, и на глаза Медному вновь попались все те же три родинки пониже пупка.

Так могла сесть только женщина, не стеснявшаяся уже ничего и связанная со своим любовником долгими узами. Медный снова содрогнулся, подумав, что же было между ними этой ночью.

Он судорожно сглотнул. Взял чашку.

– Qu'est-ce que c'est? Tu es triste?!²¹ – обеспокоенно спросила Лунь Ву.

Медный с трудом подобрал слова.

– Non... tu es bonne... tu es tres jolie...²² – растерянно выдавил он.

Лунь Ву рассмеялась. Она забралась на кровать с ногами, и теперь ее узкие голые ступни с длинными, приплюснутыми на кончиках пальцами и по-азиатски широким промежутком между большим и указательным, находились в тридцати сантиметрах от лица полулежащего Медного. Он торопливо прижал к губам чашечку с кофе.

– Tu a été tres furieux... je pensai, que tu avais été un tigre!²³ – хриловатым голосом произнесла она, блестя своими черными, подобно маслинам, глазами.

– Oui... je ne comprend pas français...²⁴

– Oh! Tu m'a pris comme un animal... c'est formidable... quand tu m'a pris au cheveux et donne ton coup au planchet, au-derriere... – промурлыкала француженка – О! C'est comme in tour gigantesque, qui ma ecrase...²⁵

²⁰ Ты хорошо спал? Хочешь кофе? (фр.).

²¹ Что это? Ты грустишь? (фр.).

²² Нет... ты хорошая... ты очень красивая... (фр.)

²³ Ты был в ярости... Я думаю, ты был как тигр! (фр.).

²⁴ Да... но я не понимаю по-французски... (фр.).

²⁵ О! Ты взял меня как зверь... это великолепно... Когда ты схватил меня за волосы и прижал к полу, сзади... О! Это была такая башня, которая меня пробила... (фр.).

– Oui... pardone-moi... que j'ai vous derange...²⁶ – сконфуженно пробормотал вконец потерявшийся Медный, припомнив фразу из наспех прочитанного русско-французского разговорника.

Лунь Ву снова рассмеялась и расплескала кофе на свои голые коленки, на ноги. Она обтерла их пальчиком, а Медному захотелось слизнуть эту коричневатую влагу.

– O-la-la! Que'est-ce que nous ferons aujourd'hui? – поинтересовалась она и, сообразив, что ее спутник ничего не понял, наморщила лобик, с трудом подобрал слова. – Что ест делить сичас? Rochmelié? C'est mon ami Maybach, qui m'a apprend de ce non – «rochmelie»... Un-deux trink?

Из всего сказанного Медный уловил только два слова – «похмелье» и «дринк». Энергично закивал головой. Лунь Ву допила кофе одним глотком, встала и, обойдя кровать, принялась одеваться у шкафчика. Медный следил, как одежда скрывала ее обнаженное тело. Сверху сел тонкий красный джемпер, на голое тело. Бедра украсили трусики черного цвета, а затем скрылись под черными бесформенными брюками. Смотрясь в зеркало, висевшее на дверце шкафа, Лунь Ву достала из тряпок какой-то тяжелый на вид, длинноствольный пистолет и легко спрятала его сзади, между ремешком брюк и черной полоской трусиков.

²⁶ Да... извини меня... что я доставил тебе неудобства... (фр.).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.